

№ 20 (1402) ОКТЯБРЬ 1985

ISSN 0131—6656

смена

С днем
рождения,
комсомол!

ЯМБУРГ
СЕГОДНЯ И ЗАВТРА.

Портрет
планеты Земля.

Навстречу XXVII съезду КПСС

Постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении партийного руководства комсомолом и повышении его роли в коммунистическом воспитании молодежи» стало боевой программой действий для Ленинского Союза молодежи.

Опираясь на помощь и поддержку партийных комитетов, комсомольские организации за прошедшее время самокритично и всесторонне проанализировали свою работу, наметили пути перестройки стиля и методов деятельности в соответствии с требованиями партии.

Виктор МИРОНЕНКО, первый секретарь ЦК ЛКСМ Украины

-С

читанные месяцы отделяют нас от события поистине огромного исторического значения. XXVII съезд КПСС, открывшийся в феврале будущего года, станет этапной вехой в развитии нашего общества, получит широчайший отклик во всем мире. Достойно встретить партийный форум — вот сегодня важнейшая задача комсомола, каждого молодого труженика.

Весом трудовой вклад и комсомольцев Украины. Достаточно сказать, что более половины добычи угля, 66 процентов, каждая вторая выпущенная в республике тонна стали — дело рук молодых.

Комсомол республики существует над сооружением новых шахт, атомных электростанций, рядом с которыми растут и молодые города. Творческая мысль молодых ученых, рационализаторов нацелена на ускорение научно-технического прогресса, на механизацию и автоматизацию ручного труда.

Нет возможности назвать имена всех передовиков, чьи достижения золотой строкой вписаны в летопись трудовой славы комсомола республики. Но об одном рекорде умолчать никак нельзя.

Установлен он в ночь с 30 на 31 августа в шахте имени XXII съезда КПСС, бывшей «Центральной Ирмино». — в той самой шахте, где ровно 50 лет назад рекордной выработки, 102 тонны, достиг Алексей Стаканов. На сей раз в забой спустился наследник Стаканова — молодой шахтер Александр Царевский, известный в республике бригадир комсомольско-молодежной бригады, лауреат премии Ленинского комсомола 151 тонна угля, 20 дневных норм — таков итог этой юбилейной стахановской смены.

Добавлю: Александр был делегатом XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. Это событие также во многом определило трудовой настрой молодежи.

Делегаты фестиваля, вернувшись домой, в свои коллектива, на рабочие места, призвали юношей и девушек Украины и дальше трудиться с фестивальным огнем, по-стахановски, чтобы достойно встретить XXVII съезд партии. С таким призывом обратился к товарищам и Александр Царевский. Как видите, его слова не разошлись с делом.

Хотелось бы только подчеркнуть: столь весомая трудовая победа — результат коллективных усилий. Да, Царевский — лидер, ас в своем деле, но он силен поддержкой своих товарищей, взаимовыручкой, общим стремлением к работе с полной отдачей.

— В сфере труда, в сфере досуга происходит нравственное становление личности. Вы, Виктор Иванович, уже коснулись этих проблем, но хотелось бы поговорить о них подробнее. Что сегодня, на ваш взгляд, сильнее всего влияет на формиро-

вание морально-политического облика молодого современника? Какими возможностями в этом плане располагает комсомольская организация?

— Действительно, проблемы эти сейчас особенно остры и актуальны. Их решение требует постоянного, неослабного внимания. Вспомним слова Владимира Ильича Ленина на III съезде РКСМ: «Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали». Эта ленинская мысль с новой силой подчеркнута в постановлении ЦК КПСС по комсомолу.

Приятно рассказывать об успехах в труде, тем более что их немало, но в то же время есть вещи, которые тревожат. Посудите сами: у нас в республике около 85 тысяч комсомольско-молодежных коллективов. Это большая сила. Однако почти 4 тысячи из них ежегодно не выполняют план. Более ста тысяч молодых рабочих не справляются с нормами выработки, велики еще потери рабочего времени. Чаще всего дело упирается в слабую организацию труда. Но драгоценное время теряется и из-за прогулов, других нарушений дисциплины. Здесь-то и сказываются недоработки и просчеты в нравственном воспитании.

Социологи провели однажды такой эксперимент. Встали у проходной и задали опаздывающим, среди которых были и молодые, вопрос: «Кого вы подвели своим опозданием, коллектив или только себя?». Большинство опрошенных ответило: «Только себя».

Те же оправдания мы слышим от нарушителей, проводя рейды «Комсомольского проектора» или оперотрядов. Дескать, виноват, но сам себя и наказал — имея в виду «проколы» в зарплате и премии. Вот где кроется узкое, ограниченное и в корне неверное представление не только о нравственном, но и экономическом смысле своего проступка.

— Но почему эта несложная истина — от любого нарушения дисциплины страдаем все мы — с трудом доходит до иных молодых, начинающих самостоятельную жизнь людей, тех, кому доверены современные станки и механизмы? Впору опять садиться за школьную парту и по новой учить — «что такое хорошо и что такое плохо»...

— В школе, в семье ребят учат добру, а вот в жизни... Многое зависит от моральной атмосферы коллектива, в который приходит новичок. Что скрывать, бывают случаи, когда обыкновенная групповая мораль с ее ложными понятиями о чести и товариществе, с ее стремлением побольше урвать от общества перевешивает нравственные истины, какие прививали юноши или девушки в школе. Вот, к примеру, недавняя история. Сергей К., восемнадцатилетний слесарь авиаобъединения, в обеденный перерыв был задержан в винном магазине. Нет, за вином его никто не посыпал — сам побежал, хотел «угостить» товари-

щих по бригаде в честь своего дня рождения. Казалось бы, во всем виноват один Сергей, который, кстати, не пьет — спортсмен. Но почему парень побежал к винному прилавку? Оказывается, в бригаде, где он работает, «традиция» — отмечать личные праздники таким вот неподобающим образом.

Такого, уверен, не произойдет в коллективе, где есть авторитетный руководитель, наставник, умеющий наглядно показать взаимосвязь экономики и нравственности, глубоко и правильно понимающий диалектику личных и общественных интересов.

Хочу рассказать о комсомольско-молодежной бригаде станочников с Харьковского завода имени Малышева, которую возглавляет опытный токарь, Герой Социалистического Труда, член ЦК КПСС Владислав Алексеевич Петров. Здесь все — и новички, и «старички» — работают в едином наряде. При умелом применении бригадный хозрасчет всегда дает еще и воспитательный эффект, служит основой для установления подлинно товарищеских отношений в коллективе. Вот и в этой бригаде в корне пресекаются малейшие проявления рвачества, расхлябанности, пустословия. Бригада — один из инициаторов массового движения харьковчан «Задание пятилетки — без увеличения ресурсов». Строго учитывается расход электроэнергии, материалов, инструмента. В этом году ребята уже три дня отработали на сбереженных ресурсах. Свою пятилетку они выполнили за четыре года, а к юбилею стахановского движения, 31 августа, рапортовали о завершении шести годовых заданий. Трудовой подарок готовят бригада и к открытию XXVII съезда КПСС.

Много еще можно рассказывать об этом замечательном коллективе: о шефстве над учебной группой в СПТУ-6, об активном участии комсомольцев бригады во главе с комсоргом Николаем Максименко в общественных делах цеха, завода. Но сейчас я еще раз подчеркну главное: молодым тут есть у кого учиться. Владислав Алексеевич Петров, по-отцовски требовательный и заботливый, является для ребят ярким примером настоящего рабочего-коммуниста, для которого интересы дела, интересы общества превыше всего. Вот о ком нужно писать целую книгу.

Кстати сказать, мы зачастую очень уж упрощенно и абстрактно строим нравственное воспитание юношества. Рисуем в качестве образца для подражания этакую икону — «рыцаря без страха и упрека». Но таков ли современный герой в действительности? Неужто ему неведомы ни сомнения, ни ошибки? Отбрасывая «мешающие детали», мы полагаем, что тем самым возвышаем героя в глазах ребят, на деле же обезличиваем, огрубляем сложный характер и в конечном счете отдаляем героя от воспитанников. Ведь юности свойственны не только романтические стремления, но и определенный скепсис в оценке своих возможностей. А потому положительный пример кому-то может показаться недостижимым идеалом. В связи с этим вспоминается очень меткое, на мой взгляд, высказывание писателя Юрия Трифонова: «Иdealного человека искать не надо — это бессмысленно; но надо искать идеальное в человеке».

— Вы затронули, Виктор Иванович, очень важный вопрос — убедительность положительного примера. Действительно, это очень серьезная проблема, которая, судя по нашей редакционной почте, волнует молодежь. Вот выдержки из одного читательского письма. «Я хочу обратиться к взрослым», — пишет десятиклассница Светлана, свою фамилию она просила не называть. — Вы учите нас: надо быть хорошими, честными, справедливыми, неравнодушными. Говорите о нравственности, самоотверженности, забывая о том, что в жизни далеко не все высоконравственны. По крайней мере я не могу назвать из знакомых мне взрослых, кто бы жил по совести. Говорить красиво умеют все, и я в том числе, но убедить меня можно только делом, поступком, а не болтовней».

— Интересное письмо. Сразу скажу: в принципе я согласен со Светланой — убеждает поступок, дело. Жаль только, что она не видит вокруг себя людей.

ЭНЕРГИЯ

достойных уважения, не находит, говоря словами писателя, «идеальное в человеке». И тут Светлана, наверно, меньше всех виновата. Потому что такой близорукостью страдают и многие взрослые — учитель, комсомольские работники. Часто ли в школе, в комсомольских коллективах учат этому жизненно важному искусству — подмечать нравственную красоту в окружающих нас людях? Откровенно признаемся: не часто. Больше обращаемся к истории, литературе. Да, исторические деятели, герои любимых книг предстают ярко, привлекательно, оценка их поступков и характеров испытана временем. Но разве в нашей жизни мало людей, по масштабу и обаянию близких, скажем, Павле Корчагину или Василию Губанову из фильма «Коммунист»?! На Украине, вдумайтесь в этот факт, более трех тысяч Героев Социалистического Труда, 23 человека удостоены этого высокого звания дважды. Вот люди с чистой совестью, огромной, неискажаемой работоспособностью. Люди, беззаветно преданные делу партии, идеалам коммунизма. Видно, мы мало говорим о них молодым, мало пишем. Все еще робко привлекают комитеты комсомола к работе с молодежью тех прославленных рабочих, которыми гордится коллектив, ветеранов труда. И совсем никак не годится, когда встречи с заслуженным человеком проходят без должной подготовки — казенно, скучно, заограничено.

Затронута в письме школьницы и другая болевая точка воспитания молодежи: единство слова и дела. Надо ли много говорить о смысле этого принципа? Теоретически тут полная ясность, а вот на практике мы еще нередко, к сожалению, видим, как говорят одно, а делают другое. В 15—16 лет ребята — максималисты и, столкнувшись с нечестностью, двуличием, лицемерием родителей или учителей, подвергают сомнению честность и порядочность вообще. Надо прямо сказать: подростки часто правы в своих повышенных требованиях ко взрослым. Собственно, все отклонения от норм нашей морали, все правонарушения юных как раз и начинаются с попустительства, с занятия требовательности людей друг к другу.

А сколько раз доводилось видеть, как тот или иной комсомольский секретарь, выступая с трибуны, бьет себя в грудь, обещает, заверяет, а приходит срок — и... Вот как вышло, например, на Синельниковском рассорном заводе. Повышенные обязательства там приняли 15 комсомольско-молодежных бригад. Намеченные показатели, понятно, рассматривал комитет комсомола. Рассмотрел и одобрил, то есть признал, что все пункты обязательств вполне реальны и обоснованы. А что получилось? Семь бригад просто-напросто распались, шесть других, обещав сэкономить в общей сложности 177 тонн проката, перерасходовали 67 тонн металла. Зато гладко было на бумаге...

Или возьмем физическую подготовку. Какие «громкие» цифры порою приводятся, в на деле?.. В Донецкой и Ворошиловградской областях, например, на контрольной проверке из 124 значков нормативы ГТО выполнили лишь 17 человек. Это ли не очковтирательство? И опять первый упрек комсомольским работникам — тем, кто подписывал «липовые» протоколы, вручал ребятам не заслуженные ими значки. Ущерб нанесен не только физическому, но и нравственному воспитанию — от этого двудединства мы никуда не уйдем.

— Значит, где не кленятся двело, там всегда проигрывает нравственность?

— Конечно. Как, впрочем, и наоборот: там, где хорошо налажена какая-то работа, там заметны результаты в нравственном воспитании. Так, в Днепропетровской области всерьез взялись за досуг «трудных» подростков. Что сделали комсомольцы? Построили для ребят три военно-спортивных лагеря, где за лето проходят подготовку более двух тысяч отпетых сорванцов. Многие из них, пройдя школу юнармейца, сами приходят в райком комсомола и просят поручить им шефство над «трудными». По данным анкетного опроса, 70 процентов ребят, побывавших в летнем лагере, мечтают об офицерской

службе. Но это только легко сказать «построили лагерь» — ведь за этими словами напряженный труд сотен людей. Молодые архитекторы подготовили проект, смету. На закладке лагеря работали бойцы ССО, комсомольцы промышленных предприятий, освобожденный комсомольский актив. О темпах можно судить по двум цифрам: первый лагерь построен за 26 дней, при этом освоено почти 400 тысяч рублей.

Подростки увидели, что комсомольская жизнь многое ярче, интереснее, чем прозябанье в подворотне. В лагере они заняты полезным делом, живут по четкому распорядку, ну, а в праздники здесь выступают лучшие вокально-инструментальные ансамбли области, дискоклубы. Различные конкурсы, спортивные состязания — словом, все, чем богата областная комсомолия, было здесь осуществлено. О результатах я уже сказал...

— Проблемы досуга молодежи встают во главу угла деятельности комсомольских организаций...

— Это закономерно. Подсчитано, что у современного молодого человека 130—150 свободных дней в году. Огромное пространство для самовоспитания, духовного и физического развития. Не секрет, что именно здесь, в сфере досуга,ощущается наибольшее массированное напряжение идеологического противника, который пытается навязать молодежи образчики буржуазной массовой культуры, чуждые нам стандарты поведения, мещанская, потребительская психология.

— Виктор Иванович, этот вопрос беспокоит многих: у нас немало различных кружков, секций, хотя, по правде сказать, могло бы быть и больше. А вот заметных сдвигов в организации молодежного досуга что-то не видно. Количество не переходит в качество. В чем дело?

— Тут масса трудностей и неувязок. Слаба еще материальная база молодежного отдыха, нет должного взаимопонимания и единства действий организаторов, нет продуманной системы работы с разными категориями молодежи. Понятно, что сразу ничего не возникает, но нельзя ждать сложа руки, нельзя бездействовать. В прошлом году, к примеру, мы провели совместно с Госстроем УССР и Министерством коммунального хозяйства конкурс на лучший проект подросткового клуба. Часть предложенных идей уже нашла реальное воплощение в Дарницком районе Киева.

— Несколько дней я был в Киеве и не увидел ни одного пьяного. Видимо, это не случайность?

— Да, организуя досуг молодежи, мы боремся за трезвый досуг. Еще до выхода постановления ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» повели решительное наступление на спиртное. Вышедший партийный документ придал нашим усилиям мощный импульс, показал, что мы на верном пути.

С чего мы начали? Ввели «сухой закон» для всех 15 тысяч комсомольских работников республики — от первого, секретаря ЦК до вожака первички. Думаю, это логично: подкреплять призывы личным примером. Ведь с комсомольского вожака спрос в первую голову. Но это не значит, что рядовые комсомольцы могут рассчитывать на какие-то поблажки. Мы стремимся к тому, чтобы в каждой комсомольской организации была создана обстановка нетерпимости к пьяницам. Только в начале года за появление на работе или в местах массового отдыха в нетрезвом виде из комсомола исключено 1700 человек. Еще большее число нарушителей получили строгие взыскания.

Меры жесткие, но необходимые. Они отрезвляющие действуют на любителей выпить. Хотя мы понимаем: дать факту выпивки принципиальную оценку, наказать виновных — полдела. С вредными привычками можно покончить, лишь найдя ответ на вопрос: что делать с появившимися свободным временем?

— Опять все упирается в проблемы досуга. Интересно, а как проводят свое свободное время молодые одесситы?

— Понимаю ваше любопытство. У многих представление об этом городе идет от литературы, всякого рода «одесских» песенок и анекдотов. Смею заверить, все это далеко от истины. Да, Одесса — «жемчужина у моря», однако это настоящий рабочий город-порт. Рабочая молодежь, студенчество определяют его лицо. И комсомол тут выпивохам спуску не дает. Именно в Одессе, к слову сказать, появились первые в республике безалкогольные хозрасчетные дискотеки — они пользуются большой популярностью.

— Да и во Львове, могу утверждать на личном опыте, можно прекрасно провести вечер в кафе или баре, не заказав спиртного.

— Наверно, вы обратили внимание, что многие львовские кафе находятся в подвалных помещениях? Видели бы вы эти подвалы шесть-семь лет назад! Комсомольцы навели там порядок. Теперь здесь не просто кафе, но и молодежные клубы, где спиртное совершенно исключено. Наибольшую известность имеет городской клуб творческой молодежи. Молодые поэты, артисты, художники, музыканты устраивают здесь выставки, обсуждают новинки литературы и

искусства. Три человека в штате клуба, а размаху его деятельности может позавидовать любой Дворец культуры. Но особенно ценно то, что творческая молодежь не замыкается в элитарных рамках — гостями клуба бывают молодые рабочие, студенты львовских вузов. Такое можно видеть не только во Львове. Молодые художники Ивано-Франковска, например, устраивают свои выставки на линии газопровода Уренгой — Помары — Ужгород. Показывают картины газовикам, а потом — ребятишкам из детских домов. В Киеве, на Андреевском спуске, где в свое время жили Врубель, Михаил Булгаков, молодые живописцы раскладывают свое «хозяйство» прямо под открытым небом — своего рода киевский Монмартр. Эти вереничики собирают тысячи зрителей.

А про трезвые свадьбы вам во Львове рассказывали? И здесь комсомол играет первую скрипку.

— Виталий Синчук, секретарь Львовского обкома ЛКСМУ, живо, в красках описал одну такую свадьбу, на которой сам присутствовал. Попал он туда не случайно: молодые, жених и невеста — комсомольские работники. Мирослава — секретарь комитета комсомола ПТУ облытупления, а Михаил возглавляет комсомольскую организацию ПТУ-31. Восемьдесят гостей — и ни капли вина, даже шампанского не было. Сначала, рассказывал Виталий, чувствовалась скованность, ведь разные люди собирались, а вскоре пошло как положено — и пели, и плясали от души. Только вместо «Горько!» кричали «Сладко!». Но Синчук не был бы хорошим комсомольским работником, если бы увидел только это. В одном факте он усмотрел целый узел проблем, связанных с внедрением трезвенных обычая.

— А разве не о многом говорит сам этот факт: секретарь обкома на комсомольской свадьбе? Ведь иных вожаков только за руки вытянешь из кабинета. Им легче работать с бумажками, чем с молодежью. А к ребятам нельзя идти с общими словами, надо иметь в душе что-то важное, иметь свои взгляды на многие проблемы, убежденность. Словом, авторитет определяется не масштабом твоей должности, а масштабом личности.

Понимают это и сами комсомольские вожаки. Недавно в нашей республиканской комсомольской газете было опубликовано письмо А. Голобородько, секретаря комитета комсомола треста промстройматериалов из Днепропетровской области. «В том, что к каждому комсомольцу нужен свой подход, меня убеждать не нужно. Но вот как сделать индивидуальный подход результативным? Не наметишь же в плане: «К 15 августа сделать Владимира С. активным...» Выходит, индивидуальную работу надо вести прежде всего... с собой. Надо воспитывать в себе личность. Самому обогащаться знаниями, приобщаться к искусству, литературе, обладать чувством сострадания, живым интересом к окружающим тебя людям».

Правильно рассуждает Голобородько. По-моему, давно пора всерьез подумать о повышении культуры комсомольской работы. Сюда входит прежде всего культура самого вожака, его умение быстро и компетентно решать все возникающие вопросы, умение говорить с молодежью не только с трибуны, но и, так сказать, с глазу на глаз.

Особенно это касается новичков. Бывает, человека избрали секретарем, а он не знает, с чего начать. И начинает... изобретать велосипед. Нужна четкая система, обеспечивающая преемственность в деятельности.

— Действительно, сколько было в комсомоле ярких, умелых вожаков. Жаль, что их опыт порой уходит, как вода в песок. Каким образом вооружить новичка багажом предшественника?

— Хороший секретарь готовит себе замену — это известно. Но есть еще один нехитрый способ. Его использует, например, Виктор Безаврхий, секретарь комитета комсомола киевского завода «Арсенал». Уже не первый год он ведет тетрадь, которую так и называет. «Как это делается. Заметки для преемников». Описывает «технологию» самых разных проводимых на заводе мероприятий — как подбирать людей, где искать источники финансирования и так далее.

— За такое наследство многие скажут ему спасибо.

— О самом Викторе стоит сказать особо. Без преувеличения замечу: это комсомольский работник нового типа. Окончил школу с золотой медалью, отличный шахматист, легкоатлет. Будучи студентом, опубликовал три статьи в научных журналах. А сейчас с головой ушел в дела молодых арсенальцев. Он-то в кабинете не засиживается, всегда в окружении ребят, всегда на острие ситуации. Свою любовь к вожаку комсомольцы «Арсенала» выражают даже в стихах — такого признания, скажу откровенно, добивается далеко не каждый комсомольский секретарь.

Вот такие, широко образованные, инициативные, самостоятельно мыслящие, умеющие за масштабом дел не забывать о конкретном молодом человеке комсомольские вожаки — наша гордость, наша надежда и опора. Беседу вел Павел ЕМЕЛИН.

ЕДА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 20 (1402) ОКТЯБРЬ 1985

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
ударница.

Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ.

- 1 НАВСТРЕЧУ ХХVII СЪЕЗДУ КПСС.**
Виктор МИРОНЕНКО,
первый секретарь ЦК ЛКСМ Украины.
«ЭНЕРГИЯ ДЕЛА».
- 3 КЛУБ «МУЗЫКА С ТОБОЙ».**
Алексей МАКСИМОВ.
«МЕЛОДИИ СЕМЕЙНОГО ХОРА».
- 6 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНЫ».**
Любомир ЛЕВЧЕВ. «МИР, ВОЗВЫШЕННЫЙ МЕЧТОЙ».
- 8 БЕРЕЖЛИВОСТЬ—КАТЕГОРИЯ НРАВСТВЕННАЯ.**
Борис БАЛКАРЕЙ. «УВОЛЕН ЗА ЧЕСТНОСТЬ».
- 9 Рассказ Михаила КОПТЕВА «СХВАТКА В ЛЕСУ».**
- 12 НАВСТРЕЧУ ХХVII СЪЕЗДУ КПСС.**
«КОНТРАСТЫ ЯМБУРГА».
Фотоочерк Владимира АНИСИМОВА и Виктора САККА.
- 15 ЭКСЛИБРИС «СМЕНЫ».**
- 16 Николай ТАРАСОВ. «ЧЕРЕЗ ПОРОГИ К ОКЕАНУ».**
- 18 ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ДИСКУССИЯ «УСТАРЕЛА ЛИ ВЕРНОСТЬ?».**
Александр ЖИЛЯЕВ. «КОГДА ПЛАЧУТ ЭГОИСТЫ?»
- 20 «ПЛАНЕТА НЕОЖИДАННОСТЕЙ».**
- 22 Виктор ЛИХОНОСОВ. «ЖИВОЙ СТРОКИ НАЧАЛО».**
- 24 Екатерина БЕЛОВА. «СИМФОНИЯ ТАНЦА».**
- 26 ТВОРЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ.**
Иван ПАДЕРИН. «...ПЕРЕНЕСТИ НА ПОЛОТНО».
- 28 Повесть Сергея УСТИНОВА
«МОЖЕТЕ НА МЕНЯ ПОЛОЖИТЬСЯ».**

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редакция: В. И. ВИНОКУРОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ (ответственный секретарь), В. И. ДЕСЯТЕРИК, М. Г. КИЗИЛОВ (заместитель главного редактора), А. П. КУЛЕШОВ, И. Н. ОРДЖОННИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САОШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. Р. Павлов. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда». «Смена». 1985 г.

После выступления «Смены»

ДОБРОЕ ДЕЛО В ШТЫКИ?

Д

он Кихот живет в Казани—так можно сказать о герое очерка писателя Диаса Валеева «Доброму живет человек» («Смена» № 8, 1985 г.). Правда, зовут его иначе—Асхат Галимзянов. Ему едва за сорок, работает возчиком в винном магазине, хотя на дух не выносит спиртного.

Напомним, о чём шла речь в той публикации.

Несколько лет назад Асхат своими руками расчистил участок свалки, что выросла неподалеку от его дома, и построил нечто вроде небольшой фермы, где откармливает свиней. В этом ему помогают жена, взрослые сын и дочь. Вырученные от продажи свинины деньги Галимзянов передает в пользу детей-сирот, а также в Фонд мира. Всего за последние годы он перечислил на эти цели более 20 тысяч рублей.

Казалось бы, столь благородное начинание нуждается во всяческой поддержке. Увы, вместо благодарности и помощи энтузиасту Казанский горисполком—и об этом убедительно сказано в очерке—занялся сбором компрометирующих его документов, которые подшипты в толстой папке с весьма красноречивой надписью—«Дело № 2891. Галимзянов».

Санэпидстанция, ОБХСС, пожарная служба, милиция наведывались к Асхату лишь на предмет проверки «обоснованности» его деятельности. Страсти накалились так, что однажды «свиноферма» чуть не угостила под бульдозер. Но на защиту Галимзянова встала местная общественность.

Да, многим со всей очевидностью ясна гуманная суть инициативы Галимзянова. Однако судьба его дела до самого последнего времени была под угрозой. В послесловии к очерку, обращаясь к читателям, редакция писала: давайте сообща поддержим человека, помогающего другим, но и самого нуждающегося в помощи.

Редкая журнальная публикация вызывает такую бурю откликов. Писали ветераны войны и труда, учителя, школьники, студенты, молодые рабочие... Были и коллективные письма. Всего более 500 откликов. Читатели взволнованно размышляли о природе доброты, бескорыстия, призывали самым решительным образом устраниć бюрократические препоны на пути А. Галимзянова. Малая часть читательских писем, наиболее характерных, была опубликована в № 16 нашего журнала.

С понятным нетерпением ждали мы официального ответа на свою публикацию. Сразу же, как только вышел номер журнала с очерком Д. Валеева, мы направили его в Казань.

И вот прошел месяц—ответа нет. Минул другой месяц—опять молчание. Несколько раз редакция связывалась по телефону с Советом Министров ТАССР. Разговаривали с ответственными должностными лицами, но... Устный ответ сводился к одному: вопрос сложный, требует внимательного изучения.

Согласны: вопрос непростой, но сколько же можно его изучать?! Ведь очерк опубликован в апреле, а тут уже лето на исходе.

Наконец, официальный ответ поступил в редакцию.

«Совет Министров Татарской АССР сообщает, что опубликованный в журнале «Смена» очерк Диаса Валеева «Доброму живет человек» и поднятые в нем вопросы внимательно изучены. Совет Министров ТАССР считает, что журнал поднял важный вопрос, который требует всестороннего рассмотрения.

Действительно, тов. Галимзянов А. Г. откармливает свиней не для наживы, им двигают самые благородные чувства, как об этом говорится в очерке. Дети, которым он оказывает материальную помощь, ни в чем не нуждаются, их полностью обеспечивает государство, но мы согласны с автором, что доброта лишней не бывает.

В то же время нельзя усматривать несправедливых, незаконных намерений и действий со стороны исполнкома Казанского городского Совета народных депутатов по отношению к тов. Галимзянову А. Г. Дело в том, что хозяйство тов. Галимзянова А. Г. находится в центре города. Его свиноферма из двадцати голов свиней находится в 30 метрах от жилых домов, нарушает элементарные санитарные нормы, усложняет жизнь, быт сотен людей, угрожает их здоровью. Таким образом, добрая по сути инициатива тов. Галимзянова А. Г. обрачивается злом по отношению ко многим людям.

В связи с этим Совет Министров ТАССР поручил исполнку Казанского городского Совета народных депутатов предоставить новый участок земли тов. Галимзянову А. Г. с тем, чтобы он мог без тех трудностей, которые сейчас испытывает, заниматься своим полезным делом и чтобы эта деятельность не противоречила требованиям санитарных норм.

Совет Министров ТАССР сообщает о том, что председателю исполнкома Казанского городского Совета народных депутатов тов. Идматуллину Р. Р. строго указано на допущенную непрерывность при рассмотрении выступления центральной печати.

Председатель Совета Министров Татарской АССР И. Х. Садыков».

Как видим, Совет Министров автономной республики дает в целом положительную оценку деятельности Асхата Галимзянова. И все же данный официальный ответ оставляет чувство недовольства. Прямо скажем: из содержания ответа не видно, что затронутая журналом проблема действительно внимательно и глубоко изучена в Казани. Налицо лишь констатация фактов и весьма неконкретные обещания насчет того, что А. Галимзянов получит возможность «заниматься своим полезным делом».

Галимзянова упрекают в нарушении санитарных норм и на этом основании полагают, что его «добрая по сути инициатива обрачивается злом по отношению ко многим людям». Что ж, упрек серьезный. Но вспомним, что на месте свинофермы была свалка, наличие которой вряд ли можно считать добрым делом. Разве не горисполком вместе с теми же инстанциями, которые усердно вели «дело № 2891», обязан заботиться о жителях близлежащих домов? Разве нельзя было раньше по достоинству оценить благородную суть усилий А. Галимзянова и с пониманием отнестись к его нуждам? Однако в официальном ответе об этом, к сожалению, не говорится ни слова. Все свелось к «неоперативности при рассмотрении выступления центральной печати».

Почему в итоге страдает человек, совершивший большое доброе дело, а формализм и те, кто прикрывает свое равнодушие служебной инструкцией, остаются в тени? Вот на какой вопрос редакция хотела бы получить ясный и прямой ответ.

МЕЛОДИИ СЕМЕЙНОГО ХОРА

Алексей МАКСИМОВ.

Фото Сергея ВЕТРОВА

КЛУБ
‘МУЗЫКА
С ТОБОЙ’

Mы сидели уже давно, и разговор обещал быть еще долгим. Радио накручивало немудреные песенки, одинаковые, как новенькие покрышки для «Жигулей», и кто-то заметил:

— Выключить бы, мешает.

Но Валерий остановил:

— Подожди. Отец говорит, надо понимать любую музыку. Хотя бы пытаться понять...

Отец семейства — Александр Васильевич Лялин, слесарь-инструментальщик Кашинского завода электроаппаратуры. Помнится, он тогда еще задумался на минутку, крепко потер сильной ладонью подбородок, улыбнулся и как-то смущенно заметил:

— Знаетё, можно сколько угодно спорить о вкусах... Но пока по радио и телевидению передается плохая музыка, примитивные песни, их будут слушать. Ведь никуда не денешься. Поэтому, коль музыканты воспитывают слушателей пока слабовато, надо учиться самим...

— А какая музыка, по-вашему, плоха?

Александр Васильевич поморщился и ответил сразу:

— Шумная.

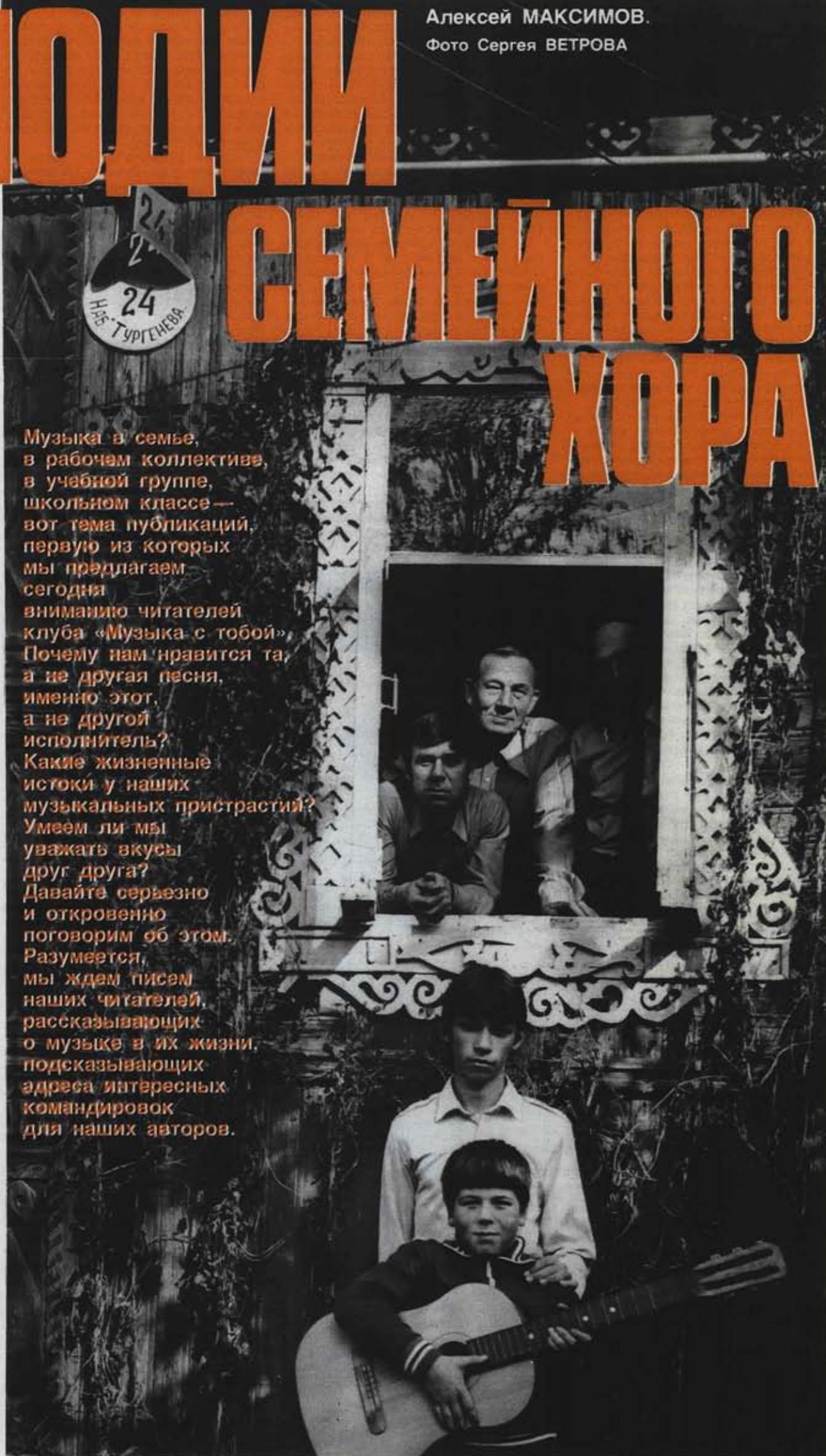
Городок Кашин и вообще-то спокойный, негромкий, а набережная Тургенева, где расположился крепкий бревенчатый дом Лялиных, кажется, совсем утопает в почти деревенской тишине. Это ведь одно название — набережная, а на самом деле лишь заросший травой и кустами берег реки Кащинки, что, петляя, едва течет между белоющих кувшинок под низкие деревянные мости, которые называют здесь лавами.

Специально, что ли, выбрал Александр Васильевич место для дома на этом нешумном берегу, когда сразу после войны пришел в Кашин строить чугунный завод, — кто теперь на это ответит? Время было быстрое, суетное, время большой работы и порой излишне громких песен. Звенели пилы на новостройке, грохотали грузовики, подвозя новые станки, гремел на городской площади духовой оркестр. А у Лялина к духовому оркестру отношение было прохладное. С того самого, предвоенного, сорокового года, когда начиналась его солдатская служба на Дальнем Востоке...

В учебном полку и взвод музыкантов был учебным. Уж что они там разучивали, неизвестно, только шум стоял невероятный. Стараясь не мешать друг другу, разбрдались музыканты как раз по ближайшим сопкам, рассаживались по одиночке и дудеть начинали. Каждый свое. А между сопками, словно на пло-

Музыка в семье,
в рабочем коллективе,
в учебной группе,
школьном классе —
вот тема публикаций,
первая из которых
мы предлагаем
сегодня
вниманию читателей
клуба «Музыка с тобой».
Почему нам нравится та,
а не другая песня,
именно этот,
а не другой
исполнитель?
Какие жизненные
истоки у наших
музыкальных пристрастий?
Умеем ли мы
уважать вкусы
друг друга?
Давайте серьезно
и откровенно
поговорим об этом.
Разумеется,
мы ждем писем
наших читателей,
рассказывающих
о музыке в их жизни,
подсказывающих
адреса интересных
командировок
для наших авторов.

И НЕ ЗАТИХАЮТ ВЕЧЕРАМИ,
ПОСЛЕ РАБОЧЕГО ДНЯ
МУЗЫКА, ПЕСНИ
В УЮТНОМ ДОМЕ
СЕМЬИ ЛЯЛИНЫХ.

щадке гигантского амфитеатра, занимались подразделения новобранцев. Тяжелый пот солдатской учебы лился в сплошной какофонии звуков трубы и вальторни.

Сороковой, предвоенный... На фронт Александр Васильевич попал через два года, и так уж случилось, что примирила его война к другому музыкальному инструменту. Вался после тяжелого ранения в госпитале, рука срослась, но работала плохо, и тогда хирург, хитрец, нашептал:

— А попробуй-ка, Саш, гитару... Бывала, помогала она.

Не поверил Лялин, но все же отыскал у ребят старую, облезлую семиструнку, разучил понемногу, вдали от ехидных слушателей, несколько аккордов. А потом и перебор у него пошел. Пели тогда и «Землянку», и «Катюшу» под гитару. С каждым разом вокруг собирались все больше выздоравливающих бойцов, охотней они подтягивали, смелее играл Лялин. Рука наливалась силой, словно заряжали ее чуть подрагивающие струны гитары. И очень скоро, когда настал срок медкомиссии, тот самый лукавый хирург заметил после осмотра:

— Лучше, молодой человек, гораздо лучше. Так и продолжайте... играть.

Гитара выручила, помогла вернуть руку. И научилась чуть позже эта страшно перебитая осколком рука инструментальному делу, научилась покорять самый твердый металл, резать из него, гравировать и шлифовать тончайшие профили. Спасибо ей, скромной облезлой семиструнке.

На тихой набережной Тургенева въехал крепкий нешумный дом. Родились сыновья, тоже крепкие, основательные. Пошли вслед за отцом осваивать непростое и престижное дело слесаря-инструментальщика. Вместе с ними явились в избу и мелодии новых песен из нового времени.

— Вкус проявляется в умении выбирать, это каждого ясно,— неторопливо рассуждает Александр Васильевич.— Ясно, но часто путают и вместо того, чтобы выбирать, просто отвергают. Вот как и я с духовым оркестром. Терпения не хватает, что ли...

В первом инструментальном, где трудятся сегодня Лялин-отец и два его сына, музыка звучит постоянно. Еще бы: на каждом участке пульт радиотрансляции, нажал кнопку — звучит. Нажал — и заглохла. Любителей эстрады тут пруд пруди. Всю смену могут слушать.

Только один пожилой слесарь, назовем его Иваном Ивановичем, мелодий

всех этих переносить не может. Футболисты передают — пожалуйста, а как музыка какая — сразу подойдет и выключит. Но тут уж из молодых кто подскочит и опять кнопку нажмет. Поругаются даже. Хотя бесполезно: Иван Иваныч — один, а любителей Аллы Пугачевой и ансамбля «Верасы» много.

Пойдет пожилой слесарь поскорей в курник, утешив себя лишь мудрым стальным правилом: о вкусах не спорят.

Александр Васильевич только чуть улыбается, глядя на спорщиков, и лишь изредка, если нет бурных возражений, подойдет и уменьшит громкость — а то и не разберешь, о чем они там поют. Может, и впрямь поют-то неплохо.

Но вообще-то первом цехе народ в ладах и с музыкой, и с пением. И славятся инструментальщики не только уникальностью своих изделий, но и отличным мужским хором. Единственным не только на заводе и во всем городе Кашире, но, пожалуй, и во всей Калининской области.

Когда старшего сына Лялиных, Николая, товарищи позвали на репетицию, сам Александр Васильевич в хоре уже не участвовал: «Возраст кончился, в слушатели перешел». Ну, а Николаю было в самый раз. Сначала согласился просто ради любопытства, просто посмотреть, чем это там наши мужики занимаются. Посмотрел: вроде все солидно.

Худрук хора тут же и пристал: «Давай, выди, стой один на пробу». Один Николай не рискнул, как не рискнули и несколько его товарищей.

Вот все разом, в тридцать ртов — пожалуйста. Разом не страшно.

Спели — и остался Николай в хоре. А потом и младшего брата, Валерия, туда затянуло. Как грязнул тот: «Маруся от счастья слезы льет, как гусли, душа ее поет...», приложил к уху руку опытный худрук и просиял весь. Мол, зачисляем младшего на первые голоса. Так и продолжилась рабочая династия, перейдя и в династию хоровую.

Надо ли добавлять, что песни из репертуара хора стали и любимыми песнями братьев? Наверно, надо. Потому что и «Соловьи», и «За фабричной заставой», и «Казачья притча», и «День Победы» характеризуют не только уровень исполнительского мастерства хористов, но и их эстетические наклонности, пристрастия. Пристрастия эти были отданы простым и строгим мелодиям, проникновенным, глубоким текстам. Тем, что за душу берут, как незамысловато выражаются слушательницы, разменившие седьмой десяток. Но ведь и вправду берут, и это главное — что за душу, а не по ушам били. Пусть немудреные эстетические взгляды, но содержится в них нечто изначально крепкое, от корней, от традиции народной. Такое сохраняется в сознании прочно и передается от поколения к поколению.

Хотя, наверное, мелодии хора другие и быть не могут. Скороспелые шлягеры некоторых модных вокально-инструментальных ансамблей зазвучат детским лепетом в устах трех десятков серьезных рабочих парней.

Непросто собрать такую внушительную компанию. Тем более по два раза в неделю, после работы, когда как раз куча забот по дому, да и вообще отдохнуть хочется. Как-то Николай махнул рукой на репетицию, решил «прогуляться». «Иди-иди, не подводи людей» — возмутилась жена Валентина. Еще и вздохнула в дверях: сама бы с радостью побежала, но женщин к хору — ни на шаг, а в их городском общепите никаких хоров что-то не организуют.

...Завистники втихомолку называют их «хором мальчиков».

— А мы доказали, что мужчины, собираясь после работы, способны и на хорошее, добре дело — горячо, убежденно заявляет начальник первого цеха Юрий Георгиевич Крылов, один из главных энтузиастов и организаторов хора. И бережно, чуть суетливо выставляет на стол призы, завоеванные коллективом на конкурсах.

Однажды, после очередного выступления в Калинине, кто-то из областного начальства по культуре, вздохнув, почесал затылок:

МУЗЫКА... ЦЕЛЫЙ МИР ЗВУКОВ. МИР, НЕОБХОДИМЫЙ ЧЕЛОВЕКУ. КОГДА МЫ ОДНИ ИЛИ С ДРУЗЬЯМИ, КОГДА ВЕСЕЛИМСЯ ИЛИ ГРУСТИМ. МУЗЫКА ВСЕГДА С НАМИ, А ВЕДЬ ВСЕГО СЕМЬ НОТ...

— Эх, приодеть бы их... соответствен-но.

Крылов услышал, оценил важность момента. Короче, нашлись у вечно прижимистого главного бухгалтера завода средства, ателье тоже не подкачало, и уже через три дня хор в полном составе выехал на очередное выступление в одинаковых синих пиджаках. А потом пошли и одинаковые брюки.

...«В земле наши корни»... Песня эта осталась для Валерия Лялина среди главных воспоминаний о выступлении хора на празднике пушкинской поэзии в деревне Берново, что под Калинином.

В тот день на эстраде не было паутины проводов, подключенных к электрогитарам, не было мощных усилителей, и вежливая, чуть торжественная тишина зависала на несколько мгновений среди слушателей после каждой прозвучавшей песни. Тишина, способная поведать о многом.

...«В земле наши корни»... Произнесено последнее слово. Прозвучала последняя нота. И тишина. И сотни людей молча смотрят на сцену.

— Скоро после того, — вспоминает Валерий, — ребята с работы записи дали с какими-то ансамблями западными. Дескать, просвещайся. Прокрутили мы их с женой. Ничего, бойкие ансамбли. Только мы решили их себе не переписывать, пленку не трогать. Зачем, если не лежит душа к такому?

Снова о том же. О критериях, о причинах пристрастий и наклонностей. Так о чем спор — только о вкусах?

— В какой-то давней телевизионной передаче спорили о музыке и о музыкантах, — говорит Александр Васильевич Лялин. — В студии тогда Леонид

Утесов был, он-то и сказал, что бывают певцы, которые поют и одновременно слушают себя — слушают, как они поют. Запомнилось мне это. Вот и сегодня я стараюсь угадывать, для кого поет артист — для себя или для окружающих? Часто бывает, что и угадываю...

— Деда, смотри, опять кривляются — перебивает внук, четвероклассник Володька, показывая пальцем в экран телевизора. Слышать-то он нас слышал, но вот мог ли что-нибудь понять?

А на экране действительно популярная эстрадная певица делала физзарядку под фонограмму песенки... кажется, о любви.

— Чего ты, Володька?

— А-а, лучше выключу и гулять пойду.

Нет, откуда ему понимать в таком возрасте. Хотя — вдруг?

Когда-то маленький Вовка здорово пел на днях рождения мамы. Ну, будто ей в подарок. И голос, и слух у мальчишки отличные, так что подарок получался что надо! Совсем уж было решили отдать его в музыкальную школу, чтоб пел и на баяне учился. Вовка и сам того же хотел. Только, когда гулял с родителями по улице, встретилась им какая-то знакомая и зашептала горячо, убедительно:

— Не отдавайте мальчика, света белого невзвидит. Замучают, гулять не дадут, только зубрить, учиться!

Чтоб ей это все не при ребенке выложиться! Глаза у Вовки стали большими, щеки задрожали, он покрепче ухватил руку отца. И больше не хотел слышать о музыкальной школе. Как отшло парня. И в подарок никому уже не поет вовсе. Хотя в школе (в обычной, средней) по

пению у него все та же неизменная пятерка. Только кому от нее радость, от пятерки этой?

Больше всех огорчилась бабушка, Екатерина Васильевна. Вовка был ее последней надеждой иметь в семье баиниста. Который мог бы подобрать мелодию и в дни радости и когда грусть подступает. Когда хочется самой с домашними спеть что-нибудь на манер Стрельченко или Толкуновой. Так же просто и сердечно.

Но нет в большой семье баиниста. Учился Саша, старший сын Николая, да, видно, не талант был — бросил. Потом пошел поступать младший, Юраша. Кто-то из педагогов приемной комиссии взял да и брякнул между прочим: «А слух-то слабоват...» И аж взвился Юра, заявил, что ни ногой больше в эту музшколу. Теперь вот не повезло и с Володькой, младшим внуком Екатерины Васильевны.

Могла бы выручить Нина, жена Валерия, ведь у них в деревне вся семья на гармошке играла. Но Нина была первенцем среди пятерых детей, многие заботы о братьях и сестрах на нее легли, потому у нее единственной времени не было, чтоб научиться.

Подумает обо всем Екатерина Васильевна, вздохнет и успокоится. Ладно, и без баиниста как-нибудь. Все равно песня из дома не уходит. Ведь как соберутся они всей большой семьей на какой праздник, как залютят — и не остановишь. Отцу с сыновьями закалку «хор мальчиков» дал, а снохи еще и побойчай будут. Что на язык попадется, то и поют.

Но особо трогательно, с каким-то необъяснимым трепетом исполняют в семье все же две песни. Это знаменитая «Катюша», словно бы в честь ее, Екатерины Васильевны, встретившей и полюбившей своего Александра Васильевича еще в те далекие военные годы. И любимая отцовская — «Враги сожгли родную хату». Всегда замирает Александр Васильевич при первых же ее

словах и слушает, будто не дышит. И даже слезы вдруг могут навернуться, если кто из минуты эти собирается, сфальшивит. Но в семейном хоре Лялиных такое бывает крайне редко.

Спор о музыкальных вкусах, о выборе и пристрастиях, об отношении к любому произведению искусства, отношении потребительском или духовном... «Надо стараться понять любую музыку», — говорят в тихом доме на набережной Тургенева и стараются, как бы трудно это ни было. И вот уже наряду с Толкуновой и Богатиковым, со Стрельченко и Кобзоном выбирают они для себя и лучшие песни современных вокально-инструментальных ансамблей, и музыку Поля Мориа, и Азнавура, и еще многое... Выбирают то, что исполняется негромко и, как сказал бы маленький Володька, «без кривляния».

И еще эпизод напоследок, вроде заключительного куплета. Возвращается как-то Александр Васильевич с вечерней смены — он любит вечерние, суеты меньше, работать спокойней — и вдруг увидел в темноте ночи одного парня. Точнее, сперва не увидел, а услышал.

Тот шагал легко, бесшумно и насыщал. Что-то очень знакомое. В тишине ночи легкая мелодия разносилась далеко, звучала так изящно, удивительно ново, что Александр Васильевич невольно прибавил шагу, двинулся следом. Тем более что было по дороге. Так и шли через спящий город два человека, молодой и уже пожилой, и вела их за собой музыка. Это был Чайковский, танец маленьких лебедей из «Лебединого озера».

А назавтра, в цехе, взявшись за какую-то новую сложную деталь, Александр Васильевич поймал себя на том, что... насыщивает. Негромко, будто невзначай. Ту самую мелодию. Оглянулся — услышит кто, подумает, что спятил старый. Потом улыбнулся, махнул рукой. Пусть слышат. Ведь это музыка. Настоящая. Которую надо понимать.

Это не представление поэта. Это — напоминание нашим читателям. Уже десятилетие минуло с тех пор, когда «Смена» напечатала прекрасную поэму Любомира Левчева «Звездный перекресток». За это десятилетие талант болгарского поэта возмужал, как мужают люди. Мир, окружающий человека, нынче настолько спрессован страстями и взрывами, настолько напряжен, наэлектризован, что познание художником жизни идет уже давно не по территориальным, географическим, обзорным, то есть плоскостным параметрам. Художественный анализ требует сегодня от литератора умения рыть в глубину человеческого сердца, способностей врачевателя-кардиолога. Любомир Левчев много ездит по родной Болгарии, нередко он видит и иные страны, иные миры, что дает поэту превосходную возможность понять различающиеся единицы понимания счастья и совершенства. Но именно этот поэт, как мне кажется, так тонкокож, так чувствителен к волнам, которые беспрерывно испускает наш такой неоднинаковый, страждущий и смеющийся мир, что он без конца представляется мне сродни чувствительнейшей антенне.

Любовь и ненависть, восторг и душевное успокоение, страдание и вознесенность духовная — перечисление нравственных параметров поиска художника, в сущности, бессмысленное дело, потому что нет на земле поэта, которого не волновали бы эти первоосновы человеческой нравственности. Но у Левчева все свое, все непохожее на других, и тем он важен, тем дорог литературе не только болгарской, но и советской, но и мировой.

Я познакомился с ним, моим сверстником, когда он, в сущности, был совсем еще молодым поэтом. Но и тогда поражала меня его не внешняя, а внутренняя строгость. К делу, избрашному собой, к поэзии, он относился с молодых своих лет чрезвычайно изыскательно и ответственно.

Теперь Любомир Левчев — председатель Союза писателей Болгарии, поэт, удостоенный высоких международных почестей, впереди которых идут, конечно же, признание и любовь болгар.

Разделим же и мы — по справедливости! — это признание.

Альберт ЛИХАНОВ

Поздние слова

Помню я — село и черешни.
Я такой молодой, смешной.
И я самый счастливый
грешник
на болгарской земле
родной.
Помню
буйной сирени храм.
Поцелуй неловкий, невольный...
До сих пор ищет ветер там
след от старой фуражки
школьной.
Снег мой близок...
Цветение в сердце моем —
и безмерно молчанье,
и размеренная речь.

Лишь деревья
цветут так осенним днем,
ожидают жестокую сечь.

Молитва о варненских художниках

Моряк говорит —
есть на свете два моря:
одно — перед нами,
другое — за горизонтом.
И это — с берега нами воспето,
дарует нам радость все лето.

А то...

Там светит опасная бездна духа.
Как проклятый фрегат,
там скитаются творческая мука...
Там все волны — девятые,
там ненависть, вихри и грозы...
Ребята за горизонтом, и
да хранят вас альбатросы!

МИР, ВОЗВ

Туман высоко на перевале

Туман.
Еду, ползу
и погружаюсь
в пустыню, где остановилось
даже время.
Туман.
Как будто мне попался на пути
подлец, что облечен доверием.
Туманом повитые
крылья перебитые!
И слепой пугается тумана.

По желтому тоннелю фар
скользить
и уходить

в какую-то бесцельность,
способен с этим
злоключения своим сравнять
лишь посетивший

запредельность
земного бытия.

Туман.

Едва ползу.
А вдоль дороги
плывут осколками реальность:
пустое поле.
Черная трава.
И пастище последнее,
где кони
косматые... Похоже, что пасутся,
а может быть, так молятся они
старой-престарой матери...
Целуют руку ей —
натруженную, сморщенную руку.
И с горьких морд их
карапает пена...

И не смотрю уже я на дорогу,
я на коней смотрю.

Кони —
старая дружба,
кони — верность и вольность...
Кони —
ненужные миру,
в котором,

как говорится, живем.

Мир изотопа
и мотора

с внутренним сгоранием.

Расчетливый мир,
где кони
экономически неоправданы,
или — грубее сказать —
осуждены!
Осужденные, суды и забытые,
молите бога,
чтобы вам послал
коня в тумане — в неволе друга!

Смотрю на коней.

Надо остановиться.
Выйти из автомобиля...
Даже дверцу не закрою.
Не хочу ни закрывать,
ни открывать!
Пойду один по зимнему полю
возле темных луж
и остатков снега.
Преклоню колени.
Поцелую каменистую руку.
Потом...

Да настоящие ли кони?
Не сотворены ли сном,
вспоминанием
или туманом коварным?
Не видение ли они
прощальное?
Пахнут ли они потом
и конской мочой?
Ах, вскочить бы на коня
и умчаться.

Речь о реках Болгарии

Реки болгарские
проистекают лишь из Болгарии.
Из иных краев не текут,
но повсюду втекают.
Эгейское море и Черное полнят.
Море склоненное тайны.
Море крови.
Море слез.
И — океан надежды.

В реках болгарских таится опьянение.
Они текут наверх против течения
к небесным родникам,
где блеск звезды остree,

вослед за песней Орфея.
Вы знаете его?
Быть может, друг он вам?
Ведь и поныне за стоящую песню
у нас закладывают голову,
себе на горе, поэты.
В реках болгарских течет обреченнность.
Из них пил Спартак,
их силу чистую и опасную.

Вы знаете его?
Быть может, враг он вам?
У нас ведь и поныне
родятся гладиаторы,
но никогда —
пусть требует сам Рим —
для удовольствия набитого театра
мы свой фракийский меч не обнажим.

В реках болгарских течет...
любовь, зеленоока.
Хан Аспарух своего иноходца поил
там, где к безбрюду
спускается берег полого.
Хан был и жрец, и искатель,
преисполненный сил,
в воде он глянул —
в отблесках света
в глуби священно сияла победа.
Здесь, в роднике, зарождалась история,
новый родник обретала история.
По рекам болгарским

не проплыть пароходу,
но множество трупов плыло на их волнах.
Сердце народа
в гневе,
но сердцу неведом страх.
И эти корабли трагические
несли сквозь время навстречу восходу
и правду,
и свободу.
Праматери, спасительницы, крестные,
реки болгарские малые, не грозные.

Пересыхают летом
и едва-едва
блестят в проломах и ущельях,
лишь самодивы могут выкупаться в них.
Зимою на богоявление
под колотыми льдинами
чуть слышится их пение.
И виден тяжкий крест среди тумана.
И проступает черным камнем грех
обмана.

Но в дни особые,
которые никто
не может предсказать или предвидеть,
вдруг хлынут ливни прямо с небосклонов
и движутся не реки,
а отмстители неугодные.
Дома, мосты, посевы уносят ненасытно.
Но вражью клевету они смывают
с души болгарской просветленной.

ЫШЕННЫЙ МЕЧТОЙ

Ночной дозор

¹
В то время, как наивные души умирали, ребята капитана Франса Банинга Коха позы принимали, в них всматривался модный портретист Рембрандт Харменс ван Рейн, и должен был портрет их быть лучист и не терять в веках своих лучей. Известно, слава требует хлопот, забот, идет путями невозможными и обретает славу тот, кто предстает перед хорошими художниками.

²
История знакома и банальна. Рембрандт нарисовал их гениально. Однако же... не в полный фас. А кое-ктоглядит вползглаза. И сущий фарс от глупого наряда. Без орденов и без медалей... Стрелки белы от гнева стали. — Веда здесь другие люди, — твердят, наступлены, — и за такую гадость не платят гульдены!

Здесь все мы жалки, здесь никто из нас не воин! Художник лишь презрения достоин!. На чердаке эпохи — паутина и невостребованная картина. И незаконно лица стали жить на свете, как бы подброшенные дети, как души, выгнанные из тела, как истины, что одичали до предела, озлобясь и убийственно смеясь... И вот — сквозь прах эпох в полночный час, сквозь мрак великого забвенья и позор идет ночной дозор.

³
Когда земля замирает в безумии страшного взрыва, когда надежда витает на самой кромке обрыва, — труба вострублет зов бранный, труба, пробита пулей, рассеченные барабаны

угрозы выкрикнут в гуле, по кровавленной коже ударят молнии сбор, на кострах колдуны завоюют до дрожи, залает призраков мертвый хор, больным проказой блудницам в пляске ненависти кружиться, кривляться, ходить на руках, вопить: «Слава! Слава!..» Но вместо конца света величаво, ведя с безумием спор, идет ночной дозор! И замирает звук любой, и слышится глухой порой, как звездный рой надежды людям возвещает. Ах, там ночной дозор опять шагает и часовых у вечности сменяет!

⁴
Кого ты охраняешь, стража? Сражаясь ты с кем? В музее перед нею каждый нем. И... в ней себя не узнает совсем. Да, мы другие, мы не ангелы и мученики, а на картине — скоморохи скучены... Стрелки, не отрицайте собственный свой лик! И ты, мой капитан, величествен, но не велик — знай: истина, что ты считаешь вздором, твоим ужасным станет приговором. И образ, отлученный суетой, суть твой палач с мечом над головой!..

⁵
Но что же я кричу и любой наливаюсь? Ведь нужно, чтобы был ночной дозор. Вот близок мой конец, и с жизнью я прощаюсь, и мрак мой застилает взор, но из небытия мой голос проникает. Да! Слыши я его! Конечно же, шагает!

Белая ночь

Сторают наши жалкие страсти и ненависть следом! При этом свете, только при этом. Море. Лес. Письмо... Кто хочет — даже мысли читает. Звезды не успевают засиять, как птицы начинают запевать, значит, утренние часы наступают...

Не свет пробуждает птиц и первые трели их. Чувство зари у них точно и непривично. Как бы иначе они находили свой час в сияниях ночных, в полдень, непроглядный и черный?

Лежу я, как трава, в траве. И скровенно я птицам севера внимают... У каждой птицы есть своя антенна и проводов пучок — я знаю. Антенна — это дерево, там птица — как в отчим доме. Птичье песнопение

в честь дома отчего обожествляюще струится, и нет нежнее чувствоизъявления.

Наш кров среди лесов, где на подбор деревья. Они сейчас звучат в безумной птичьей гамме. Они — полет гармонии, живой и древней. Они — органы Вечности во храме.

И одиноко с ветки металлической пичуга наша хочет перепеть природу. Нет, не надменно, не завистливо и не трагически... А просто отстоять свою свободу. А просто жить в достоинстве и чести.

Поет сердечно, не подозревая, какие горькие в леса приходят вести, вибрируют в стволе древесном, сквозь птичье тельце проникая. А все другие птицы здесь благословлены и иглолисто-зелены антенны. И в них пульсируют сигналы Мироздания, мы слышим их, но мы не дорошли до понимания.

Тоска по Кремиковцам¹

Встречать скромные открытия своей молодости — те словосочетания, что выдуманы твоей любовью, читать их нынче в передовицах... Это чаша отчаяния — убийственная награда.

И зарекаешься не вспоминать больше эти слова. Но через годы приходят твои двойники и новые романтики льют сталь, и читают Экзюпери, и умно иронизируют: «Почему не пишет уже никто о Кремиковцах!..»

Признаюсь, что предпочел бы глотать раскаленный металл, чем пить боль из этой чаши. Знаю цену билета... Но уже другой у нас транспорт, мы бредем не глиной, а другой, гораздо более противной грязью.

Итак, «в один прекрасный вечер» (как пишут в детективных романах) мы спустились с горы по шоссе с иностранным гостем. И тогда он воскликнул:

— Там что-то горит! Какой пожар! Какой гигантский дым! Какое сияние!..

— Спокойно! — говорю я гостю. — Не пугайтесь! Горит там моя молодость. И горит, и не сгорает... Горит там молодость моих товарищ — моих Болгарий. Там скитаются наши мечты — перевернутые молнии, рожденные здесь, нацеленные в небо. Взрывами сердец, что мечтают вновь зачать свое бытие,

не в шопском поле, а в истории останется гореть это чудовище. Гореть геройством живых — самым трудным геройством народа.

Безумством поэтов, пишущих баллады о заводах. Без очистительных фильтров. Безумством, оставленным без любви. Как дух, выпущенный из бутылки, возносится дым.

Снобы будут затыкать носы. Проклянут его, как грех непоправимый.

Но чудовище будет продолжать лить металл, будет продолжать создавать...

Так что, о Кремиковцах, пока есть буквы,

кто-то все будет писать. Изменится его название,

но не сущность его.

Даже из будущего наши двойники

к нему вернутся, чтобы поклониться

и чистым воздухом по-человечески подышать.

¹ Кремиковцы — металлургический комбинат возле Софии, одна из крупнейших строек социалистической Болгарии.

Перевел с болгарского Олег ШЕСТИНСКИЙ.

УВОЛЕН ЗА... ЧЕСТЬНОСТЬ

Борис БАЛКАРЕЙ

у

вольнять работника за честность нельзя. Однако, как говорится, «если нельзя, но очень хочется, то...». То можно применить другую формулировку, скажем, «за систематическое неисполнение трудовых обязанностей». Именно так и записано в трудовой книжке Сергея Тюттерина, теперь уже бывшего ветеринарного врача фермы Степаньково совхоза «Зеленоградский».

И добился такой формулировки не кто-нибудь, а... сам Сергей Тюттерин. Именно добился. Чем? Своими назойливыми требованиями навести на ферме порядок. Ну, просто надоел начальству. Вот руководство порядок и навело: ты, как ветврач, отвечаешь за дела фермы? Тебе и отвечай...

А могло быть совершенно иначе. Работал и работал бы Сергей на своей должности, если бы не боролся с бесхозяйственностью. Вот и народ о том же говорит.

Бригадир Александр Федорович Лабутин, молодцоватый и уверенный в себе, смотрел на меня открыто и ясно: «Насчет Тюттерина? Пожалуйста. Каждый раз у него с главным ветврачом совхоза были конфликты. Ему говорят: делай так-то и так-то. Нет, отвечает, это устарело — новейшая литература не тому учит. Словом, умнее других себя считал. А из-за него падеж молодняка у нас поболее, чем на других фермах, выходил».

— Почему из-за него?

— Надо вовремя прирезывать телят, — объяснил Лабутин.

Тут надо бы пояснить позицию Лабутина, а для этого остановимся на некоторых технологических подробностях.

И до прихода Сергея на ферму здесь далеко не все телята вырастали в бычков и коров. А излишний падеж не было. Был вынужденный убой. Суть вот в чем. Слабого теленка нужно еще выходить. Может быть, после он и окрепнет, встанет на ножки. Рекордсменом не будет, но взрослым бычком с убойным весом килограммов в 400 вполне может оказаться. Но то ли будет, то ли нет, а за падеж нужно отвечать сейчас. И не только премиями, а, может быть, и собственной зарплатой, если выяснится, по чьей вине это произошло. Риск! На ферме рисковать не хотели и, бывало, пускали телят под нож...

Конечно, вынужденный убой тоже нехорошо, за это по головке не гладят. А все же какая-никакая польза совхозу: если анализы мяса окажутся благополучными, его можно реализовать. И конкретных виновников вроде бы нет. Так учила Тюттерина главный ветврач совхоза Наталья Георгиевна Голубева, так считал бригадир Лабутин. И Сергей, не постигший еще тонкостей ветеринарных обязанностей, поначалу послушно выполнял все, что требовалось в подобных случаях. Но все чаще и чаще мучила мысль: почему так много молодняка лдет в отход, гибнет? Ведь какое расточительство!.. Так ли уж непреодолима эта беда?

Постепенно он стал прозревать, понял, что при лечении нужно идти на оправданный риск и, если надо, брать ответственность на себя. А с падежом

необходимо бороться, искореняя его причины. Однако для работников фермы это было ново, необычно, хлопотливо и непонятно. Вызывало раздражение. Тот же бригадир Лабутин говорил:

— Он все лечит, лечит... Не врачи, говорит, плохие, а корма и условия содержания негодные. А корма у нас не хуже, чем у других. Да, действительно в прошлом году крыша телятника проходилась, но ничего страшного: вошла по стене прямо в канализацию стекала...

Так и закрепилось мнение, что, мол, ветврачу больше всех надо.

В Степаньково Тюттерину выделили комнату, проявили заботу о молодом специалисте. Он полюбил это уютное село с аккуратными домиками, небольшими садами, с сосновым лесом, подступавшим вплотную к подворьям. Через лес можно было выйти прямо на ферму. Этим обстоятельством, как скоро заметил он, пользовались не только любители подшвыривать настоянным на хвое воздухом. Кое-кому лесные тропы позволяли уединиться от постороннего глаза. Были и такие, что не стеснялись нести совхозное добро домой открыто. И вот этим «умельцам» Тюттерин объявил войну с первого дня. Ведь недоданный коровам комбикорм обворачивается недоданным совхозу молоком! Не раз и не два заставлял он высывать похищенное обратно в кормушки.

Однажды чуть до драки не дошло. Доярка Нина Кашиккина после вечерней дойки шла по главной и единственной степаньковской улице, приладив к плечу мешок с комбикормом. Как на грех навстречу ей попался Тюттерин. Мимо он, разумеется, не прошел. А вечером в комнату Сергея ломились пьяные родственники и свояки Кашиккиной. Да и наутро, когда Тюттерин относил злополучный мешок обратно на ферму, на полдороге его догнал восемнадцатилетний сын Кашиккиной. «Много на себя берешь, доктор», — сказал он и угрожающе перегородил дорогу. — Смотри, бока напомаю».

Тюттерин не испугался. Потом был товарищеский суд. Кашиккину оштрафовали. «Много у тебя воруют, нельзя же так!» — в сердцах сказал Сергей бригадиру фермы. «Не у меня, а у государства. Пусть этим ОБХСС занимается», — отпарили Лабутин. Тогда тоже появились у Сергея недоброжелатели. Их ряды время от времени пополнялись, когда он, например, обнаруживая грязь в доильных аппаратах, лишал доярок доплаты за чистоту молока. Но привыкли люди, почувствовали, что требует молодой ветеринар по справедливости и более не за себя, а за общее дело. И тащить стали меньше. А когда решили провести в Степанькове районные соревнования доярок, не последним соображением в этом выборе было хорошее санитарное состояние фермы.

Но Сергей и на этом не успокаивался. Он требовал, вызывал, бил тревогу. На-расно...

Отношения с начальством накалились. Его стали наказывать, изыскивая любой повод, упрекали в плохой работе, а когда он шел к администрации с доказательствами истинных причин происшедшего, то от него попросту отмахивались.

Однажды по пути на ферму Сергей встретил Голубеву. «Что же ты животных не лечишь? — усмехнулась она. — Вот доярки жалуются». Он бросился на скотный двор, собрал доярок. «Кто жалуется, конкретно?» — спросил при всех Голубеву. Доярки молчали. Голубева покраснела и ушла.

А Тюттерин продолжал воевать.

«Прошу Вас посодействовать в оборудовании профилактория для новорожденных телят на МТФ Степаньково в целях ликвидации вынужденного убоя и падежа телят», — писал Тюттерин до кладбища на имя директора. «Прошу администрацию совхоза обстоятельно выявить причины и принять действенные меры по пресечению систематических хищений концентрированных кормов и молока...» — настаивал он. Эти заявления остались без ответа.

И тогда Тюттерин пишет начальнику районного управления сельского хозяйства: «Прошу создать экстренную компетентную комиссию...»

Вместо комиссии приехал главный ветврач района Н. И. Павлов. Он обошел ферму и составил служебную записку. Стоит повнимательней вчитаться в нее, и станет ясно, что отнюдь не бедами фермы, желанием улучшить положение на ней руководствовался проверяющий. Официальный документ читается как обвинительное заключение... Тюттерину. Тюттерину предложили покаяться в трехах и уйти по собственному желанию. «Нет», — сказал Сергей, — мне не в чем каяться». Потом главный зоотехник совхоза Зинаида Николаевна Абрахамова скажет мне: «Не понимаю, какой смысл был упрямиться? Делать хуже себе и своему карману? Ведь все можно было решить тихо, по-человечески. Непробиваемый человек!» Она осуждала молодого ветеринара и не понимала, что, в сущности, говорит ему комплименты.

Ну что ж: раз не хочешь сам, то... Последовало увольнение «за систематическое неисполнение трудовых обязанностей». Сергей подал в суд иск о восстановлении на работе. Его не удовлетворили. В поисках справедливости он до сих пор обивает пороги различных инстанций. Я беседовал с представителями тех организаций, куда Сергей обращался, и понял: проверяющие прямотаки завораживают цифры, с которых начинается служебная записка Н. И. Павлова, подшитая к делу.

Что ж, цифры так цифры. Пришлось взглянуть на них повнимательнее. Не раз исследовал я лечебные журналы, отчеты ветврачей ферм совхоза «Зеленоградский», разбирал и сравнивал документы совхозной бухгалтерии. И открылось главное, то, мимо чего почему-то прошли комиссии и проверяющие, занимавшиеся тюттеринским делом. Да,

действительно в данном году падеж молодняка в Степанькове был на несколько голов выше, чем на других фермах. Значит, не уберег этих телят ветврач Тюттерин? Да, но не уберег. Но и не дал приезжать до положенного срока, не позволил написать «лигу» в отчете. А самое главное — в целом он спас значительно больше телят: вынужденный убой в Степанькове был почти на полсотни голов ниже, чем у соседей.

Не надо быть экономистом, чтобы понять, насколько богаче стал совхоз поголовьем. Стало быть, как в таком случае оценить работу ветврача Тюттерина? Как «систематическое неисполнение трудовых обязанностей»?! Задаю этот вопрос заместителю секретаря парткома совхоза А. Т. Нефедову. В ответ слышу: «Знаете, я не в курсе дела. Спросите у специалистов». Равнодушие сквозило и в отзыве директора совхоза П. И. Лапикова: «Да, был такой. Работал. Потом его уволили: не устраивал он нас».

— Как же так? Семь лет устраивал, даже членом народного контроля выбирал, а потом...

— Все в жизни бывает, — философски изрек директор. — Не один он у меня. Подробности вы лучше у его непосредственного начальника узнайте.

Каково же мнение специалистов?

— Думающий врач. Работать мог и любил. Случались, правда, ошибки и у него — не без того. А у кого их нет? Несмотря на молодость, он был одним из самых квалифицированных специалистов совхоза, — это слова Василия Васильевича Митрошина, ветеринара с тридцатилетним стажем, бывшего главного ветврача района.

— Сергей каждое дело доводил до конца. Если берется лечить — вылечит! — рассказывал мне Василий Федорович Фадеев, ветеран войны и ветеран совхоза, в свое время его директор, опытный животновод, трудившийся с Тюттерином все семь лет. — Неправильно его уволили.

Услыхав наш разговор, дочь ветерана Надя горько усмехнулась:

— Молчал бы ты, папа. И так тебе лошадь для подсобного хозяйства в последнюю очередь дают, а теперь и вовсе откажут!

Реплика характерная. Многие работники фермы в разговоре со мной хорошо отзываются о Сергееве. Однако на защиту не встали. Свяклись с положением, притерпелись к порядкам. Да и сама история с Тюттерином учila: «Не высывайся!» Сергея жалели, попадал, мол, парень в переплет. Жил бы как все...

Я разговаривал с Тюттерином, когда для него, казалось, все было потеряно. Уныния не заметил. Но и прежней уверенности в голосе не чувствовалось. «Может быть, я зря? Ведь получилось, что против коллектива пошел...»

Будем откровенны: так ли уж редка ситуация, когда молодому специалисту, пришедшему на производство, приходится делать для себя выбор: либо покорно молчать, закрывая глаза на явные недостатки, тем самым оберегая свой покой, либо отстаивать свои принципы?.. Только с теми, кто привык глаза закрывать и быть послушным, многое не добьешься; тех задач, что стоят сейчас перед нами, не решишь. Другие нужны сегодня люди. С ними связаны наши надежды. Им мы должны помогать, их поддерживать. Ведь не свои личные принципы они отстаивают, а наши, общие.

Михаил КОПТЕВ

РАССКАЗ

СХВАТКА В ЛЕСУ

н скатился по склону оврага к ручью, и студеная вода, погасив пламя, обволокла его тело.

Он лежал, уткнувшись лицом во влажную траву. Перед глазами мелькали разноцветные круги.

Бывало, в детстве они с друзьями ради забавы раз за разом скатывались с какого-нибудь пригорка. После долгого катания кружила голова, подкашивались ноги, но было весело.

Теперь земля тоже куда-то упливала, однако было не до веселья.

Он вдруг отчетливо увидел то, что представилось ему накануне: ранним утром он идет по знакомой тропинке в лес. Идет не на прогулку, а на работу. Теплые лучи солнца ласкают его лицо. День только начинается. И его трудовая жизнь на родной земле тоже.

Я взглянул на часы. Была половина десятого.

«Около десяти я буду дома».

Я шел в темноте через осенние поля. Хлестал жесткий дождь. Бесновался ветер.

Я шел быстро, не особенно разбирая, куда ступаю, разбрзгивая грязь. Я отламывал куски от буханки здешнего черного хлеба и ел на ходу. Я спешил домой.

Эта дорога была для меня лучшей на земле. Моя дорога. К моему дому. Я проходил по ней не одну тысячу раз. Лучше ее не будет. Не может быть.

Открывая дверь, я взглянул на светящийся круг циферблата: без пяти минут десять.

«Вот я и дома».

Я вошел в избу, опустился на порог и долго сидел в темноте, вдыхая воздух родного дома. В нем сохранилась жизнь! Здесь долго не было хозяев, и все же в этих стенах не поселился нежилой дух, которым пропитаны заброшенные строения.

Я включил свет и увидел, что вымыты пол и окна, листками из ученических тетрадей оклеен потолок.

Я подошел к стене, где висели портреты деда и дяди Лени.

— Здравствуйте, мои родные, — сказал я им. — Я к вам вернулся.

Я лежал на своей кровати, и дедов тулуп согревал меня.

Вот я и приехал, и старый дом принял меня. Я дома. Все сбылось. Все. Но не слишком ли поздно?

Там, в далеких отсюда краях, мне все чаще снился дом. Я засыпал, и свет детства разливался в моей памяти, выхватывая из темноты забвения то одну, то другую

деталь. Я видел белые пятна крыш, снежную проседь на колодезном обруче, санный след, уходящий в лес, клочья золотистой соломы на укатанной дороге, слышал хрост подмерзшей травы под ногами, чувствовал вкус дыма от картофельной ботвы, тлеющей на опустевших огородах.

Теперь я ничего не видел во сне. То, что снилось мне раньше, стало явью.

Рано утром, отодвинув штору, я увидел влажные листья сирени. «Должно быть, ночью шел дождь».

Не знаю, нравится ли кому наша северная осень с ее монотонными дождями, лохматыми, плотными, словно слежавшимися тучами, ветром, гниющим кустами и деревьями, а я ее люблю. Я смотрю на опустевшие поля, на подернутый зеленью пруд в низине, на промокшую, черную, совершенно голую листву, на сирень, сумевшую сохранить свою листву зеленою даже тогда, когда листья берез и осин уже мелкими монетами разбросаны по намокшей земле, и наслаждаюсь этим угрюмым на незнакомый взгляд, а для меня родным и неповторимо красивым пейзажем.

Что ж, пусть будет дождь, пусть будет ветер, пусть будет холод — для меня здесь все прекрасно.

Однако к полудню появилось солнце. Начиналась череда прощально-светлых дней благословленного бабьего лета, с тихими лунными ночами и звездным небом, когда воздух словно соткан из невидимой, но ощущимой, проникающей в самую глубину души ясной осенней печали.

Неизъяснимая прелесть открывается в самых простых приметах родных мест, когда шагнешь к ним через полосу разлуки. Деревья, речушки, ленты дорог,

Рисунок
Антона
КУМАНЬКОВА

мельница у пруда, серые, ноздреватые, словно в отметинах осыпь камни на холмах — все было знакомым и новым одновременно.

Чистые воды ручья в лугу уносили золотистые кружки оброненных деревьями листьев. Крохотная рыбешка упорно пробивалась вверх наперекор сбивавшему ее течению. Пахло прелыми травами.

Холодная вода вмиг смыла усталость.

— Пора возвращаться домой, — сказал я себе. А сам все стоял, глядя на ручей. Куда возвращаться? Я уже вернулся.

Это было мое второе возвращение. А первое...

Я рос в деревне у бабушки и деда, не думая о том, что по рождению считаюсь горожанином. Но когда пришла пора идти в школу, родители решили забрать меня вместе с бабушкой (деда к тому времени уже не было в живых) к себе в областной центр.

В городе, где я и до этого бывал несколько раз, мне поначалу понравилось все: мягкие сиденья троллейбусов, тигры в цирке, мороженое, которое нужно было есть деревянной палочкой. Правда, когда мне купили вторую порцию этого лакомства, я, к изумлению родителей, отказался от него и попросил взамен черного хлеба с солью.

В школе вначале тоже все шло нормально. Но потом я стал убегать с уроков. Не потому, что мне не хотелось учиться. Я соскучился по дому.

Затосковала и бабушка. Она целыми днями смотрела в ту сторону, где, по ее мнению, был оставленный нами дом.

Выход был один — отправить нас обратно.

— Что в вас такое? — удивлялся отец. — Вы на все согласны, лишь бы жить в своей деревне!

И действительно, что-то не давало нам покоя, звало домой. В краях, которые дружно казались глухими, холодными, непонятными, все было для нас прекрасным.

Автобус проился в село через заносы лишь к вечеру. Попутчики приглашали к себе на ночлег, но нам не хотелось задерживаться даже на несколько часов.

Дома бабушка зажгла керосиновую лампу (электричество в деревню тогда еще не провели), запотила печь. На многие verstы вокруг была лишь темень зимней метельной ночи, но в нашей избе горел огонек, и к нам наконец-то пришло облегчение: мы дома.

— Но почему же потом, после армии, ты не приехал сюда? — спросил я себя.

Мне вспомнилось, как в школе мы мечтали о чем-то ярком, необычном, захватывающем — таком, чего не было в размеренном, неторопливом течении деревенского бытия. Нам неведомо было то, что открылось с годами: глубина и насыщенность жизни определяются не пропиской, а состоянием души. К тому же, уехав в другие края, вовсе не избавляешься от всех проблем. Чаще наоборот — приобретаешь их куда больше.

— Ты все понимаешь, но почему же тогда не вернулся? — повторил я вопрос.

Не вернулся. В компании армейских друзей я оказался в южном городе, на металлургическом комбинате.

Правда, не только верность воинскому братству и тяга к новым впечатлениям привели меня туда: телеграмма с вызовом на похороны бабушки пришла мне еще на первом году службы. Дома ждать меня было некому.

К удивлению друзей, из первого отпуска я вернулся студентом-заочником лесотехнического института.

— Зачем сталевару факультет лесного хозяйства?! — изумлялись они.

Что я мог ответить им и себе? Какими словами можно было рассказать о лесах моей родины? Северную природу считают склоновой — и несправедливо: богаче подарка, чем наши леса, трудно желать человеку. Только когда-то и он должен сделать ответный дар...

За три года я привык к хорошему, хотя и нелегкому заработка, к модной одежде, посмотрел другие большие города, побывал за границей.

А здесь, у этого ручья, прелести нездешних мест не имели равных счетом никакой ценности. Невероятным, смешным, нелепым казалось даже предположение о том, будто может быть что-то более дорогое, чем простая возможность вдыхать этот воздух, ходить под этим небом, работать на этой земле — небогатой, незаласканный, но неповторимо своей.

В селе на школьном стадионе гоняли мяч мальчишки. Футбольное поле было засеяно ровной зеленою травой, рядом с ним появились новые площадки, которых не было раньше.

На каждом шагу я видел приметы обновления: свежему взгляду они особенно заметны. Не так уж много лет я не был здесь, а село разрослось, помолодело, повеселело.

За одну из команд играл пожилой шофер Николай Бубенцов — самый авторитетный в селе специалист футбола. В его памяти хранились сведения не только о футбольных «звездах», но даже о самом неудачливом игроке самой безвестной команды. Словом, Бубенцов знал о футболе все, сам же играть не умел совершенно. Его порыжевший, промасленный кирзовыи сапог редко попадал по мячу.

— Бей! — кричали Бубенцову футболисты. — Головой! В падении! Э-эх!

— Так я разве виноват, — оправдывался Николай. — Легко ли здак попасть? Ну-ко, сам попробуй!

Через полчаса футбольный теоретик упал на скамейку рядом со мной.

— Василий! — воскликнул он. — Здорово! Приехал, значит? Тянет все-таки на родину? Ты в футбол-то теперь играешь, нет?

— Изредка.

— А я вот не бросаю. Хоть и смеются — все равно. — И, не ожидая вопросов (характерная черта деревенских жителей), Бубенцов начал рассказывать о себе: — Я все там же, в лесопункте, работаю. Лес на станцию вывозим. Начальник у нас сейчас другой — Зыбунов, бывший директор совхоза. Ты ведь его знал, поди?

Я помнил Зыбунова. Только почему-то не как руководителя. Однажды на пруд, где мы рыбачили, он приехал с заезжими строителями. Они быстро наловили бреднем карасей и карпов и сразу уехали. Вот этим и запомнился мне бывший директор.

— Из совхоза-то его года два назад турнули, — пояснил Бубенцов. — С шабашниками химичил. Денег им валил без счета, ну, и себя, видать, не забывал. А они этого лешака настроили! И других грехов за них немало накопилось. Взял моду — еще на неделю, к примеру, уборки, а он уж отчитался и поздравления получил. В южных краях на лес семена какие-то выменил. Там они, может, и богатый урожай дают, а на наших землях выросло хрен поймешь чего — с вершок. Хочешь, убирай, если сумеешь, хочешь, сразу запахивай. Он до того дошел, что на юг за соломой стал ездить. Разве у нас травы мало? Вот в прошлом году его в сенокос уже не было — дак накосили же, сколько надо, и никуда не таскались. И нынче вроде не должны. А ему, видишь, выгоднее было из южных краев солому возить. Он туда лес сплавил — себе кое-что получил. Южане как говорят: у нас лес — это золото. А мы золото — на солому... Эх! — вздохнул Бубенцов. — Жалко! Алексей! — закричал он сыну. — Ты пошто Вовке пас не отдал? Поле-то не видишь,

чели? В общем, сняли Зыбунова. Только он, не будь дурак, к нам в лесопункт устроился. А там и шабашники эти к нему опять приехали. Так что на новом месте у него все по старой колее катится. Правда, недавно народный контроль за него взялся. Не должен бы теперь вывернуться...

— Много еще лесу у нас осталось? — спросил я.

— Где там! Я раньше работал в другом районе — вот там был размах! И заработки хорошие, и снабжение — во! Вообще я тебе скажу: у того, кто лес рубит, положение гораздо выгоднее, чем у того, кто его выращивает. А ведь чтобы дерево срубить, его сначала посадить надо. В общем, вырубили там лес — я сюда и подался. А теперь и здесь его не сильно много осталось. Как бы самим не пришлось зачин куданыбудь ехать. Только куда? Я понимаю, заготовлять лес надо, но с умом. А ты заметил, — спросил Бубенцов, — что дожди всегда вон оттуда приходят? И ветры тоже. Я, конечно, точно не скажу, но думаю, это потому, что в тех краях леса, можно сказать, подчистую вырублены. Уж это-то я знаю, сам там работал...

Дождь и ветер действительно всегда врывались сюда с той стороны. Я приметил это еще в детстве. Только мысли о лесах у меня тогда не было.

На окраине села, обогнав меня, притормозил повидавший виды «газик». Приоткрыл дверцу кабину, мне улыбался Серега, теперь Сергей Николаевич, директор совхоза.

— Ты домой? — спросил он. — И я в ту сторону, на ток. Сядись, подброшу.

Эта черта здешних водителей особенно трогала меня. Часто ли в других краях шофер сам предложит путнику, даже незнакомому, подвезти его? А здесь такое в порядке вещей.

Я сел в машину, пожал крепкую руку Сергея.

Он был года на два старше меня, а выглядел зрелым, основательным, крепко стоящим на земле человеком.

В моем возрасте он уже руководил хозяйством.

Дорогой мы вспоминали школу, друзей, учителей. Перед тем как попрощаться, я спросил:

— Как тебе работается, Сергей? Трудно?

— Да как не трудно? — ответил он. — Трудно. Иной раз до того намучаешься, что, кажется, бросил бы все и пешком отсюда ушел. Но, знаешь, кого стыдно — старух, которые в войну на коровах пахали, а то и сами в плуг впрягались. Разве наши проблемы сравнишь с тем, что им досталось! А какие у нас люди! Придешь, скажем, на ферму, просто поговоришь о том о сем, а как они это ценят! Спасибо, говорят, приходи почще, не забывай нас.

Я теперь понял, что у каждого деревенского, за редчайшим, может быть, исключением, в душе почтение к земле сохранилось. Деды, прадеды ее веками называли матушкой, кормилицей, и в каждом из нас эти ростки любви к ней есть. А уж вырастут они или заглохнут — это от нас самих зависит...

Я вспомнил разговор накануне вечером с трактористом Антоном. Антон, только что вернувшийся с поля, сидел на лавке в сенях,бросив кирзовыи салоги и пропыленную рубаху.

— Подход-то у него есть к людям, — сказал он о Сергееве. — Прежний директор больше горлом брал, а толку мало было. А этот к людям с добром — и они ему тем же отвечают. Попроси меня по-хорошему, дак разве я не сделаю? Из кожи вылезу, а не подведу. Или вот как бывает: старается человек, а не получается у него — и все! Если ему подсказать да еще похвалист: мал, у тебя нынче лучше вышло, чем в прошлый раз, — глядишь, дело и наладится, человек в себя поверит. А если на него, не разобравшись, наорать: ты, дескать, бездельник, лентяй, ничего не умеешь и не хочешь, — он плюнет и скажет: да пропади все пропадом! Дело-то от этого разве выиграет?

Антон встал, повесил на гвоздь полевую сумку, с которой он ходил на работу, прошелся по сеням.

— Вот мы недавно по телевизору кино смотрели про председателя колхоза. Так-то он, председатель, вроде всем хорош — мужик с умом, хозяйственный. Только хамистый — вот что мне не поглянулось. А в кино дают понять, дескать, это простиительно, можно сказать, даже хорошо. А я думаю, что от хамства для дела один вред. Оно в людях радость от труда убивает. Твердость, конечно, тоже нужна. Некоторые думают, что доброта — это от слабости. Только ведь таких единицы! А большинство людей добро понимают.

— Ну что ж, директор Сергей, — подумал я. — Ты говоришь одним языком с трактористом Антоном. Не потеряй его!

Что такое корень слова, я знал со школьных времен, и это понятие для меня ничем не выделялось среди множества других холодных терминов, которые, заученные однажды, хранятся где-то в глубине памяти, но душу не задевают.

Удивительно: урок русского языка, и не только его, мне преподала Анна Сергеевна, которая нигде никогда не училась, если не считать школой восемь десятков прожитых лет. Она мимоходом сказала всего одну фразу: «Наталия засалася сегодня притих», — а для меня вдруг открылось: часто повторяемые ныне «обязуюсь», «обязательство» родились вот от этого неотшлифованного, не покрытого лаком, но живого корня. Дети и внуки этого слова на устах у всей страны, а оно, стесняясь своей неуклюжести, живет в глухи тихо и неприметно, но не будь его, не было бы и его знаменитых потомков.

Так и мы, помним об этом или нет, отросли от корней, уходящих в глубину народа, и горе, если лишишь их по недосмотру либо по легкомыслию сам отрубишь.

Дерево со слабыми корневищами падает под первым мало-мальски сильным ударом ветра и сдвигается. Человек без корней может выглядеть вполне благополучным, но случись буря — и ему не миновать падения.

Анна, конечно, и не думала ни о каком уроке. Она продолжала говорить. Почти девяносто лет было этому голосу, а он звучал по-молодому чисто:

— За Липовским логом до войны вырубки были, а дедко твой задумал там лес посадить. Леня ему помогал, Юра наш тоже. Какие были парни...

После войны Семен Иванович часто туда ходил, дозирал сосенки. Теперь уж порядочные выросли.

Значит, дед оставил после себя лес? А я и не знал об этом...

Я припомнил, что в его последнее лето мы ездили в эти места. На обратном пути дед погонял лошадь, чтобы нас не настиг надвигавшийся дождь, а он все-таки догнал нас посреди поля, где, словно шлемы ратников, тут и там стояли свежие стога. Какой это был дождь — мягкий, легкий, ласковый!

Да, дед возил меня к своим деревням. Для него это был не просто зарождавшийся лес. Это была память о сыне, который дошел до немыслимо далекой отсюда Германии и навсегда остался там, память о других деревенских мужиках и парнях, из которых мало кому довелось увидеть эти сосны подросшими.

Наверное, он надеялся, что я буду заботиться о его зеленых детях. Только слишком я был мал тогда, чтобы мне все это объяснить.

— Сергей Наумович мой, пока жив был, тоже не забывал этот лесок. А теперь вот

я одна осталась,—сказала Анна.—В войну у нас жил мальчик Боря, эвакуированный. Когда уезжал, мы с Сергеем Наумовичем об ем, как об своем, ревели. Теперь он в Минске живет, дом у него свой там, сын выучился на военного. Боря больно зовет к себе, говорит, если уж ты здак от деревни тоскуешь, так хоть на зиму приезжай, а летом я тебя обратно отвезу. А я думаю, куды же я поеду? Я там с ума сойду. А здесь хоть немудро, да дома. Буди совсем занемогу, тогда пойду в село, в престарелый дом, а уезжать никуда неохота. Здесь я родилась, здесь всю жизнь прожила, здесь и помирать буду.

Перейдя дорогу, я оглянулся. Анна стояла у открытой ограды, опершись на палку. Около нее сидел на завалинке большой пятнистый кот.

— Уж больно игривист,—ульбнулась Анна.—Он тоже тебя провожает.

Я вспомнил слова Бубенцова, которые он сказал, прощаясь со мной на стадионе: «Родни-то у тебя и не осталось...»

Родственников у меня здесь действительно не было. Но не было и чужих.

То, что открыла мне Анна Сергеиха, обрадовало меня. Но был в этой радости и укор: оказывается, ты слишком мало знаешь даже о самых дорогих людях.

«В самом деле,—спрашивал я себя,—а что тебе известно о них? Так ли ты живешь, как они загадывали? Хранишь то, что оставлено ими?»

А что же от них осталось? От деда—медаль «За отвагу», дом, сосновая роща. От бабушки... Провожая меня, она сказала: «Люби людей. Люби—и они тебя полюбят». В нашем доме никогда не запирали двери. Доброта—много это или мало?

А дядю Леню я даже не видел. Никогда. Но точно знаю, что его жизнь всегда была честной... Да только война! Она давно прошла, а мы, даже те, кого в то время и на свете не было, до сих пор ощущаем тяжесть ее ударов. Взрыв давно затих, а его волна до сих пор катится по земле сквозь годы и судьбы...

Огонь топившейся печи отражался в оконном стекле, и казалось, будто где-то там, в осенней ночи, горит другой костер и это его теплое дыхание согревает истосковавшийся по теплу дом.

Они ушли, думал я, а их свет до сих пор пронизывает все сущее вокруг тебя. Может быть, мне и не дано стать таким, как они, но что-то делать я должен. Делать! Можно сожалеть о вырубленных деревьях, а можно посадить новые. Даже если никто не давал тебе такого задания. Деду его тоже не давали.

— Что, жарко? Ничего, на то и баня. Я не грущу—и ты не грусти!

Первый в округе гармонист, печник и плотник Шурка Мастак, забравшись на верхний полок, яростно охаживал себя березовым веником, разгоняя клубы обжигающего пара. Он не играл упрямими мускулами, не выпячивал широкую грудь, не выставлял напоказ мощные плечи, и все же в его теле чувствовалась такая крепость, какой не бывает у щеголяющих броскостью мышц культивистов.

— Плесни-ка еще на каменку! Э-эх, хорошо! Сейчас бы в снежок... Ну, да водой холодной обольемся. Вот здак попаришься—ровно сызнова родился!

В избе я пошарил рукой за большим станичным зеркалом в потрескавшейся коричневой раме и вытащил оттуда «Учебник водителя третьего класса», между листами которого лежали фотографии. Там же я нашел вырезку из местной газеты.

«Уж сколько раз твердили миру, что шутки с огнем до добра не доводят. Однако для отдельных граждан, как говорится, воз и ныне там.

Вот и пастух с возом «Боровой» Суслонов В. Г., находясь в нетрезвом состоянии, заснул с непогашенной сигаретой, что привело к возникновению загорания.

Смело шагнул в объятый пламенем дом случайно оказавшийся поблизости плотник этого же хозяйства А. А. Брусицын. Рискуя жизнью, он сумел отыскать в дыму и вынести из огня двух малолетних детей Суслонова, а затем и самого виновника пожара».

— Этот корреспондент бойко пишет!—сказал Шурка, положив на стол крышку от посыльного ящика и поставив на нее сквородку с рыбой.—А какой там такой героизм! Ребенки в шкаф упрытались. Хоть бы кричали, легче бы искать было, а они уж и голоса не подают. Еле нашел. На мне вся спецовка горела, новая была, первый раз надел. Жалко!

Вот пишут: «Находясь в нетрезвом состоянии». А часто ли его видали тверезым? Раньше-то я и сам, правда, тоже... А после того случая зарок дал—все! Мне нельзя теперь кровь засорять...

Я внимательно смотрел на Шурку, пытаясь понять, в шутку это сказано или всерьез. Он был мастер на выдумки, но теперь, похоже, не шутит.

— Мне тогда крепко досталось,—продолжал Шурка,—в бане заметил, наверно, отметину? В больнице надо мнай долго отваживались. Переливание крови надо было делать—народ собрался со всей округи. Это мне уж после рассказали. Пока лечился, каждый день и ближние, и дальние приходили. Я уже тогда решил: нельзя мне в долгу оставаться. И вот уж года три людям кровью помогаю... Меня даже в область приглашали, было там то ли собрание, то ли совещание доноров. Нет, говорю, не обижайтесь, не поеду: мне легче недавно топором отмахать, чем целый день на заседании высидеть. И выставлять меня напоказ незачем. Из-за того и пить бросил: мне люди отборную кровь дали, а я им, что же, какую попало подсуну? Нет, я люблю, чтобы все было, как следует: печь—как игрушка, изба—как картинка, и кровь чтоб была здоровая. Теперь и на жизнь по-другому смотреть стал. Некоторые жалуются на скучу, а я их не понимаю. Недаром Вася липовский говорит: без дела не сиди—и скучно не будет...

Вот так Шурка! В моем представлении это был мастеровой, удалой, веселый, но безалаберный мужик, а он, оказывается, переменился—и как! Бывает же—знаешь человека давним-давно, с тех пор, как помнишь себя, все его прошлое и настоящеетебя знакомо, даже будущее, кажется, известно наперед, но вдруг какой-нибудь случай, словно вспышка молнии, выясняет в его характере такую грань, что невольно замрешь в изумлении: до чего непостижимо глубокой может быть человеческая душа!

Когда мы вышли на крыльце, ночь уже обволакивала окрестные холмы. В такую пору темнота падает мгновенно.

Из сеней настороженно смотрела на нас охранявшая свое потомство собака.

— Не бойся, не бойся, Жука,—успокоил ее Мастак.—Никто твоих собачонков не заденет. Мне тут один говорил: «Ферму, что ли, разводить собрался? Утопи». А у меня руки не поднимаются. Я вот и по хозяйству все могу, а скотину резать не умею. Как твой дед Семен. Он этому тоже так и не научился. А ведь три войны прошел. Не трус. Я помню со Степаном случай. Тоже хороший был мужик. Силач! А пришел с войны контуженный—и стало на него находить что-то. Один раз он здорово всех напугал: вышел на улицу с литовкой (а дело зимой было) и давай супруги косить. До конца деревни дойдет— обратно завернется. Попробуй выйти на улицу! Кто знает, что у него на уме... Семен вышел. Подошел к Степану чуть не вплотную и говорит: «Здорово, Степан! Давно мы с тобой не виделись». А тот: «Здорово, братуха!» (Хоть и не братья они.) Обнялись—я у Степана литовку и отобрал...

— А лес мы посадим,—сказал Шурка.—Посадим и вырастим. Может, рубить и выгоднее, чем выращивать, а сажать все равно надо. Я не грушу, и ты не грусти!

В воскресенье я выбрал место для будущей посадки—неподалеку от деревни с ласковым названием Липки.

Невелика была эта деревушка—всего пять избушек прилепилось к берегу лога,—а между тем в войну она подарила стране своего героя, да и не только его.

Где-то он сейчас? Наверное, в поле...

Дядя Вася не терпел праздности. За войну в нем накопилась такая жажда труда, что, прилав к работе, словно к роднику, он не мог от нее оторваться. Даже весенние праздники Василий Егорович встречал на полях. К мероприятиям, которые проводились в такие дни в селе, он относился настороженно: вдруг придется стоять на трибуне у всех на виду, а то и выступать? Говорить, да еще складно, о любви к своей земле он не умел и не пытался научиться. Дарить ей радость материнства, постоять за нее—дело другое...

Лишь однажды зимой на свадьбе в нашей деревне я увидел его в веселой толчее праздника. Сотрясая пол подошвами серых подшитых валенок, он самозабенно плясал под гармонь. Мы, деревенские мальчишки, глядевшие на пляску с широких полатей, не думали тогда, что видим защитника Ленинграда, освободителя Европы, победителя самураев. Хотя мы и слыхали кое-что о его военном прошлом, для нас это был просто дядя Вася—неприметный мужичок из Липок, который любил лошадей, угощал нас медом и каждую весну развесивал вокруг избы множество новых скворечников.

В тот день по деревне метался буран. Я вышел из переполненной гостями избы, и тотчас снежные хлопья залепили мне глаза. Я протер руканицей спящие ресницы и вдруг почувствовал, что чья-то широкая ладонь, словно крыша, легла на мою голову. Такая огромная рука была только у липовского Василия.

Мне давно хотелось задать ему один вопрос.

«Дядя Вася,—спросил я,—тебе было страшно там?»

Заскорузлые пальцы его левой руки мяли свернутую из газеты «кошью ножку».

«Знаешь, тезка,—сказал он, становясь так, чтобы укрыть меня от ветра,—когда идешь в атаку, о себе не думаешь. Мысль одна: лишь бы добежать! Потом вспомнишь, как все было, и сам себе не повершишь: неужели ты через это прошел? Народ наш не злы, но уж если кто наскачет тебе на хребет, тогда что-то такое в нас появляется... Никакие страхи не остановят!»

Прежде чем повернуть на дорогу к дедовой роще, я еще раз оглядел Липки. Потоки солнечного света, скатываясь с оголенной вершины холма, застrevали в полосе берез и осин, росших за деревней, и казалось, будто огненная стена защищает от ветров эти избушки.

«А ведь мне гораздо больше лет, чем было Василию, когда он стал героем,—подумал я.—Будет ли моя рука такой же твердой, если жизнь прикажет мне то, что приказала ему?»

Направляясь к дедовым сосновам, я не знал, что в это время на берегу реки компания шабашников жарит лосиную печень, наперебой расхваливая меткость начальника лесопункта...

Зыбунов слушал похвалы в свой адрес и не верил им. Он понимал, что с этой скользкой, расчетливой публикой его связывает лишь общий денежный интерес. Превратится он—тотчас испарится и подчеркнутое почтение к нему.

Нет, пиршества с зависимыми от него шабашниками не приносили душевного спокойствия. Они давали лишь временное забытье, которое наутро сменилось вялостью, тоской, недовольством.

Самым обидным было то, что он не мог показать нажитое. Более того, чтобы вернее застраховаться, ему приходилось отказывать себе даже в тех простейших удовольствиях, которые доступны любому и не требуют больших денег. Он не мог после работы выпить кружку пива в компании мужиков—и потому, что чувствовал скрытую неприязнь окружающих, и из-за боязни проговориться о чем-нибудь тайном.

Новую «Волгу» он не выгонял из гаража, чтобы лишний раз не привлекать к себе внимания. Загорничная дубленка несколько лет висела в шкафу, там же лежали дорогие шапки, в коробках покоились модные туфли, а он ни разу не вышел в них из дома. В будни и праздники он носил один и тот же залоснившийся черный пиджак и короткие брюки дудочкой, зимой надевал клочковатую шапку и старый полушибок с многочисленными пятнами вина, жира и крови убитой им дичи.

Собственно говоря, у него и не было тяги к дорогой одежде. Такой костюм, который не боязно испачкать, его вполне устраивал, а служебный «узик» заменял личную машину. И все же временами донимали его злость, досада и даже отчаяние: выходит, он не хозяин своим вещам, если не может распорядиться ими по своему желанию?

В сущности, так оно и было. То, что он сумел присвоить, не принадлежало ему по совести и потому так и осталось чужим. Решившись на обман ради наживы, он и над вещами не обрел власти, и с людьми потерял родство.

По лесной дороге мимо меня промчалась машина. Я успел заметить, что за рулем сидит начальник лесопункта. Мне показалось, что он чем-то перепуган.

Я вышел на берег речушки и все понял. На той стороне горел лес. Те, кто праздновал там охотничьи победы, просмотрели, как пламя костра перекинулось на сухой мох, с треском побежало по кустам вереска, желтой рыхью вспрыгнуло на деревья...

Огонь может быть добрым, несущим свет, тепло, надежду, радость, дающим жизнь. Он может стать жестоким, ослепленным яростью, оставляющим после себя лишь безмолвие и пустоту. Но вины огня в том нет: ему не дано определять свой характер. Он таков, какова душа человека, порождающего его.

Этот участок леса напоминал остров: с двух сторон его окружала пашня, с третьей—река, а от бесконечного, уходящего за горизонт бора он был отсечен глубоким оврагом, по дну которого бежал впадавший в реку ручей. После того, как никоих слизняков бобры построили плотину, вода в ложбине поднялась, и тут огонь неизбежно должен был захлебнуться.

Но у него был другой путь. Несколько толстых суковатых сухар, поваленных бурами, соединяли берега оврага. Вот по этому мосту и могло переправиться пламя. И только здесь была надежда остановить его.

Чтобы отрезать дорогу огню, нужно было перерубить упавшие деревья, уронить их на дно оврага. Но какие же они были огромные! А у меня в руках лишь походный топорик, который я захватил, чтобы вырубить Анне Сергеихе полегче...

За его спиной ровно дышал лесной океан. Где-то там, позади, росли посаженные дедом сосны, с которыми он не успел повидаться. А с того берега рвался уничтожить все это бездушный вал огня.

Никто не давал ему команды «Стоять насмерть!».

Никто и не узнал бы, что он был здесь.

Но он понимал, что никогда не простит себе, если уйдет отсюда.

Навстречу XXVII съезду КПСС

C

прашивают: какой будет город? А зачем вообще строить там город?

Мы разговаривали с Шаповаловым в Надыме перед вылетом на Ямбург. Игорь Александрович всего три месяца как назначен начальником нового главка «Главямбурггазстрой».

— Хороший вахтовый поселок, — ответил он на свой же вопрос, — вот что по идеи там нужно.

Наше представление о Ямбурге складывалось в основном из статьи в одной северной местной газете, где новый поселок выглядел чем-то вроде курорта. Один из аргументов автора заключался в том, что в феврале семьдесят шесть процентов ветров — только представьте! — дуют с юга.

Ребята в Ямбурге, прочитав это, настроились сурово:

— Дайте нам этого автора! Мы ему объясним, что на Северном полюсе еще лучше: все ветра — южные. В любое время года!

Не хочется повторяться, сообщая еще раз, что на севере Тюменской области зимой — лютый мороз, а летом — свирепый гнус. Ямбург — Заполярье, и уже этим многое сказано... Здесь мы встретили немало строителей из Нового Уренгоя, и все в один голос: условия посложнее уренгойских. Голая тундра. Берег Обской губы, а за ней, считай, уже Арктика. На пути ее суворого дыхания никаких преград нет. Откуда, кстати, название? В переводе с ненецкого ямб — большой, бург — болото. Болот здесь и впрямь хватает...

В этих пустынных краях найдены огромные запасы газа и конденсата, практически не уступающие запасам знаменитого Нового Уренгоя. Возможно, есть здесь и нефть — в геологическом отношении район разведен еще далеко не полностью. Ямбург примет эстафету от Уренгоя: в две надцатой пятилетке и в более дальней перспективе он даст основной прирост добычи газа. Это месторождение является как бы северным продолжением уренгойского. Оно протянулось под вечной мерзлотой примерно на 170 километров в длину и на 45 километров в ширину. Как записано в геологическом отчете о Ямбурге, «на территории месторождения не было ни одного населенного пункта... летом район месторождения преимущественно непроходим для

обычного транспорта и труднопроходим даже для специального. Наиболее крупная река Пойловоях не имеет практического значения для судоходства. Ведущими транспортными артериями являются Обская и Тазовская губы. Время навигации ограничено... Природа, как нарочно, прячет свои богатства в самых труднодоступных местах...

Откровенно говоря, с чисто внешней стороны поселок Ямбург нас разочаровал. Разномастные вагончики, жилые бочки... Лишь в отдалении поднимается микрорайон из двухэтажных домов. И сразу — первая проблема, о которой нам еще говорил работник Надымского горкома партии Станислав Станиславович Панюшкин. Почему освоение каждого нового месторождения надо начинать с того, что тащить сюда за сотни верст вагончики и лепить из них печально известные «шанхай» — вагонгородки? Водители пятой автобазы хорошо помнят, как в кабинах машин ночевали — и это на третьем году освоения. Общежития в два яруса — без всяких удобств — есть и поныне. Нежужели никак нельзя иначе?

Мы зашли, как нам посоветовали, в общежитие плавстроитряда — организация эта ведет строительство речного порта. Брандвахта — попросту баржа — неприметно приткнулась у берега. Ничего сверхъестественного внутри ее не было: просто теплые удобные комнаты; просто баня; просто водопровод; просто санузел... Чистота: при входе на брандвахту полагается переобуваться в тапочки. Среди «излишеств», пожалуй, только трехразовое горячее питание — заплатил вперед, и никаких тебе хлопот.

Большинство жителей Ямбурга этих обычных удобств лишены: канализации нет, вода привозная, очереди в столовых любой аппетит отбывают, ну, а баня считается чуть ли не роскошью: кое-где при строив управлении они есть, но пробиться туда удается примерно в месяц раз. А ведь с тех пор, как первый санно-тракторный поезд пришел сюда, прошло уже около четырех лет. В январе 1982-го это было...

Мы стали фантазировать: летом, по большой воде, приходят на Север оборудованные под жилье баржи (а то и теплоходы), предназначенные к

ВАХТОВЫЙ ПОСЕЛОК.

Нефть и газ, добываемые в недрах Тюмени, стали основой экономического развития страны, а большой море определяют успехи царя народного хозяйства.

Санно-тракторный поезд, для доставки рабочих в Ямбург, едет другом, чтобы открыть работы Федорово-Сысертского нефтеподготовительного комплекса.

Здесь будущий мастер деревни гонит санами на санках санно-тракторный поезд в Ямбург.

**Владимир АНИСИМОВ,
Виктор САКК (фото),
специальные корреспонденты «Смены»**

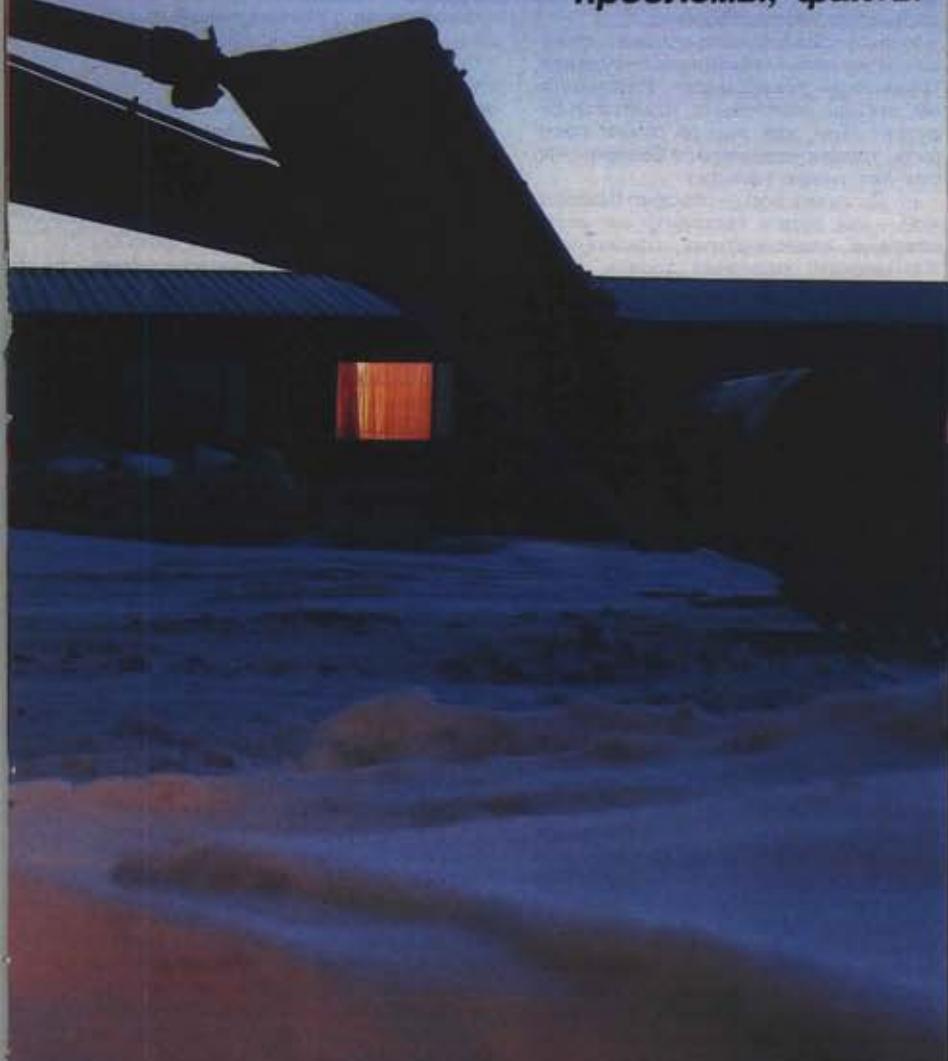
КОНТР ЯМБУР

ПЕСНЯ
ДРУЗЕЙ.

Экспедиция «Смены»: Западная Сибирь — люди, проблемы, факты

АСТЫ ГА

ВАЛЕРИЙ СУЧКОВ —
СТРОИТЕЛЬ ЯМБУРГА.

ГЛЫБЫ ЛЬДА —
ВОДА ДЛЯ БУРОВОЙ.

(списанию), бросают якорь, строители сходят на берег и сразу начинают возводить капитальные дома. А после баржа в новое место может поплыть... Впрочем, такая ли это фантазия? Вот он, стоит во льду, плавстроитровский «отель» в северном исполнении. А другие организации чем хуже? Бывший управляющий трестом «Ямбурггазпромстрой» Розов (переехал в Новый Уренгой) пытался «пробить» идею о таком плавучем поселке на списанном речном судне, даничего не вышло. И нынче в Ямбурге мы так и не нашли энтузиаста, поддерживающего эту идею. Доводы скептиков таковы: ну, сколько человек разместятся на какой-то барже? Кто пустит в плавание списанное судно? Словом, сложностей много, неравно все это, и не стоит овчинки выделки...

Не знаем, не уверены... Наверное, вопрос этот требует отдельного разговора, инженерного и экономического обоснования. Мы же исходим из конкретного примера и из того очевидного факта, что разные «шанхайи» малопригодны для жилья, требуют много средств на перевозку, существуют долго — десятилетиями. И в Новом Уренгое, и даже в более «старом» Надыме с ними до сих пор никак не разделяются.

Бывший комсомольский секретарь, а теперь заместитель управляющего трестом «Севергазстрой» Игорь Александрович Гришняев рассказывал нам:

— Бывало и так — приходит ко мне женщина вся в слезах: «У меня уж дети выросли, а все в балконах живем». Да разве она одна? Вы скажите: пусть уезжает, откуда приехала. Да в том и беда, что не у всех пустующие квартиры на материке, многим уехать просто некуда.

Нынче в Ямбург привозят в числе прочего жилья так называемые ВЖК — вахтовые жилые комплексы производства Октябрьского завода металлоконструкций, что в Башкирии. Убогие с виду, примитивные внутри, эти коробки — даже не позавчерашний день домостроительной индустрии. Те же вагончики, только чуть попроще и с комнатой, куда можно свалить сырую спецодежду.

Мы намеренно не упоминаем об удобных жилых комплексах, строительство которых только разворачивается. Поздно они сюда приходят, мало их для быстрорастущего Ямбурга.

Не только домов не хватает. Почта ютится в половине вагончика; торговля на разных пятаках приткнулась; здравпункта приличного нет — с больным зубом в Надым лети: пара клубов — как в захудалом колхозе. Короче, приходится говорить все о том же как заколдованным отставанием соцкультбыта.

Так живется в Ямбурге. А как работает?

«Здесь живет Коля» — написал кто-то крупными буквами на железной будке, что стоит возле строящегося речного порта.

Вообще-то здесь живут и работают двое. Метра четыре полезной площади (кровать, столик и ящик для вещей) приходится на дизелиста Николая Шуленкова. Остальное за перегородкой, занимает... дизель. А этот агрегат на Севере — все. Энергия, свет, тепло... Да что тут объяснять! Кolin «сосед» молотит круглосуточно. Оставить его нельзя, как грудного младенца.

— Коля! — повышая голос, чтобы перекрыть шум, изумляемся мы. — Да как ты тут спишь?

— Привык, не замечаю уже. — застенчиво улыбается Коля.

— А если рядом, в общежитии пристроиться? Можно датчики какие-то поставить, сигнализацию от дизеля провести?

— Так оборудования нет...

Коля — обычновенный романтик Севера, есть еще такие. Даже внешне в нем что-то романтическое: угольно-черная густая борода, небесно-синие спокойные глаза. Деньги? Он и на Большой земле, в Ленинграде зарабатывал неплохо. В один день решил и уехал с комсомольским отрядом в Надым, потом в Ямбург. Был монтажником, слесарем, теперь вот на дизеле. Словом, где нужнее. Дочка пятилетняя, жена — «декабристка» — вслед за мужем в Надым приехали. В Ямбург, по соседству к дизелю, их пока не перевезешь, ясное дело.

Заботы у романтика самые прозаические.

— Дизель я получил в конце февраля. Привезли на КрАЗах из Пангод. Разбитый весь, помпу украли, ЗИПа нет. С Надымом привез мешок запчастей. С ними просто беда. Нигде нет, каждый месяц в Надым летаю, там по знакомству достаю... Должен был получить второй дизель, только он сутки где-то без присмотраостоял, растащили по частям. Дали на трест тонн пять антифриза — тоже теперь

ТРАНШЕЯ ГАЗОПРОВОДА УХОДИТ НА БОЛЬШУЮ ЗЕМЛЮ.

неизвестно где. Дизель водой охлаждается...

Нет, он не жалуется и не нюет, не опускает руки. С философским спокойствием (что ж теперь сделаешь?) говорит о таком довольно распространенном в здешних широтах явлении, как «производственное» воровство. Его и за воровство-то не считают. Деньги, вещи на виду оставишь — не возьмут. А вот машину «раздеть», стройматериалы увлечь — вроде и не кражи, а производственная необходимость.

Не оправдываем, но понимаем. Шоферы из АТБ-5 Николай Рябоконь и Александр Багров рассказывали: получили партию новеньких машин, а к ним ни смазочных масел, ни запчастей.

Плохое, некомплектное снабжение — бич северных строек, первопричина воровства на местах. А виновных вроде и нет: на длинной дороге с материала до Севера материалы, техника проходят столько перевалок, разве за всем угледиши?

Многие предприятия взяли под особый контроль выполнение заказов для Западной Сибири. Еще нужнее — строжайший контроль за перевозкой грузов. Любых. Надо все-таки понять, что железнодорожники, речники, автомобилисты — не простые «извозчики», а вполне правильные участники строительства Ямбурга.

Посмотрим теперь, что происходит с материальными ресурсами на месте.

Известно: государство не жалеет средств на развитие Сибири. С тем, разумеется, чтобы они давали отдачу.

Насчет отдачи сомнений нет. Газовая отрасль — самая эффективная, отдачу дает немедленно. Скажем, шесть ниток газопровода от Нового Уренгоя уже дали около девяти миллиардов рублей прибыли.

Сомнения в другом: как бы астрономические цифры не послужили оп-

равданием сегодняшней бесхозяйственности, нераспорядительности, расточительности. От Ямбурга тоже пойдут шесть газопроводов, и они тоже очень быстро окупят все затраты. Но... значит ли это, что деньги можно не считать, о людях не думать?

То и дело, знакомясь с Ямбургом, мы натыкались на кладбища техники. Колесной, гусеничной, на воздушной подушке и без оной. Да, здесь суровые условия эксплуатации. Да, не вся техника приспособлена к работе на Севере. Тем не менее на первой коллегии нового главка в Ямбурге резко и прямо говорилось о другом — слабой исполнительской дисциплине. Шесть бульдозеров встали на прикол. Почему? Перегрев двигателей — то есть неправильная эксплуатация.

От навигации до навигации лежат в беспорядке трубы, брусы, прочее дефицитное добро — без охраны, под снегом. Две тысячи дорожных плит вообще делились неизвестно куда. Из-за халатности рабочих второй год подряд из емкостей выливается в тундре сотни тонн горючего. Планы строительства в поселке регулярно проваливаются. Факты эти можно было бы продолжить...

Задача формулируется по-суворовски просто: взять газ Ямбурга не числом, а умением. Но реализовать ее, видимо, оказалось непросто.

Как же раздосадован был Шаповалов, когда узнал, что некий снабженец завез на Ямбург три вагона черенков для лопат. Причем без самих лопат.

— Что он хотел? Пыль в глаза пустить? Вот, мол, какой я proximity: достал, выбил! А зачем нам столько?

Понятно, на любой стройке без лопат пока не обойдешься. Но, думаем, досада Шаповалова была вызвана не столько злосчастными деревянками как таковыми, сколько бьющим контрастом, несоответствием: хотим построить Ямбург индустриальными методами, малыми силами — а тут такой примитив в век НТР.

Игорь Александрович — тюменский старожил. Прошел многие ступеньки: строуправление, трест, крупное производственное объединение; последние годы до назначения начальником главка был на партийной работе. Лауреат Ленинской премии за участие в разработке и внедрении блочно-комплектного метода строительства. О самом методе вряд ли стоит писать подробно, он широко известен. И «Смена» о нем не раз рассказывала. В двух словах о его сути: промышленные объекты — например, насосные станции — полностью изготавливают-

ся в Тюмени, а затем блоками заводятся на место и там монтируются. Подсчитано, что метод позволяет втрое-четверо увеличить производительность труда на обустройстве сибирских месторождений.

Новый главк только-только «становится на ноги», обстановка сложная, трудностей невпроворот. Размышилем, откуда, собственно, трудности берутся? Или, как иногда любят говорить, такова «специфика Севера», что без них никак нельзя?

— До каких пор, — говорил Шаповалов, — мы будем выходить на место впереди транспортных строителей? Автодороги, железная дорога, аэропорт — все это должно строиться опережающими темпами. А тут столько времени потеряно на споры, вести ли сюда железную дорогу. Будь заранее дороги — решили бы и проблему жилья. Больше всего мы страдаем от недостатка технической культуры. Начинать надо было с транспортной схемы, с подготовки тыловых баз, на которых готовятся блоки.

— Блочно-комплектному методу строительства скоро двадцать лет. Как он развивается в Сибири? — спросили мы Игоря Александровича.

— Объемы строительства растут, но доля блочного метода все еще сравнительно невелика. На месте топчемся! Если и есть движение, то не большое. Блочный метод годится не только для сооружения насосных станций или котельных. Вот пекарни в Ямбург привезли «россыпью» — полгода строили. С электростанциями — та же история. Все собирали здесь. А почему бы эти станции да и другие объекты тоже не выпускать в блоках? Ямбург должен строиться не в Ямбурге — в Тюмени, в заводских цехах. Тогда, кстати, и потеря гораздо меньше будет. Но мощностей объединения «Сибкомплектмонтаж» в Тюмени уже не хватает. Нужны новые подобные объединения, причем не только в системе Миннефтегазстроя. Получаем от Минхимнефтемаша оборудование тоже «россыпью», сами компонуем его в блоки. А почему их заводы от этого дела в стороне?

Контрасты Ямбурга... В прошлую навигацию доставили два суперблока весом 80 и 170 тонн. Соединили их — готова котельная. Но один из блоков остался зимовать неподалеку от берега и... примерз. По одной версии, забыли хоть что-нибудь подложить под суперблок, по другой — подложили бревна, но они ушли в грунт. Так или иначе, по весне все, включая начальника главка, занимались сдергиванием громадной машины. Сколько сверхмощных тракторов цепляли — все тщетно, пока тундра не оттаяла. Словом, люди в течение долгого времени занимались лишним делом, тратили средства, гоняли технику, жгли горючее. Непредусмотрительность? Сказать по правде, больше похоже

ко сверхмощных тракторов цепляли — все тщетно, пока тундра не оттаяла. Словом, люди в течение долгого времени занимались лишним делом, тратили средства, гоняли технику, жгли горючее. Непредусмотрительность? Сказать по правде, больше похоже

на обычное головотяпство. И как же все-таки не вяжется блестящее инженерное решение с блоками и это дедовское «Эй, ухнем!» (при помощи тракторов, правда).

Заговорили с Шаповаловым о шефстве над ударными стройками.

— Вы часто видели, чтобы хозяева ходили в комитеты комсомола? А мы в Тюменский обком ходили. Я так скажу: блочный метод во многом — детище комсомола. Помню, был даже при обкоме комсомольский координационный совет по внедрению этого метода. Активно работал. В первые годы... Потом комсомольцы почему-то потеряли интерес к этому делу, естественно, сразу перестали появляться и новые идеи по развитию метода. А ведь шефство должно основываться именно на новых идеях и научно-техническом прогрессе, на индустриальных методах. А что получается? Возьмем для примера студенческие стройотряды. Как двадцать лет назад главным инструментом студента была лопата, — усмехнулся Шаповалов, — так и теперь. А нам не одна мускульная сила требуется. Нужны и руки их, и головы! Надо создавать отряды качественно иного уровня, я бы назвал их отрядами научно-технического прогресса. Как все это видится в реальных обстоятельствах? Скажем, студенты могут взять тему для творческой работы по Ямбургу. Узких мест у нас, сами знаете, много, подберем, что молодежи по силам. Думайте, анализируйте — в следующий приезд будете внедрять.

— А если конкретнее?

— Допустим, даем такое задание: разработать технические условия и наметить конкретные мероприятия, чтобы аэродром к такому-то времени смог принимать тяжелые самолеты. У нас самих нет специалистов по этим вопросам. Мало специалистов и по вечной мерзлоте — здесь она с особыми свойствами, низкотемпературная. Как лучше бороться с ее коварным нравом? Актуальных тем предостаточно по самым различным направлениям. Между прочим, прецедент такой был: еще в 1970 году научно-студенческое общество Тюменского индустриального института заключило с СУ-19 договор на создание блочной котельной. В наши дни требуется, чтобы будущий инженер участвовал в решении практических инженерных задач. Трудно на Севере строить. Тем более нужна «мозговая атака» молодых, направленная на облегчение этой работы. Молодежь, кстати, чаще смотрит на проблемы нетрадиционно, непредубежденно.

Еще могу предложить, — продолжал Шаповалов. — В Тюмени уже чуть ли не две пятилетки строится завод крупноблочных домов Минлесбумпрома, который будет поставлять нам жилье. Почему бы комсомолу не взять завод под свое шефство? Пусть техническая мысль молодых создаст отличный во всех отношениях дом для северян.

— А город там, вы считаете, не нужен?

— Если строить блоками — зачем? Но чтобы расширить применение блочного метода, нужно развивать базу в Тюмени.

Мы не случайно вернулись к тому вопросу, с которого начали: будет Ямбург городом или вахтовым поселком?

— А вот этого никто у нас не знает, — говорил нам председатель исполнкома поссовета Александр Егорович Ларичев. — Из-за этого все проблемы. И соцкультбыт отстал, потому что неизвестно, на что ориентироваться: то, что нужно для города, не обязательно для вахты. Зачем вахте больница, ясли, детский сад, школы, большие магазины и так далее? Я лично считаю: здесь должен быть нормальный город с нормальной инфраструктурой. Если и не захотим его строить — жизнь заставит.

Той же точки зрения — Ямбург должен быть городом! — придерживается заказчик всего, что строится в поселке, — генеральный директор объединения «Ямбурггаздобыча» Сергей Тимофеевич Пашин. Минения строителей и газодобытчиков, как видим, разделились. Заметим, не вдаваясь пока в спор, что, наверное, трудно делать общее дело, по-разному представляя себе конечную цель. Мы в данном случае подразумеваем под конечной целью не газ (в том, что его дадут досрочно, никто не сомневается), а условия жизни людей, осваивающих Ямбург.

Сразу по возвращении в Москву мы попали на пресс-конференцию в ЦК ВЛКСМ, где заместитель министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности А. П. Весельев говорил:

— Освоение Ямбургского месторождения — задача такой сложности, которую мы еще не решали. Первая сложность: там практически нет земли, в буквальном смысле не на чем строить. Придется издалека завозить колоссальное количество твердого грунта. Тем не менее Ямбург должны освоить вдвое быстрее, чем Новый Уренгой. Ямбург будем «брать» суперблоками до тысячи тонн каждый, и даже больше. Поэтому наиболее ответственный участок, куда надо направить молодых рабочих, — Тюмень, объединение «Сибкомплектмонтаж». Нужны станочники, слесари, сварщики для изготовления блоков. Сейчас требуется приступить к разработке комплексной программы «Ямбург» вместе с Академией наук, различными ведомствами. Мы немного промедлили с созданием такой программы. Будем наверстывать.

Что касается будущего Ямбурга, Анатолий Павлович выразился вполне определенно:

— Мы не должны ориентироваться на постоянное проживание людей в Ямбурге. Это должен быть хороший вахтовый поселок.

Надо полагать, это позиция министерства в целом.

Но ведь и Пашин с Ларичевым не единоки в своем убеждении! Их поддерживают облисполком, надымские горком партии и горисполком. Ямбург вахтой не взять — это твердое убеждение многих опытных людей.

Не нам быть арбитрами в этом споре. Но напомнить надо: неопределенность очень мешала, да и теперь мешает строителям Ямбурга. И всем, кто осваивает это месторождение.

Читатель, наверное, чувствует: из этой командировки в Ямбург мы привезли больше проблем, большие вопросы, чем ответов на них. Будто нет там ни трудовых достижений, ни трудового энтузиазма...

Есть, конечно, достижения, и немалые. Полным ходом идет строительство газопровода Ямбург — Елец. К XXVII съезду партии его линейная часть будет закончена.

Неизвестно изменился речной порт поселка, здесь работа кипит круглосуточно.

Проложены первые километры дюрок с твердым покрытием к газопроводам; в тундре встали опоры ЛЭП.

Новые двухэтажные дома готовятся принять новоселов...

Из Москвы, с XII фестиваля молодежи и студентов, прямым назначением в объединение «Сибкомплектмонтаж» отправлен ударный комсомольский отряд. Работают бойцы всесоюзного отряда «Стахановец» и в Ямбурге, и сделали они уже немало.

Все это так, но речь сегодня о другом.

— Поменьше восторгов, — попросил нас перед отъездом первый секретарь Надымского горкома комсомола Владимир Ковалчук.

Мы решили рассказать о том, что тревожит сегодня молодежь Ямбурга.

ИСТОРИЯ

Земля, родная нам

Бывают книги рядовые, а есть — этапные, рубежные, меняющие бытие той области, в рамках которой и создавалась книга. У академика Д. Лихачева таких книг не одна и не две...

Автор книги, написанной в годы войны и посвященной обороне русских городов, Д. Лихачев вот уже сорок лет стремится увеличить количество того, что следует охранять, ибо ценность или, вернее, бесценность памятника определяется не только его древностью, не только его связью с тем или иным великим именем.

Хотя каждая из книг Д. Лихачева заслуживает специального разговора, «Земля родная», вышедшая в издательстве «Прогресс», стоит среди них особняком — таких книг он до сих пор не писал, это самое автобиографическое из всего написанного им прежде, самое империальное, самое молодое и обращенное в будущее.

Широта позиции автора заключается в том, что она совмещает личное восприятие («Я говорю о том, что мне кажется для меня лично самым драгоценным») со сверхиндивидуальным: «Любовь к своей стране и к своему народу — это и есть то надличностное начало, которое по-настоящему освещает (делает святым) вся деятельность человека, приносит ему настояще счастье, избавляет от неприятностей, мелких личных неудач». Раскрытие неисчерпаемых красот «земли родной» Д. Лихачеву удается по преимуществу на материале древнерусской культуры. Процесс истории культуры есть не только процесс изменения, но и процесс сохранения прошлого, открытия нового в старом, накопления ценностей.

В этом человеку помогает замечательная способность его сознания «проникать в сознание других людей и понимать его, несмотря на все его отличия», способность, подобная умению актера перевоплощаться. Кстати, в одном из недавних интервью академик рассказал о своем замысле исследования одной из шекспировских комедий. Может быть, в этой работе скажется театроведческое мастерство Д. Лихачева, и он представит перед читателями в привычно-непривычном обличье, и вновь работа окажется этапной для поколения его учеников?

...В небольшом «Слове о Киеве», завершающем книгу «Земля родная», Д. Лихачев пишет о том, что самым важным в искусстве Киевской Руси была «соборность и «собранность» в едином сообществе», «причастность к единому, составляющему мир

целому». «Единое целое» книги Д. Лихачева то, что передается его ученикам, читателям и почитателям, сверстникам и молодежи, — ощущение, что наша земля — родная им.

Борис ЛЮБИМОВ

ПРОЗА

Д. Лихачев ПРЕОДОЛЕНИЕ

Что же делать завтра?

Беда, как известно, всегда заставляет людей всплакнуть. Если это большая беда — требуется настояще мужество, душевная стойкость, уверенность в силе и правоте своих убеждений, чтобы противопоставить несчастью всю свою последующую жизнь. Андрея Шишкина настигла такая беда. Он прикован к постели. Постоянная борьба за право жить и работать стала реальностью. Другой бы сложил руки. Андрей Шишкин не сложил. Он нашел в себе мужество взяться за перо.

Книга Андрея Шишкина «Преодоление» выпущена издательством «Молодая гвардия». В ней три повести, и все они объединены главной темой — «оторваться от земли, испытать восторг от бывающего в лице встречного ветра, проверить собственные силы в стремлении подняться выше...».

«Оторваться от земли» — значит, вырваться из сиюминутных, порой ограниченных жизненных представлений и переизнаний, чтобы увидеть жизнь с высоты полета души во всем многообразии, с извечной устремленностью к добру, справедливости, совершенству. Строятся дальний план — перестраиваются отношения людей. Молодых людей.

Ловлю себя на том, что хочется пересказывать прочитанное, но лучше обратиться к самой книге, где за трудными буднями, порой неожиданными событиями стоят незаурядные характеристики и запечатлены неоднозначные судьбы. Нельзя сказать, что автор наделяет своих героев какой-то особенной судьбой, особыми свойствами души. Скорее сама жизнь, увиденная и пережитая Андреем Шишкиным с чуткостью истинного художника, рождает образы и ситуации, достойные внимания самого «придирчивого» читателя.

Не случайно книга заканчивается повестью «Преодоление». Жизнь Николая Островского, не отождествленная с образом Павла Корчагина, а та, о которой мы не все еще знаем, по крупицам собранная Андреем Шишкиным из документов и воспоминаний современников, развертывается перед нами. Эта жизнь становится примером для другого героя повести — Бориса, биография которого повторяет или почти повторяет биографию Андрея Шишкина.

«В училище» Борис изучал «Конструкцию и прочность самолетов», с тех пор помнил, что окна в фюзеляже пассажирского лайнера с инженерной точки зрения только усложняют конструкцию и увеличивают вес машины, — пишет Шишкин. — Но есть такое понятие: «Эффект тоннельности» — в полете человек лицом привычных земных ощущений, и в закрытом про-

странстве салона эволюции самолета вызывают у пассажиров панику. Окна возвращают людям уверенность...» Хорошая книга — это тоже окно в мир. Мужество человека всегда восхищает. Книга о мужестве вызывает сопереживание. Сопереживание, которое заставляет оглянуться и на свою жизнь, и решить, что же я буду делать завтра.

Ольга КРУТОВА

«...сороковые, роковые...»

О Великой Отечественной войне написано много. Однако тема эта неисчерпаемая. Долго будут вспоминать участники — солдаты, старшины, офицеры, генералы — малейшие детали, места боев, товарищей, не увидевших мирную жизнь... И не только они. Дети военного времени, опаленные «пороховыми» годами, принимают эстафету памяти.

Каждое такое свидетельство благодарно примется потомкам, потому что у каждого прошедшего боя, поражения, победы, у каждого, принявшего эстафету, есть СВОЯ ВОЙНА. Та, которую он пережил, перестрадал, превозмог.

Книга Виктора Делля «Право на жизнь» (Москва, «Советский писатель», 1985 г.) об одном из участников большой войны. Старшина Колосов, посланный с особым заданием в тыл врага, сталкивается с непредвиденными сложностями, ежеминутно возникающими в то серьезное, трудное время; молоденький радист Неплюев лишается рассудка, впервые увидев кровь, смерть, войну в лицо. Колосов помогает Неплюеву пройти через гитлеровские тылы и принести разведданные. Разведчики выполнили задание. Выполнили и напутствие любимого командира — лейтенанта Речкина: «Первое и наиглавнейшее, Коля (Колосов, — К. В.), приказываю тебе оставаться в живых», — сказал, прощаюсь, лейтенант. — Карту и сведения доставиши в штаб фронта в лучшем виде. Себя не обнаруживать. Надо — птицей обернись, пролети... но сведения доставь. Стотрат скажу и прикажу каждому пребывать так, чтобы ни один немец не чухнулся».

Не буду пересказывать сложный, жизненно правдивый, но тем не менее почти детективный сюжет повести Виктора Делля. Повесть надо читать, ибо с первой страницы читатель войдет в ту жизнь, которую ярко и своеобразно воссоздал на страницах книги писатель.

Истра, Истринский район — родные места писателя и кому, как не ему, рассказать нынешним детям, подросткам, юношам о том, что происходило ТОГДА, на ныне спокойных, цветущих берегах древней реки.

Теперь здесь тихо и прекрасно, мир уже долгие четыре десятилетия вершит свои великие законы на нашей земле. Но надо помнить, знать, нести в сердце всех тех, кто кровью и жизнью отвоевал нынешние цветущие сады, нормальное человеческое существование.

Вот об этом книга Виктора Делля «Право на жизнь».

Ксения ВАСИЛЬЕВА

иву воспоминаниями от лета до лета. Как, наверное, каждый, кто всем прочим видам путешествий предпочтет водный туризм. И уже, кажется, знаю на любимых реках каждый порог, шивер, прижим, а все равно манит, как и в юности, возможность пройти преодолеть маршрут. И чем он труднее, тем лучше. Спорт на воде — спорт отважных, ловких, терпеливых, дружелюбных, сильных. Но только ли риска ради идем мы через водовороты и бурлящие пеной пороги? Нет. Каждое путешествие — открытие. Открытие края, чудес природы.

Вспоминаю: вход в глубокое ущелье перегорожен перебором — грядой острых камней. Через них, пенясь и угрожающе ревя, несется Пурнач. С кварцевой плиты хорошо просматривается двухкилометровый порог. Глыбы причудливых форм разбросаны по дну теснине в хаотическом беспорядке. В каменном лабиринте перепутались черные, зеленые, золотые струи разорванного потока. На дне каньона люди кажутся лилипутами, а байдарки — большими щуками. Оранжевые пятна спасжилетов осторожно ползут по порогу,

ВОДНЫЙ СПОРТ — ПРИВЛЕЧЕНИЕ МУЖЧИН?

Через пороги к океану

напоминая божьих коровок на морщинистой руке великаны.

А за поворотом распахнулась ширь ягельной тундры. Под берегом взлетают к синему небу живые слитки серебра: это идет на нерест беломорская семга. Стоим на слиянии двух больших рек Кольского полуострова — Пурнача и Поноя. Все тут ниже нас: и карликовые деревца, и кусты с синими пуговками голубики.

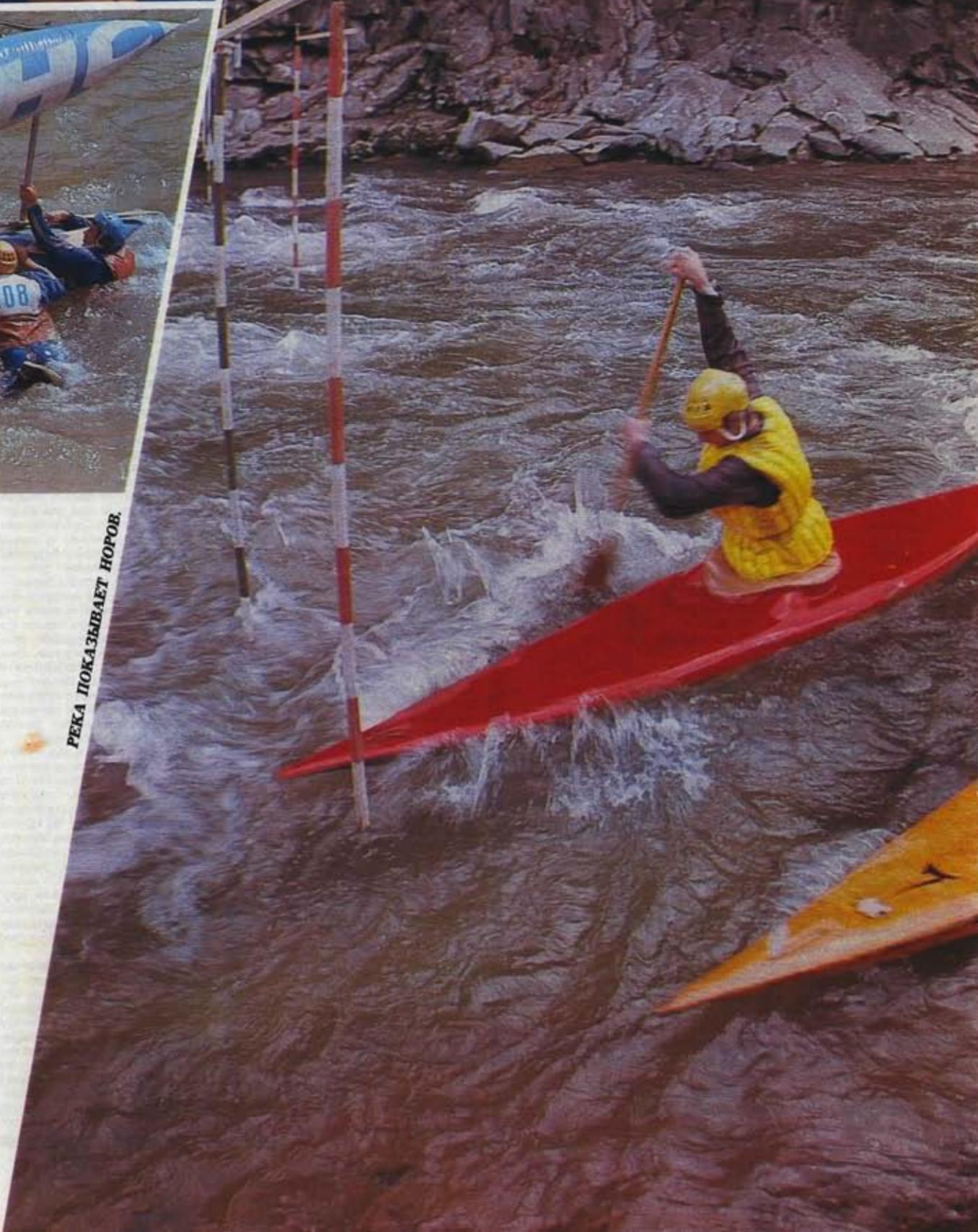
А вот другая картина: мы на дне тысячечеметрового провала. Справа и слева прямо из воды взлетает несокрушимая стена черных и бурых базальтов. Где-то на недосягаемой высоте она прерывается отлогой туфовой площадкой, заросшей лесом. Над щетиной столбов вновь высится грозные бастионы граненых столбов. А там, уже в поднебесье, заслонив солнечный диск, ступенчатую пирамиду горы венчает скала-крепость. На ней сверкает стеклянная занавесь из ниток водопадов. Они летят, скачут по уступам каньона и с гулом низвергаются в гладь озера.

Наша байдарка покачивается у базальтовой стены. Граненые столбы напоминают трубы органа. И, словно подтверждая это, сквозь шум падающих ручьев различаю рулады фуги: быстрый переход от раскатистого гула к нежному лепету ребенка.

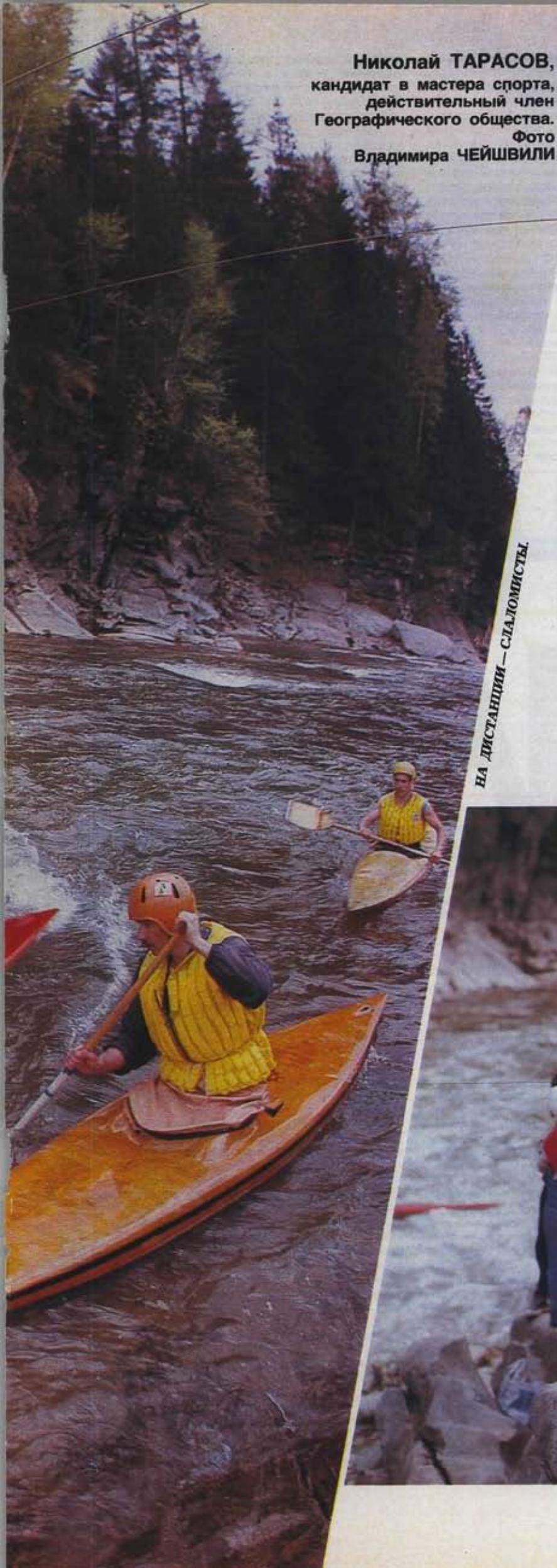
— Базальты поют. Слышишь, Дима?

Кормщик нашей байдарки и штурман экспедиции Дмитрий Иванович Меркуров не отвечает. Приподнявшись над кормой, он напряженноглядывает в искрящуюся даль Аяна. Над амфитеат-

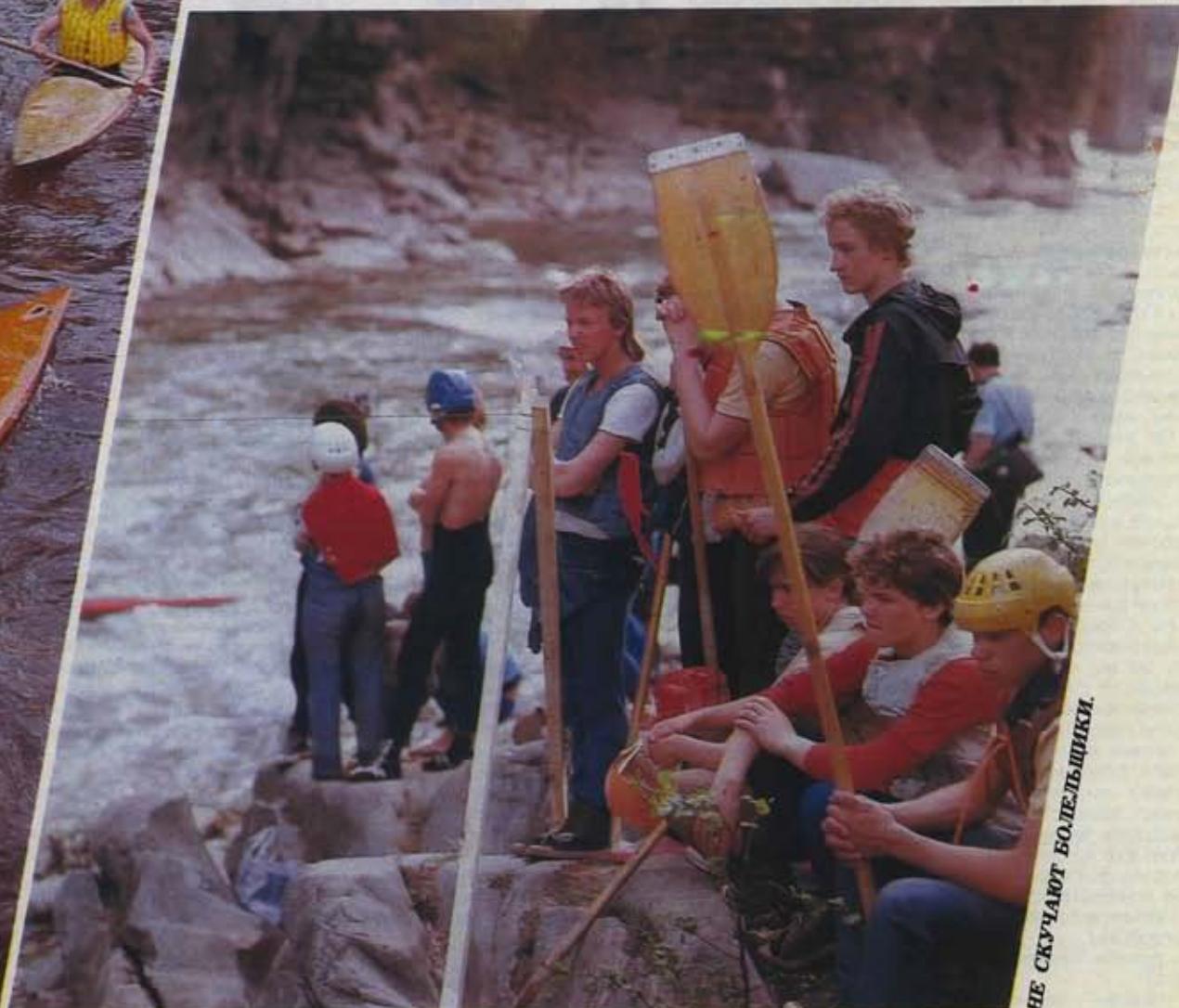
РЕКА ПОКАЗЫВАЕТ ПОРОГИ.

Николай ТАРАСОВ,
кандидат в мастера спорта,
действительный член
Географического общества.
Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

На дистанции — спайдомисты.

НЕ СКУЧАЮТ БОЛЬЩИКИ.

ром ступенчатых гор набухают тучи.

— Идет гроза. Закрывай лодку, уходим от берега! — командует Меркурев.

И тут же ущелье содрогнулось от яростного шквала ветра. Голос базальтового органа достиг трагической мозги. Солнце исчезло. Ключья туч смешались с пеной черных валов. Косые шнуры дождя секут месиво из воды и ветра. Байдарка взлетает и падает с легкостью пробки. Надо держать лодку на течении, остерегаться порогов.

Буря застала нас в самой узкой части Аяна. Несколько тяжких ударов ветра превратили спокойное озеро в кипящий котел. Едва мы успели отойти от берега, как на отвесные стены сомкнутыми рядами двинулись зеленые валы. Гроздый гулозвестил о начале шторма.

Байдарка, задрав нос, взлетает на крутую волну. Сквозь мокрые очки вижу под собой зияющую яму. Из нее встает новый вал... Круговорот жесткой зыби захлестывает отяжелевшую лодку. Отхлынувшая от скал вода накрывает нас с головой. Отсюда надо уходить. И как можно быстрее.

Радость битвы, страстное желание победить сливают нас и лодку воедино. Быстро и сильно гребем. Гребни прибоя несутся вдоль косы навстречу валам, отхлынувшим от берега. Мелькают лопасти весел, лодка уложит зыбь, разбивает волны.

В лицо ударили последний, могучий шквал бури. Возглас Меркурева заставил меня обернуться. Из-за мыса, где недавно сшибались буруны, на спокойную гладь Аяна выплывали байдарки экспедиции. К счастью, все целы.

...Вторая половина августа. Позднему осень. Дождит. Начинается миграция диких оленей: с увидавших просторов безлесных тундр они перекочевывают в горы Пutorана, на зимние пастища. Летом олени разбиваются на мелкие группы, по три—пять голов, а при кочевке вновь сбиваются в большие стада — так легче отбиться от волков. Мы встретили кочевников за Северным Полярным кругом, на широкой и быстрой Хете.

Прямо по курсу возникает остров. Его песчаное оголовье разрезает реку на два рукава. Левый — непроходим. Вход в правый — узкий, над ним скала с буйным прижимом, слева — нависшие деревья. Длинные жгути жгут несут лодку в протоку.

— Ближе к прижиму! — командует кормщик. — Идем вдоль зыбы! Смотри, что за поворот.

Белые зубцы прижима проносятся у самого борта. Зыбь подбрасывает байдарку. За поворотом прямое русло. Оно падает в сине-зеленый полумрак.

— Скорости! Скорости! — кричит Ди-ма. — Идем на комель...

Скорость важна, понимаю: на скорости большей, чем течение реки, лодка слушается малейшего движения руля. Но где же проход под комлем? И есть ли он? Между комлем и берегом небольшая щель, пригнувшись, можно пролететь. Но надо еще попасть в это «игольное ушко».

Байдарки влетают в узкий прогал. Весло — вдоль борта, лицо — к шершавому брезенту деки. Ветви хлестнули по голове, кора набилась за ворот. Едва успела разогнуться и отстристи от каменной гряды. Оглядываюсь: с лица Меркурева еще не сошло напряжение. Шапочка сбита на затылок, спаски летят осипан листьями. Они на миг исчезают под белым «шлагбаумом» перегородившей рукав березы, выныривают из-под нее и догоняют нас.

Горы изрезаны распадками, из них с шумом бежит вода. Как-то к вечеру наблюдали редкое явление: пахучий ветер, дувший из распадков, на глазах превращался в тончайшие кисеевые пряди. Взлетит такая охлажденная струя влажного воздуха над рекой, замрет оборванной нитью и вдруг стремительно перекинется с берега на берег зыбкой, прозрачной аркой. Долго мы плыли в сплошном тумане, сотканном из этих волшебных нитей. Только много летний опыт и крепкие нервы помогли нам благополучно миновать и невидимые пороги, и гудящие прижимы...

У

старела ли верность? В этой фразе последнее слово с одинаковым успехом можно заменить такими словами, как «любовь» или «дружба». Однако вопрос поставлен — и на него надо отвечать. Но правомочен ли он?.. Видно, да, если его тревожную и волнующую суть все чаще выносит на поверхность общественного интереса поток писем, поступающих в «Смену» от читателей, в основном молодых.

Устарела ли... Устаревает то, что изнашивается в результате длительного пользования, становится непригодным к употреблению и подлежит сдаче в утиль. Или то, что вышло из моды. Устаревает и то, чем по каким-либо причинам своевременно не воспользовались, а по прошествии времени оказывается функционально бессильным или экономически невыгодным. Морально устарел, говорим мы.

Это, так сказать, в сфере материальной. Ну, а в нашей, духовной сфере? Любовь, дружба, верность — ведь все эти понятия нематериальные, и «вещные» аналогии могут быть применимы к ним, понятиям вечным, только для пущей наглядности.

Спрашивается, почему мы теперь так остро, так болезненно реагируем на утрату верности? Не потому ли, что она фундамент любви и дружбы? А раз так — как же без фундамента, как же без верности? Я знаю, мне верна жена, и я спокоен: у меня прочные тылы. У меня надежные друзья, и я уверен: подо мной крепкая, устойчивая опора, позволяющая мне без страха и сомнений взглянуть вперед.

Устарела ли верность?.. Но так же, без всякой натяжки, можно спросить, например, и о здоровье. По этому поводу сейчас тоже ломается много копий: тревожны цифры медицинской статистики, наше преступное невнимание к нашему же телесному благополучию. Да, мы осознали сейчас: здоровье народа — сила государства. Имеется в виду здоровье телесное. А душевное? Разве оно менее важно? А ведь верность — это работа души и показатель ее здоровья, лакмусовая бумага нравственной зрелости человека.

И уж если на то пошло, подобный вопрос мог быть задан еще в «седые» библейские времена и даже намного раньше. В то самое время, когда человек, выделив из инстинктивного влечения сначала понятия «любовь» и «дружба», осознал антипод этих понятий, а стало быть, и чувств — предательство. Видимо, давший название дискуссии вопрос стоял всегда.

Перелистаем века... «Жизнь двенадцати цесарей» Светония погружает нас в вызывающий недоумение мир супружеской неверности римских императоров. А в дружбе?.. Пожалуйста. «И ты, Брут?» — предсмертный вскрик пронзенного кинжалом Юлия Цезаря, заметившего в толпе своих убийц бывшего друга, еще в первом веке до новой эры сделал бы злободневным дискуссию на эту тему.

Новеллы эпохи Возрождения, рыцарские романы, исторические хроники свидетельствуют о том, что были времена, когда адюльтер — супружеская неверность — считался модным и вполне нравственным явлением с точки зрения официальной морали. Романы XVIII—XIX веков буквально наводнены всевозможными альфонсами и сутенерами. И хотя отношения к таким литературным героям и тогда было явно отрицательным, они существовали и процветали, никак не тяготясь этим. Чего стоит один мопассановский «милый друг», неотразимый Жорж Дюруа?

Но это все издержки морали эксплуататорских классов, воскликнем мы. И будем правы: русский крестьянин и особенно крестьянка, к примеру, в подавляющем большинстве своем считали великим грехом измену в любви. Примерно так же было и в рабочей среде. Разумеется, не без исключений. И, разумеется, с учетом того, что верность зачастую насыщалась моралью принудительно, по принципу: стерпится — слюбится.

Но отбросим исключения, отставим принуждения. Наша мораль предоставляет нам свободу выбора. Так что же мы, потомки тех самых крестьян и рабочих, теперь не считаем измену за грех великий? Тогда почему вызывает в нас здоровое сочувствие и сожаление вопрос из письма Надежды Птицыной: «Может, и впрямь верность и преданность в любви, дружбе стали антикварными понятиями?.. Вопрос, мы чувствуем, выстраданный, волнующий, мешающий девушке жить спокойно. Конечно, можно было бы надергать из жизни и литературы сотни примеров обратного и попытаться этим успокоить ее и себя, но простое фехтование примерами — занятие бесконечное и неблагодарное...

Посмотрим лучше, как на этот счет высказывались авторитеты.

«Дружба — самое необходимое для жизни» (Аристотель).

«Любовь — это желание жить» (М. Горький).

«Только влюбленный имеет право на звание человека» (А. Блок).

«Верность — заповедь дружбы, самое драгоценное, что вообще может быть дано человеку», — могли бы мы этими словами Э. Тельмана завершить многовековую дискуссию великих людей на тему «Устарела ли верность?» и перейти к конкретным примерам. А так как в предыдущих публикациях «Смены» на тему дискуссии — в основном в обзорах читательских писем — акцент был сделан на верность, точнее, неверность в любви, мне хочется остановиться на этой проблеме в применении к дружбе, к товариществу.

...В свое время Игорь Бугров окончил деревенскую школу-десятилетку. Потом приехал Москву, поступил в институт. Незабываемые студенческие годы богаты на друзей-однокашников. С Андреем Колосовым они сошлись близко и, казалось, навечно. Нет, тут не было пылких клятв в вечной дружбе и верности. Зато были конкретные изъявления дружеской признательности и внимания с той и с другой стороны. Правда, Игорь долго не мог понять, за что же «заповедной» и общительный Андрей выделил из окружающих его, замкнутого, угловатого парня, почему принял такое участие в его дальнейшей судьбе. Как говорится, неизвестны пути дружбы. Во всяком случае, Андрей сумел повести себя так, что скоро стал незаменимым для Игоря. Андрей вникал во все нужды и заботы друга, мигом летел доставать дефицитные лекарства для матери Игоря, сам отсыпал их

тельной карьере, продвижение его шло уверенно и надежно. Андрей в этом смысле остался далеко позади, но тем не менее он ни на минуту не усомнился в правильности их отношений, по-прежнему был благожелателен и чуток к другу.

Как часто случается, что какие-то пустяковые на первый взгляд обстоятельства вторгаются в нашу жизнь, ломают и коряжат установившиеся отношения, подменяют искренность и однозначность в этих отношениях фальшью и многовариантностью их трактовки. Ведь верность ценна не сама по себе, а только в своем проявлении по отношению к кому-то или к чему-то. Легко себе сказать: «Я верен», «Я буду верен», но как нелегко сделать это в применении к конкретному человеку, считающемуся твоим другом. Потому что он имеет так же, как и ты, свои особенности, свои привычки и обязанности, свой характер. В какой-то момент ход его мыслей не совпадает с твоим, и вот уж ваш корабль верности накренился, сбился с курса, напоролся на риф непонимания и дал течь. Все. Конец дружбе. Часто никто из двух не хочет уступать. Течь усиливается. И холодное каменистое дно повседневности принимает затонувший корабль, покрывает его илом равнодушия и забвения.

Особенно легко может потонуть корабль дружбы, если жизненные курсы друзей понемногу разошлись, да если между ними еще вклинилась разлука, да если...

Андрей уехал в долгосрочную служебную команди-

Продолжаем
читательскую
дискуссию
«Устарела ли
верность?»

КОГДА ПЛАЧУТ ЭГОИ

в деревню, если Игорь иногда забывал об этом, помогал ему советами, часто выручал и деньгами. Игорь приходил в семью друга как в свою собственную и, справедливо ради, тоже оказывал здесь посильную помощь.

Андрею учеба давалась легко. Через экзаменационные сессии он перешагивал играющими, Игорь же преодолевал эти барьеры с напряжением, готовясь к штурму каждого экзамена основательно, проявляя завидную целеустремленность и эксплуатируя свою врожденную усидчивость. Он не курил, не грешил прочими вредными привычками и за свою правильность и деревенское происхождение получил прозвище «Иван без изъяна».

На заседании государственной комиссии Игорю предложили остаться в столичном НИИ. Он согласился, приняв это как должное. Его поздравляли. Больше всех радовался Андрей. Ему самому все прочили место на кафедре — за выдающиеся способности, за перспективу «красного» диплома. Как только Андрей вышел с распределения, все бросились поздравлять его с престижным местом. «С чего вы взяли? — улыбнулся он. — Я буду работать вместе с Игорем. Сам попросился. — И шутливо добавил: — Без меня ему будет трудно». В этой шутке для Игоря была доля истины.

На работе деятельный и способный Андрей ревностно следил за успехами друга, пробивал ему тему и толкал в аспирантуру, заботился о своем временном его повышении, устраивал внеочередную сдачу кандидатских экзаменов, то есть вел себя как истинный друг, сильный и бескорыстный. Надо сказать, что Игорь от такой помощи не отказывался, использовал ее правильно и очень скоро привел свою диссертацию к успешной защите. Потом он искренне благодарил Андрея за помощь и прочувствованно поклялся в вечности их дружбы.

А что же Андрей? Как часто случается у таких людей, в своих альтруистических устремлениях он забывал о себе, оставляя свои заботы на потом. В семье у него были прекрасные отношения, хотя жена и ворчала, когда он, забыв обо всем, летел помогать друзьям по первому их зову. И первым среди них был Игорь.

На работе у Игоря все складывалось хорошо и гладко, особенно после успешной защиты диссертации, и хотя сам он не стремился к какой-то блистатель-

ровке. Переписка между друзьями сначала была оживленной. Потом как-то забуксовала и вскоре совсем затихла. Игорь изредка звонил жене Андрея, узнавал, как у того дела. Побещал как-то помочь с ремонтом квартиры и... забыл. Стало неудобно. Потом обнадежил еще в какой-то просьбе. Скоро звонки стали для него мучением, и в этом он винил почему-то Андрея.

Игорь перешел в другую организацию заместителем директора. Новая высокая должность заставила его по-другому взглянуть на себя, пересмотреть отношения с бывшими друзьями. Самым близким из них по-прежнему оставался Андрей. Но где он сейчас? Далековато. К тому же, жена жаловалась, стал попивать. Что это? От безделья? Распущенность? Предощущение «потолка»? Какой «потолок»? Это при способностях Андрея? Впрочем, он всегда разbrasывался. А теперь, значит, сломалась все-таки мужик. Да-а, жизнь. «Но ведь, вернувшись, он и меня будет втягивать в застолья, опускать до своего уровня, — расчетливо размышлял Игорь. — А нужно мне это?» По всему выходило — не нужно. И вместо того, чтобы оттолкнуть друга от края пропасти, к которой тот приближался, он стал придумывать, как бы от него отделаться. Он сознательно гасил в себе те благородные воспоминания, которые возникали в памяти. У него были оправдательные моменты: постоянная занятость, деловые встречи и совещания, работа над докторской диссертацией. «С Андреем тут, пожалуй, ничего не выкнемешь, — думалось ему. — Отстал безнадежно. Что там ни говори, а при лучших способностях он оказался неудачником».

Вернувшись в Москву, Андрей продолжал звонить и приезжать к Игорю, стараясь не замечать его охлаж-

дения к нему. Но теперь он приходил не иначе как с бутылкой. Игорю хотелось вырвать стакан из рук друга, но опять что-то внутри останавливало его: раз уж начал, теперь не остановишь.

А потом случилось несчастье. Андрей попал на операционный стол: резекция желудка. Его сослуживцы позвонили Игорю. Тот охал и ахал, но узнал с облегчением, что к Андрею посетителей пока не пускают. А потом снова какие-то совещания, дела. В палату к другу он так и не наведался.

Совещания, занятость, дела да случаи. Не ими ли мы пытались оправдать нашу ежедневную измену друзьям? Не ими ли пытаются выгородить свою измену нам наши друзья? Да, в последнее время это удобна ширма, которая перекрывает в нужный момент дорогу дружбе. Но ведь если надо, эта ширма легко сдвигается, и вот он снова — контакт между друзьями. Контакт-то контакт, да только ослабленный, потому что разрушается он постепенно, разъедается окисью недопонимания и вполне понимаемой, но тщательно маскируемой фальшивью объяснений и недомолвок.

Андрей ушел из семьи. Он часто звонил Игорю, пытаясь бодрым тоном не показать, как ему тяжело. Иногда заезжал. Такие разговоры и встречи все больше и больше тяготили Игоря. И однажды он не открыл дверь...

«Друг познается в беде» — гласит народная мудрость. Дружба и ее основа — верность — во всей своей обнаженной красоте проявляются в трудные для человека моменты, на изломе его судьбы. Действительно, разве сложно поклясться в дружбе и верности в банкетном зале ресторана или на пляже? А в будничной реальности, когда жизнь начнет предъявлять свой строгий счет? Разве это одно и то же?

...Так, видно складывавшаяся вначале судьба вдруг сделала резкий поворот, и Игорь Бугров был сброшен с седла удачи. Он долго не мог прийти в себя: все свершилось так быстро. Высокая должность, с которой он уже свыкся, почет, уважение — все это теперь в прошлом. Теперь у него было время задуматься, вспомнить все и оценить.

С чего же все-таки это началось? Теперь-то ему было ясно: с предательства. С измены сначала другу, потом жене, потом в конечном счете себе, своим принципам и убеждениям. Как права была Вера, когда, глядя в умешливый прищур его глаз, предостерегала: не зарывайся.

Он поздно женился. У Веры была уже маленькая дочь. Несколько лет Игорь встречался со своей будущей женой тайно, скрывая от всех эти встречи, даже от Андрея. Он никак не мог смыкнуться с мыслью, что может жениться на женщине с ребенком.

СТЬ?

Любил ли он ее? Да. На это он мог ответить однозначно и уверенно. И даже больше. Она, как и Андрей, стала для него другом, без совета с которым он не мыслил ни одного дела. Он чувствовал, что надо узаконить их отношения, но все никак не решался. Стоило ему вспомнить свое село, допустить, что он приедет туда и все будут кивать на него, как настроение его сразу же омрачалось, и тайные отношения, сначала казавшиеся романтическими, продолжались, угнетая теперь обоих своей неопределенностью.

И вот однажды, не в силах бороться с этой безысходностью, он посоветовался с Андреем, который знал Веру. «Ну ты затмил! — удивился тот. — Конспиратор. Столько лет! Да беги к ней сейчас же!». «Так у нее же беби! — неуверенно возразил Игорь. «Подумаешь! Делов-то. Ты меня удивляешь. Предрассудки! Потом сам же смеяться будешь!». Этот эмоциональный совет Андрея был дальним и свое-временным. А ответ он по-другому или прояви неувренность?..

Ни разу Игорь не пожалел, что связал свою судьбу с Верой. И все же теперь он один. В том, что они разошлись, считает Игорь, опять виноват Андрей. Хотя, если честно, конечно, не Андрей, а он сам. И тысячу раз права была Вера, когда с осуждением говорила: «Андрей — твой друг. С ним что-то происходит. Неужели ты не замечаешь? Помоги ему. Ты же, наоборот, отстраняешься от него. Ты, по сути, медленно, но вполне сознательно предаешь его!». Игоря такие упреки жены повергли в состояние крайней несдержанности. Жена видела, как меняется его характер: он стал груб, допускал вольности на работе,

которые граничили со злоупотреблениями, вел в своей комнате с какими-то подозрительными людьми беседы, на которые жену старался не допускать. Вера понимала, что он может быть втянут в какую-нибудь историю. Однажды она сказала: «Игорь, все эти люди, не знаю, кто они тебе, не стоят и мизинца Андрея. Неужели ты не понимаешь? Я прошу тебя, остановись. Не зарывайся...» Он, сознавая, что творит непоправимое, грубо прервал ее: «Хватит, твоими нотациями я вот так ссыг, — перечеркнул он ребром ладони горло. — Что ты все время пытаешься быть моей совестью! Я не могу больше жить под опекой. На-до-е-ло!» Она побледнела, покачнулась, словно от удара, но, справившись, сказала, спокойно выговаривая слова: «Возомнив себя великим, ты медленно убил сначала дружбу. Я знала, что очередь за любовью. Эта очередь пришла. Но, пожалуй, я не могла молчать — ты знаешь меня. Но ты же умный человек! В тебе сейчас кричат амбиции... Что ж, поживи один. Будет совсем плохо, приходи, звони. Я буду ждать...» Она зарыдала и метнулась в другую комнату.

Нет, тогда Игорь не задумался над ее словами. Гнев захлестнул его. Уязвленное мужское самолюбие! Кто он и кто в конце концов она!.. Он ушел из дома. И как бы в отместку Вере стал жить с молодой современной, «фирменной», как теперь говорят, женщиной. О, она не читала ему сентенций. Она в угоду своим стремлениям и желаниям по-своему мудро направляла его в... бездну. И он, до конца не понимая, как это случилось, скатился в нее.

Игорь был уличен в крупных взятках. Был суд... Теперь он далек от близких ему людей, которых, выражаясь словами Веры, он предал. Теперь у него появилось время все вспомнить, проанализировать, разложить по полочкам. Да, но как сейчас не хватает ему Веры, как бы нужен был сейчас Андрей. «Никогда счастье не ставило человека на такую высоту, чтобы он не нуждался в другом» — так, кажется, сказал Сенека. Счастье!.. Те годы, когда они были вместе, действительно казались счастливыми. Шутки Андрея были иногда неуместными, но с какой радостью выслушал бы сейчас Игорь любую глупость со стороны Андрея. А Вера? Ее замечания были болны и остры, как укол иглы. Но они кололи в нужный нерв и исцеляли его.

...Игоря провели в комнату свиданий. Он шел, не понимая, кто может спрашивать его. Вошел и остался: все тот же улыбающийся Андрей, все та же милая, родная Вера.

— Здорово, старик.
— Здравствуй, Игорь...

Всего ожидал он, только не этого. После того, что случилось, они остались ему верны! Бугров растерянно улыбался, не замечая слез на своих осунувшихся щеках...

Да, мы живем в сложное время, бешеный ритм которого часто вынуждает нас пропускать какие-то ориентиры, ставит в такие ситуации, которые и оценить-то однозначно бывает невозможно, что приводит нередко к смещению, особенно у молодежи, нравственных акцентов, создает поведенческие трудности. Не случайно, очевидно, озабоченные письма об утрате верности в любви и дружбе идут в редакцию в основном от молодых людей. Еще не умудренные ни житейским опытом, ни общественной практикой, некоторые наши юные граждане в нетерпении срывают только-только завязавшийся плод и, вкушая его, надеются насладиться всеми прелестями плода зреющего. Реакция здесь предсказуема: разочарование неизбежно, оскомина неприятна и продолжительна. Что ж, остается только пожалеть: если с детства не воспитана культура здоровой души, если душа не приучена работать, значит, дорога к душевному опыту и душевному комфорту лежит через метод проб и ошибок. И молодым, потрясенным «вероломством» любви и дружбы, остается только следовать мудрой народной формуле: «Терпение и труд все перетрут».

А вообще в своем чистом, что называется, «рафинированном» виде верность выступает в любви и привязанности «братьев наших меньших», серда которых не способны на измену. Что им наши, человеческие драгоценности и проблемы, что им наша перенасыщенность информацией и стрессами, если они любят? Едва ли найдется среди нас равнодушный к изломанной, трагичной судьбе нашего «меньшого брата» — Белого Бима Чёрное ухо. Когда мы читаем или следим на экране за его судьбой, далеко не условные слезы захлестывают нас. История Бима трогает нас не сентиментальностью мелодрамы, и плачем мы не от умиления. Мы плачем вполне искренними, очищающими слезами, наблюдая, как первородное чувство верности накрепко соединило неразрывной связью два сердца — человеческое и собачье, плачем оттого, что сами постоянно испытываем дефицит этого чувства: в себе по отношению к кому-то, в ком-то по отношению к нам. Значит, нужно оно нам, это чувство, не можем мы без него жить спокойно (существовать, прозябать можем).

Значит, не устарела верность. И никогда не устареет, пока жив Человек.

На вопросы
отвечает
юрист Министерства
финансов РСФСР
Александр
КИСЕЛЕВ

Как мастер производственного обучения ПТУ и направляюсь вместе с учащимися на практику. Будут ли мне как-то компенсированы дополнительные расходы, связанные с этой поездкой?

И. Ильин, Казань

Мастерам производственного обучения ПТУ, направляемым в другую местность для руководства производственной практикой учащихся, взамен суточных выплачивается надбавка к заработной плате в размере 40 процентов должностного оклада для компенсации связанных с такой поездкой дополнительных расходов. Надбавка выплачивается со дня выезда и по день возвращения, включая время нахождения в пути. Кроме того, если руководителю практики не предоставлено бесплатное жилое помещение, он имеет право потребовать возмещения расходов по его найму в размере 50 копеек за сутки проживания.

По состоянию здоровья я работаю неполный рабочий день. Повлияет ли это на продолжительность моего отпуска?

Л. Петрова, Харьков

Трудовое законодательство предусматривает возможность работать неполное рабочее время. В зависимости от конкретных обстоятельств это может быть либо неполная рабочая неделя, либо неполный рабочий день. Указанный режим работы не влияет на продолжительность ежегодного основного отпуска (обратите внимание: именно основного), поскольку чаще всего подобные вопросы связаны с правом на дополнительные отпуска. Такие отпуска могут предоставляться: например, за работу во вредных условиях, но только если работник занят на этих работах не менее половины рабочего дня, за работу на Крайнем Севере, за выслугу лет, за активную работу в народной дружине и т. д. А вот те, кто трудится неполный рабочий день, дополнительный отпуск за работу на условиях ненормированного рабочего времени, как правило, не получают, поскольку привлечение таких работников к работе во внеурочное время практически не производится. Тем же, кто трудится неполную рабочую неделю, но полный рабочий день, администрация с учетом конкретных обстоятельств может предоставить дополнительный отпуск по этим основаниям.

В прошлом году я не использовал отпуска, администрация согласна предоставить мне сразу два. Как будут рассчитаны отпускные?

Л. Яковлев, Ленинград

Законодательство предусматривает возможность переносения отпуска в исключительных случаях на следующий год. Расчет отпускных при этом не производится раздельно за каждый рабочий год, как ошибочно полагают некоторые; суммированный отпуск оплачивается из расчета заработка за 12 месяцев, предшествовавших месяцу ухода в отпуск. Такой же порядок применяется и тогда, когда работник использует только один отпуск за прошлый год.

ПЛАНЕТА НЕО

Планета Земля... Вероятно, ни в одну из прошлых эпох с таким пристальным вниманием не взглядывалася на нее человек. И тому немало причин. Впервые в своей истории планета Земля оказалась перед угрозой уничтожения посредством ума и рук самого разумного из существ, ее населяющих,—человека. Впервые достиг непостижимой, самоубийственной остроты экологический конфликт — между цивилизацией, наращивающей машинные бицепсы, и живой природой. Мы все в ответе за то, что происходит на Земле. И давайте задумаемся, что каждый из нас может сделать, чтобы сохранить это неповторимое чудо мироздания. Многое может быть различным во взглядах людей на ситуацию и проблемы нашего общего дома — планеты Земля. Но есть нечто весьма важное общее: это НАША Земля...

ОАЗИСЫ В ПУСТЫНЕ

НОВОЕ ОТКРЫТИЕ ЗЕМЛИ

Известно, что площадь всей земной поверхности составляет 510 миллионов квадратных километров. Наблюдатель, при идеальных погодных условиях оказавшийся на высочайшей горной вершине, теоретически мог бы разглядеть площадь размерами 350 000 квадратных километров — одну пятнадцатысячную часть земной поверхности.

Однако с тех пор, как фотографирование Земли производится со спутников, каждые 18 дней мы получаем полный портрет нашей планеты, составленный из девяти тысяч отдельных цветных снимков. Эти снимки позволяют экспертам, не выходя из-за письменного стола, обнаруживать залегания полезных ископаемых, определять состояние почвы на

каждом гектаре земли и своевременно замечать угрозу водам или атмосфере.

На спутниках, облетающих Землю на высоте 915 километров, нет никаких фотоаппаратов, их заменяют специальные сканирующие устройства. Эти устройства производят спектральный анализ земной поверхности полосами 185-километровой ширины и по интенсивности отражаемых планетой солнечных лучей выделяют красный, желтый, зеленый цвета — появляются цветные снимки. Но так как человеческий глаз не различает инфракрасных лучей, они трансформируются затем в видимый для глаза спектр. И возникают снимки с «фальшивыми» красками: окрашенные в красный цвет лесные массивы, черные водоемы, голубовато-серые поля...

Предлагаем вашему вниманию снимки, сделанные со спутников.

ИЗ КОСМОСА ИЗМЕРЕНА ГЛУБИНА МОРЯ

Наземные электронные приборы не могут просмотреть морские глубины, потому что вода поглощает свет и выглядит черной.

Этот снимок побережья Объединенных Арабских Эмиратов, омыемых Персидским заливом, был обработан с помощью компьютера. Черные сигналы воды были усилены и различно окрашены в зависимости от глубины, с которой они поступили. Красный цвет означает глубину менее 0,6 м, оранжевый: 0,6—0,9 м, желтый: 0,9—1,5 м, зеленый: 1,5—3,0 м, голубой: 3,0—4,5 м, синий: 4,5—6,0 м, серый: 6,0—10,5 м, черный: больше 10,5 м.

Такого рода снимки могут представлять большой интерес в том отношении, что помогут отыскивать поблизости от берега нефть и определять, где наиболее рационально ставить буровые.

Северная часть полуострова Руус-эль-Джебаль принадлежит Оману. Когда-то эта неплодородная местность относилась к самым заброшенным уголкам мира. Но после того, как здесь обнаружили нефть, мыс приобрел важное значение.

Район пустынный, почти лишенный растительности. Но когда льют дожди, кое-где земля оживает. Спутник отметил даже эти редкие поля красными пятнами.

ЛЕНТА ЖИЗНИ ПЕРЕСЕКАЕТ БЕСКРАЙНИЕ ПЕСКИ

Через восточную часть Сахары, извиваясь, течет Нил, окаймленный полями и пальмовыми рощами. На правом берегу в среднем течении Нила стоит Луксор, один из самых значительных городов Древнего Египта, расположенный напротив Долины Фараонов. 15—20 тысяч лет назад, когда климат здесь был более влажный, Нил имел множество притоков. Сегодня на снимке можно разглядеть их пересохшие русла.

ЖИДНОСТЬ

Франс ЛАНТИНГ. Из журнала «ГЕО», ФРГ. Фото автора

Очень немногим людям довелось повидать альбатросов. Поразительная эта птица избрала местом жительства малые острова между экватором и Антарктидой, иногда, впрочем, перемещаясь севернее. И всегда потрясая воображение тем, как она летит.

Размах крыльев альбатроса — три с половиной метра. Попробовали подсчитать: сколько километров пролетает эта необычная птица за жизнь? Получили фантастический результат: более двух миллионов! Ни одно живое существо не способно на нечто подобное...

Как-то июльским утром я увидел, как поднимается в воздух странное это существо. Это была драма. Юный альбатрос пытался взлететь и не мог. Он отчаянно взмахивал несурзано огромными своими крыльями — и встречный ветер мешал его попытке

взлететь. Птица рухнула в океан, где уже поджидали акулы...

Особенность альбатросов — большую часть жизни они проводят в воздухе. Они планируют, не взмахивая крыльями. Если исключить время, когда альбатросы пикируют за рыбой, они царственны парят в воздухе — неповторимо красивое зрелище.

Мне довелось увидеть конфликт между птицей и человеком. Это было на атолле Мидэй, где расположена американская военная база. Альбатросы, взлетая, угрожали самолетам. И люди с отчаянной жестокостью боролись с ними. Было ли это необходимо? Вероятно, нет. Можно было легко отпугнуть это необыкновенное, уникальное существо от взлетной полосы. Конечно, проще было его уничтожить. Так и поступали...

Сколько альбатросов существует на свете? Ученые прикинули: примерно три миллиона. А сколько живут они? И здесь есть ответ: некоторые виды около тридцати лет, другие — до восемидесяти.

И еще кое-что об альбатросах... О них впервые сообщили моряки XVII века. Их поразило то обстоятельство,

что альбатросы летают нарядко в тысячах километров от суши. Об удивительной птице слагали легенды. Утверждали, что в них живут души погибших на море...

Ну а если вернуться на реальную почву... Конечно же, никакой мистики не существует. Есть просто необыкновенное, редчайшее явление природы. Невозможно, например, объяснить, почему альбатросы избрали для себя зону между 30-й и 60-й параллелями. Что привлекло их сюда? И почему отказалась скучная эта птица от других уголков земного шара?

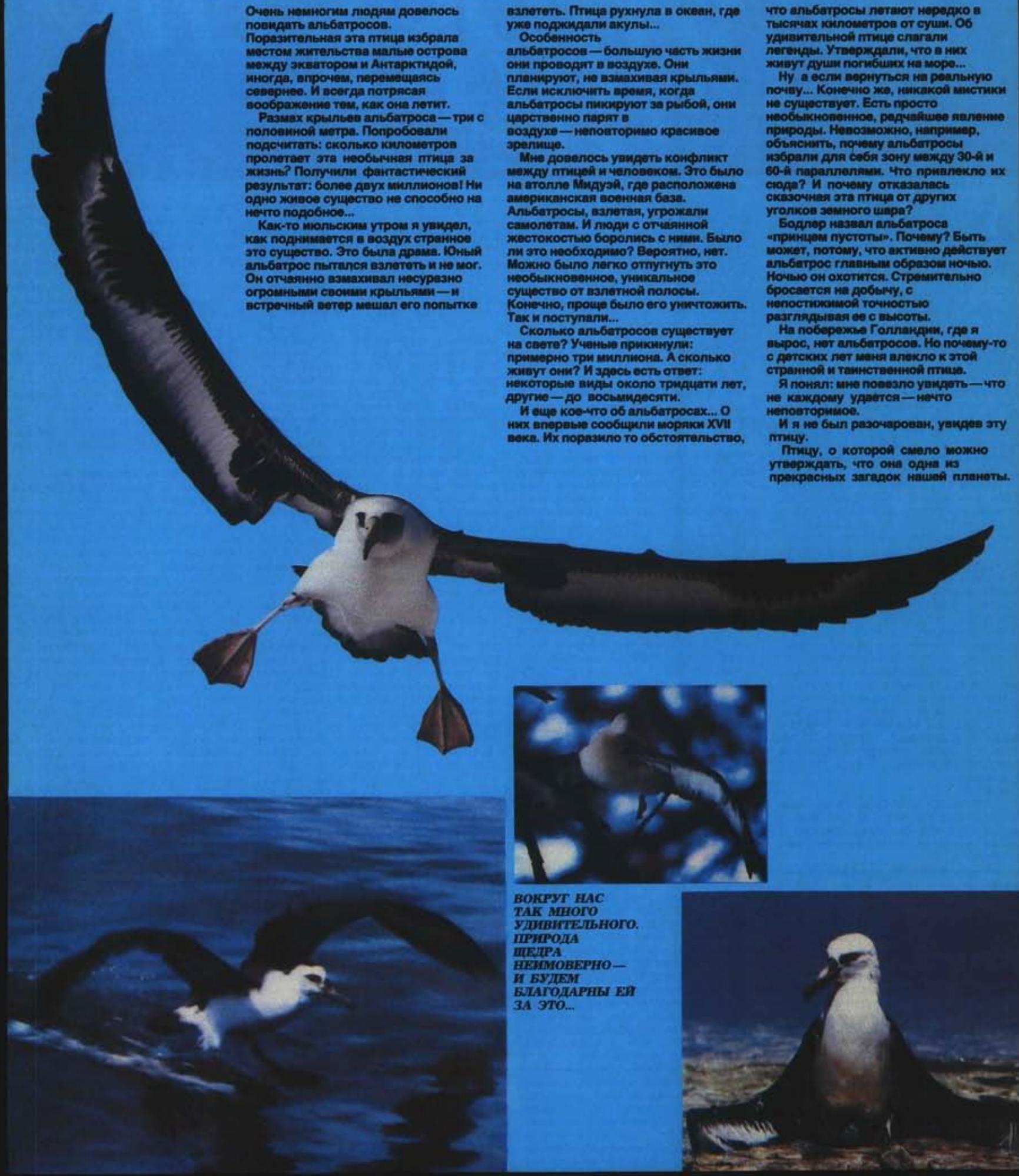
Бодлер назвал альбатроса «принцем пустоты». Почему? Быть может, потому, что активно действует альбатрос главным образом ночью. Ночью он охотится. Стремительно бросается на добычу, с непостижимой точностью разглядывая ее с высоты.

На побережье Голландии, где я вырос, нет альбатросов. Но почему-то с детских лет меня влекло к этой странной и таинственной птице.

Я понял: мне повезло увидеть — что не каждому удается — нечто неповторимое.

И я не был разочарован, увидев эту птицу.

Птицу, о которой смело можно утверждать, что она одна из прекрасных загадок нашей планеты.

ВОКРУГ НАС
ТАК МНОГО
УДИВИТЕЛЬНОГО.
ПРИРОДА
ЩЕДРА
НЕИМОВЕРНО —
И БУДЕМ
БЛАГОДАРНЫ ЕЙ
ЗА ЭТО...

живой сторож

О письмах
Юрия
КАЗАКОВА

В феврале 1984 года я приехал в Москву, поселился в гостинице и по обыкновению тотчас же стал звонить друзьям и знакомым. В записной книжке моей было много телефонных номеров, но, с кем бы я ни разговаривал, никого не тревожил вопрос: «А Казаков Юра в Москве или в Абрамцеве? Давно его не видел?»

Нигде уже не было моего друга Юрия Павловича.

После смерти писателя как-то сиротливо перечитываешь его произведения. Чуть ли не под каждой строкой большого мастера щеще осадок его бытия, которое кончилось навсегда. Летом с чувством утраты, с сознанием, что эти листочки уже не новости, а своего рода реликвии, перебирал я его письма: на конвертах казаковской рукой начертаны мои адреса и моя фамилия. Да неужели я уже никогда не получу от него ни строки?! Никогда. Время нашей единственной человеческой связи прошло.

Письма Ю. П. Казакова забирают меня назад, в молодость, и мне там чегото безумно жаль. От налетающих тучных воспоминаний я не могу читать все подряд — тяжело! Больше всего, наверное, жаль мне самого времени. Нет чудес, но вдруг захочется снова пронуться в селении под Анапой неизвестным учителем, побеспокоиться втихомолку о трех рассказиках, отосланных мною на суд любимого писателя; снова бы караулить почтальоншу с толстой сумкой (в ней кипа писем, а мне опять нет?), гадать, сомневаться, наконец позабыть обо всем и... однажды... увидеть на столе... конверт с обратным адресом: «Ю. Казаков, Таруса, до востребования».

Что там?!

«...Не сердитесь за такой запоздалый ответ, дело в том, что я сейчас обретаюсь в Тарусе, в Москве бываю раз в месяц, и мне не могли вручить ваши рассказы.

Рассказы я прочел, и они мне понравились...

Рассказы ваши я попробую протолкнуть в «Молодую гвардию», хотя поручиться за успех дела трудновато. Рассказы не из легких для журналов — вы понимаете.

Но если с печатанием и не выйдет ничего, тужить вам особенно не надо, главное, что пишете вы хорошо, а печататься будете — немного раньше, немного позже, но будете (если, конечно, будете писать так же хорошо и много).

Вообще же предсказывать вам что-нибудь я не берусь, да и трудно это всегда и как-то совестно: что я, пророк? Одно положение верно во всех случаях: если автор талантлив и трудолюбив, значит, будет писателем. Трудолюбие в писательстве вещь не менее важная, чем талант.

Мой вам совет, и этот совет вы пострайтесь запомнить и исполнить. Когда вас на первых порах не будут печатать,

да и не только на первых, а и потом (если будете писать острые вещи), то никогда не злитесь, не давайте взяты над собой верх раздражению, злобе, зависти. Никогда напряженно не ждите результатов из той или иной редакции. Постарайтесь даже забывать, что вы сдали рассказ и ждете ответа. И если вы выработаете в себе эти качества, очень много здоровья, нервов себе сбережете. А эти самые нервы вам еще пригодятся.

Вот и все. Будьте здоровы, желаю вам больших успехов.

Как только в журнале определится отношение к вашим рассказам, я вам напишу. Таруса, 8 февраля 63».

Я перечитывал первое письмо Казакова бесконечно. Радовался, мечтал и пугался. Писания мои не обругали, даже одобрили, а я еще ничего не умею! Меня вроде бы уже приравняли к строю литераторов, а я еще не знаю, как рассчитаться на «раз, два, три». Но, желая быть призванным на вечную службу, я в ответе из всех сил старался не отстать от Казакова в певучести и складности фраз. Помню ощущение глубокой неловкости, в которой я цепенел всякий минуту, когда воображал, что мой листок писатель держит перед собой где-то в Тарусе. Закон благотворной внутренней правды, слияния таинственного толчка чувства и упавшего на бумагу слова я открыл уже потом. Кончики нервов чутко предупреждают нас о вскочившей в строку фальши, о желании казаться, а не быть, угощении «пустощим речам» и проч. На первых порах понятия не имевшие об искрах свободы и забывчивости в творчестве; в голове одно: я пишу, я долженставить слова как-то не так... Но и позже, уже поднаторев, поймав прелест простого, «ангельского языка», то и дело сбиваешься... на литературу. С такими, наверное, вывертами и писал я тогда ответы Казакову.

Как бы то ни было, Юрий Павлович выбирал из моих писем нечто жизненное, моей судьбы касающееся, и тотчас откликался. Удивительное сочувствие мастера спустилось ко мне ни за что ни про что — как манна небесная. Он меня мимоходом, как бы в примечаниях, заранее оберегал от всякой кривизны.

«...Вообще же я бы вам порекомендовал сейчас попробовать свои силы на крепких радостных рассказах. Я думаю, что радость такая же сторона жизни, как и несчастье ее, может быть, меньше, но она есть и можно очень честно писать об этом. Она, то есть радость, очень сейчас подмочена во мнении думающего читателя, и как-то даже мы стесняемся иной раз писать оптимистические вещи, но оптимизм иной раз у нас спекулятивен, фанфарен, а я говорю о другом оптимизме, вытекающем из естественной необходимости счастья и бодрости во всем живом... 13 апр. 63, Таруса...»

Теперь мне хотелось встретиться с ним. В отпуск я поехал в Москву. В редакции журнала «Молодая гвардия» меня разочаровали: Казаков появился на денек и опять уехал в Тарусу. Я осмелился потревожить его там.

Все воспоминания о том, как Куприн с половины пути в Ясную Поляну повернулся назад, как Чехов, готовясь к встрече с Толстым, долго выбирал галстук, не выдуманы. Начинающие писатели тоже боятся мастеров, но великих, но известных. Я целый вечер кружил у бревенчатого дома, в котором Казаков снимал комнату. И с каким-то спасительным чувством отложил свой визит до утра. Вот он написал мне о счастье. Разумеется, я с юности беспокоился о том, чтобы моя судьба сложилась посчастливее; я каждый месяц этого счастья ждал, я в счастье верил, а, начитавшись биографий великих художников Возрождения, согласился, что счастье творческого человека в страдании за искусство. В молодости, пока мы никому не нужны и ничем еще себя не проявили, множество чванливых особей постоянно как бы вопрошают: а ты кто такой?! И нам часто кажется, что мы в этом мире самые последние; никому нет дела до нашего таинственного чудесного шума в душе. Благие наши порывы вдруг перемальваются в жуткое самоуничижение, которое все застит: паренек или девушка перестают замечать многообразие жизни. Пораженыываемы и томительной печалью собственного природного несовершенства, а скорее всего незнанием своих дремлющих сил. Где-то наверху золотая среда, «невянущие дубравы» искусства, туда нас влечет, но есть ли смысл идти? Там ли тебе место? Добрые люди могут тебя приблизить, а потом что? Нечто похожее переживал тогда я, плутая по тарусским горушкам в поисках дома, в котором, может, и сочинил свой прекрасный рассказ «Адам и Ева» Ю. Казаков. Меня сковывают какие-то цепи. Я вроде недостоин даже того, чтобы постучаться в калитку К. Г. Паустовского и спросить у него о Казакове. Это здесь, наверное, составлен сборник «Тарусские страницы»? Там и «Кирилловны» М. Цветаевой, и стихи Н. Заблоцкого, и очерк Паустовского «Иван Бунин», и... мой Ю. Казаков с теми рассказами. Постоянно у забора в позе странника, я, честное слово, ушел виноватым. Куда я рвусь?! Но именно в ту пору, в такие часы и минуты, когда все они, известные и простые, были для меня «мужами искусствами», когда я за одно то, чтобы послушать мастеров, готов был отдать все отпускное время — именно тогда и мне посыпалось счастье. Наверное, потому мне и жаль сейчас того убежавшего времени. В страдании и растешь.

Рядом с Тарусой (вниз по Оке) стояла усадьба художника В. Д. Поленова. Поплынь, уже, значит, и в жилых покоях Поленова я побродил, а у Казакова не был даже за оградой. Катер доставил меня в Тарусу. Наконец-то Казаков принял

ехал из леса на мотоцикле. Почему он не похож? По рассказам в нем должно быть что-то есенинское. Но он добродушно-грубоватый, рослый, тяжелый, как штангист. Он был молод, еще не женат, в той первой славе, которая никогда уже так не звонит. Все, кажется, украшалось приличием этой славы: и лысина, и даже заикание. Меня же и кудри не спасали. Казаков щедро выручал меня: много говорил, все как-то между прочим вставляя в историю имена известных писателей. Он месяц наезд путешествовал по Северу с Е. Евтушенко, тогда гремевшим, и Г. Семёновым. Я сказал Юрию Павловичу, как искал его, подходил к дому К. Г. Паустовского; испугала бумажка на заборе: «Константин Георгиевич болен и никого не принимает».

— Это жена защищает его. От поклонников. Старик в Москве. Мы были у него недавно с Евтушенко.

Опять как-то между прочим сказал: были, сидели, Паустовский их провожал. К 100-летию А. П. Чехова Паустовский поместил в «Литературной газете» коротенькие «Заметки на папиросной коробке» — я их выучил назубок! Я из-за Паустовского скорился с другом детства. «Может, это и хорошо,— сказал мне нынче в Коктебеле писатель-москвич, с институтской скамьи видевший и слышавший «всех великих» и тогда уже судивший их весьма строго.— Детская святость перед искусством умчалась от меня рано. Я ко всему привык. Таруса, юх! Я жил в Тарусе еще летом 56-го(!) года. Паустовский, закутанный в одеяло, ворчал что-то и ничего не проронил такого, что бы запомнилось. А ты прошел через преувеличения, идеализм. Наверное, это хорошо». Что было, то было.

В тот день я много интересного услышал от Казакова. История создания рассказа «Адам и Ева» была мне наука. Как все, оказывается, интимно! Можно ждать приезда женщины и от тоски написать шедевр «Осень в дубовых лесах»; сходить на охоту с друзьями — и другой шедевр: что-то о себе и о нас. Осенью 1962 года по пути из Одессы на пароходе «Петр Великий» прочитал я в «Огоньке» рассказ «Плачу и рыдаю», вышел на боковую палубу, где знаменитый артист Назаров что-то объяснял жене своим рокочущим голосом, постоял, глядя на горизонт, отсекающий незнакомые мне географические пропорции близ Турции, на тяжелую синюю воду внизу, и пробормотал слова героя рассказа: «Плачу и рыдаю егда есть жизнь...» Какой он, этот Казаков? Чудеса: сижу с ним в Тарусе, он несет из кладовки тарелку огурцов собственного засола и предлагает мне: «Угощайтесь...» Еще не понимаю, что здесь начинается наша дружба. Через несколько дней мы опять встретимся в Доме литераторов в Москве. «Знакомьтесь,— представлял он меня братцам-писателям,— скоро прочтите его рассказы...»

Дома я ждал от него известий.

«... Дела у нас с вами пока грустные. Молодогвардейцы так и не решились взять ваши рассказы. Я забрал их оттуда (пока первые три) и тут же отдал в «Новый мир». Там, во всяком случае, будет скорый ответ. Даже если и отказ, то скорый...»

Как вы поживаете? Есть ли что-нибудь новенького? Я бы не хотел, чтобы разные оттяжки и задержки с первыми рассказами охладили в вас желание работать. О первых рассказах забудьте и пишите каждый новый, будто предыдущих не было... Сент. 63, Москва...

Если бы Казаков не отнес рассказы в «Новый мир», часто думал я и думаю теперь, иначе бы сложилась моя судьба, и, возможно, я вообще не стал бы писателем. Мне очень повезло! Вот что я повторяю все двадцать лет.

Пока же я выпускал под Анапой школьную стенгазету.

«... Как ваши рассказы? Выйдут они не скоро, если даже и примут, да это не беда, лишь бы взяли. Много ли написали нового? Я когда начинал, много писал и быстро. Мог за день настроить рассказ с авторский лист. А теперь вот как-то тут идет. Сюжетов мало. Да и те даже как-то и не сюжеты вовсе. У нас, русских, вообще с сюжетами ника. Нет у нас сюжетов, а больше так — «жизнь», это у лучших, у плохих же ничего нет... 18 ноября, Москва...»

Именно в эти дни мой рассказ «Брянские» был уже набран в 11-м номере «Нового мира», и меня редакция просила в телеграмме «не прыгать до потолка» — мало ли что бывает: стоит вещь и вдруг выпадет.

Я между тем писал новое и всеми замыслами делился с Казаковым.

«... Меня немножко насторожила ваша «Чалдонка». Я не люблю сибиряков-писателей. А вы сибиряк. Глядите, как бы вас не подмаят материал. Он в Сибири всегда экзотичен и всегда портит писателей, они начинают писать смачно, цветисто, щеголевато, но это плохая смачность и щеголеватость, и очень они как-то похожи на друга, очень местны, сибирски. А вы должны быть русским писателем. А Русь — у нас, в Европе (я о литературе говорю). Вспомните Шишкова и прочих, вы поймете, что я имею в виду. Нет у них, вернее, в их материале, чего-то такого обыкновенного, что есть у нас, они экзотичнее, а экзотика в литературе хоть и хороша, но она не главное. Так что я насторожился, когда узнал о «Чалдонке», да еще большая вещь! Впрочем, возможно, вы совсем другое хотите писать, и я тут стреляю мимо...»

На первых порах вы все-таки посыпайте мне свои вещи. Потом уж, когда оперитесь совсем, тогда никому не показывайте, а сначала — всегда полезно. Я, например, страсть как любил почечивать своими творениями, а потом уж постыл... 28 дек. 63. Москва».

«... То, что вам теперь надо быть осторожней, как вы пишете, это ничего, и даже к лучшему. Быть осторожней, как я понимаю, это не курить и не пить... поверите — это прекрасно, не курить и не пить. Писателю нужна чистая голова и хорошее здоровье... 8 мая 64. Москва».

Осенью 1964 года еще два моих рассказа появились в журнале «Новый мир».

«Витя, погодите вы, ради господ, откаться от своих старых рассказов. М. б., ничего лучшего не напишете. Это не в укор вашему будущему. А просто я думаю, что человек должен любить себя прошлого, потому что кто его знает, что там будет впереди. Я суеверен. Каждый ваш рассказ написан «из всех сил», в охотку, с удовольствием, если не с наслаждением, все они — история вашей жизни, вы потом это поймете, в них бродят разные ваши настроения, ваши позадки, ваша печаль и радость. Зачем

же так морщиться на них. Тем более что рассказы ваши вовсе недостойны, чтобы на них морчились, скорее наоборот. Или это у вас уже кокетство?

Нехорошо, Витя! Все мы как-то изломаны, издерганы, нервны, все мы хотим чего-то этакого, и все нам и то не то, и это не то.

Не читайте вы, пожалуйста, этих глупых критиков, берущихся рассуждать о современном стиле, о традициях и т. п. Вы знаете, я часто вспоминаю слова Достоевского из его «Дневника». Он там однажды как-то подумал о критике и вдруг понял, что критика (к тому времени, когда он писал это) вот уже сорок лет повторяла одно и то же, что, мол, у нас литературы нет, что нет светочей («маяков» — по-теперешнему), нет злых хальных произведений и т. д. и т. п. И тут же Достоевский вспомнил, что во все это время, когда критики служили отходную нашей литературе, был Пушкин, потом Лермонтов, Гоголь, Гончаров, Тургенев, начались блестящие Толстой, — не говоря уже о второстепенных, но все-таки блестящих поэтах, таких, как Фет, Баратынский, и не говоря, конечно, о самом Достоевском.

То, что вам грустно, и, может быть, порой безысходно, это дело другое, это может происходить черт знает отчего. Может быть, болезнь века, что ли, я не знаю. Но истоком этой грусти никак не должны служить ваши рассказы. И судьба у вас легкая (я имею в виду писательство) — если бы знали, сколько... писателей пишут по многу лет и о них никто не скажет доброго слова...

Очень бы хотел я с вами встретиться, да не судьба, видно. Я не приеду в Москву раньше 15 января. Мой переводной роман меня засосал... 12 дек. 64. Алма-Ата...»

Было ему в том году, когда он сидел в горах над переводом романа А. Нурпесова, тридцать семь лет. Он всюду ездил, и я, прикованный к учительской кафедре, ему страшно завидовал.

В молодой литературе в те годы звучала «исповедальная проза». Подвергаясь искушению, как бы стыдясь перед шумными именами взяться за нечто мне родное, с детской зыбкостью привитое, я тоже кинулся описывать неприкаянного героя, растворяясь целиком в его чувствах. Самые жестокие замечания я выслушал в том же «Новом мире», но и Ю. Казаков не стал скрывать своих строгих мыслей.

«... А твой герой не только не определился еще как человек (это-то и есть суть повести), но неясен мне и как работник. Кто он? Учитель? Или поэт? Или кто? Мне ясно только, что он что-то окончил, никуда не попал, у матери побывал и там не выжил, опять приехал и проч. Чтобы презирать кого-то, т. е. чтобы иметь право презирать, надо самому что-то делать... 20 фев. 66, Москва...»

Я обидчиво призадумался и принялася вещь разрывать, выбрасывать чужеродные куски и крепче брать за руку героя. Следы прежнего легкомыслия стереть полностью не удалось, но все же. Спасибо за правду, а то бы полетел совсем не туда. Через год я написал сразу две повести: «На долгую память» и «Люблю тебя светло». Но я по-прежнему нуждался в дружеской поддержке, в общении с высокой московской средой. Не было случая, чтобы я позабыл в столице о Казакове. Частенько в первый же день приезда я шел в Дом литераторов и заставлял его там. Такси! — и к нему в Бескудниково. Уже я его не боялся, и он в разговоре (как и в письмах) обходился со мной, как с младшим братишкой. Но дистанцию соблюдал я сам. Похоже, что я каждую минуту помнил о его первом письме и потому смотрел на него не снизу вверх, а просто благодарно. С этой благодарностью к добрым наставникам мы обязаны жить до конца. Иные примеры мне не нравятся.

Казаков побывал в Париже, повидался с друзьями И. А. Бунина и на даче в Абрамцеве рассказывал мне обо всех разговорах; в ту ночь мы наметили с ним поездки, ваша печаль и радость. Зачем

«махнуть как-нибудь» на Орловщину, туда, где «в первобытно чистом состоянии души» начиналась «жизнь Арсеньева». И все у нас потом не получалось с поездкой.

«Жалко, опять мы с тобой не попали на Орловщину, жалко. Но такова судьба! 2 июля 68, Углич...»

Должен повиниться в скобках: мы не попали на Орловщину и в следующие десять лет.

«... знаешь, я о Бунине хочу написать, то есть пока о его доме, о вилле Бельведер, умиляет меня старик, как он работал в день, когда не дали ему Нобелевской премии, сидел и работал, а?.. 4 дек. 68, Абрамцево...»

О Бунине он не написал, а кому бы и писать, как не ему, — он был им так проковжен, любил о нем рассуждать, восхищался писателем, который никогда ничего не имел, кроме книг, и был, по собственному признанию, «как птица всю жизнь».

«Писателю нужен дом или что-нибудь в этом роде. И очаг, знаешь, такой вообще очаг, чтобы порядок был и чтобы весь дом был подчинен работе этого писателя. Тогда хорошо...»

«...Ш. ведь, знаешь, не пьет, т. е. может держать у себя насторожки и всякие такие штуки месячами. И вот в феврале лезет он в подвал и достает яблоки! Своя! И еще капустку... и все это холодное, а в доме у него тепло, уютно, а кругом снега! Елки стоят. Снегири за окном прыгают.

Ну, и вот теперь я тоже домовладелец — какая же это обуза на мою шею!.. 18 сент. 68, Абрамцево».

Он, кажется, мстил судьбе за то, что в детстве у него не было на Арбате даже двора, и потому он так вцепился в огороженный абрамцевский лес, в усадьбу свою, жил там месяцами и приглашал всех к себе: «У меня даже в баньке, старишок, можно писать «Войну и мир».

«... У каждого есть дома, детство, юность. И вот поэтому, мне кажется, повесть твоя, касаясь, может быть, самых сокровенных дней в жизни человека, любя эти дни и тоскуя о них, — должна быть близка каждому читателю...» — писал он 20 февраля 1969 года о своей повести «На долгую память».

Некоторые знаменитые писатели письма свои сочиняют. Обращаясь к друзьям, посторонним лицам, они всяко минуту помнят, что когда-нибудь, после них, письма собирает комиссия по наследству и предложит для публикации. Оттого эти письма лишены непосредственности, отдалены и полны нарочитых высказываний. Высказывания Ю. Казакова — это все тот же дружеский разговор, это нечаянное мнение, не рассчитанное на то, чтобы его знали все. Нет там претензий на величавость и мессианство; там откровенность художника, и все.

«... Когда я гулял по Малеевке, мне все время попадалась на глаза вывеска со словами Тургенева: «Нет ничего сильнее и бессильнее слова». Так вот, я глядел на нее и думал о втором качестве слова, о его бессилии. Слово сильно, когда ты крикнешь: бей! А если ты слабым голосом скажешь: любите друг друга?! Сколько мы этих слов говорили! И что же? Говорить снова — скажешь ты и скажу я. Правильно, милый, и мы, а не мы, так еще кто-то будет говорить, пока останутся на земле хоть двое... 12 янв. 70 г. Абрамцево...»

«... Я как-то пришел к окончательному выводу, что в сей юдоли если и есть счастье, так это работа. Я имею в виду талантливую работу, то есть ощущение, что то, что ты сделал, — хорошо. Пусть тебя даже не печатают, пусть не замечают, но когда ты кончашь и ставишь точку, на душе легко и мир прекрасен... 3 окт. 70, Абрамцево...»

Александр ТРОФИМОВ

2-й ГПЗ

Спасибо родному заводу —
Из строк моих выкачал воду.
Я стал и добрее, и резче,
А мысли короче и метче.
Спасибо родному заводу,
Его трудовому народу,
Веселому, разноплеменному,
Властителю думы законному...

Не из железа человек.
Не спорю.
Но если у страны
Большое горе
И с неба рушится железо,
А не снег,
Обязан стать
Железным человеком.

Снова трогают сердце живые,
Позабытые вроде года.
За окопицей ивы кривые,
В толстых лужах густая вода,
Наподобие паралелограмма
Весь заштопанный досками дом,
Молодая красивая мама
Пробегает под теплым дождем...

Осень

Пускала осень в пруд флотилии,
Октябрь — отважный адмирал.
Деревья золотом платили,
Чтоб только ветер тише стал.
Но он не становился тише...
Возвращенные воробы
За теплые места под крышей
Вели упорные бои.

Красит губы рябина,
Хочет скрыть, сколько лет.
Мне знакома картина:
Краска есть —
Счастья нет.

Горем сердца не мучай,
Верь в хорошую судьбу.
В жизни выдастся случай
Сердцем
В сердце взглянуть.

На газоне клен печальный
Горбит спину под снегом.
И к «Динамо» от Песчаной
Тихо мы с тобой идем.

И следит, следит за нами
Одиночный постовой.
Твой трамвайчик от «Динамо»
Добежит до Беговой.

Звезд на небе перекличка.
Белых улиц тишина.
На ветру погасла спичка,
А последняя она.

К облакам взлетают речи,
Слово ходит налегке.
Растворится эта встреча,
Словно сахар в кипятке.

Люди, делайте людям добро,
Доброты не хватает на свете.
Чтоб смеялись деревья и дети.
Люди, делайте людям добро,
Люди, делайте людям добро,
Не меняйте вы душу на вещи,
Чтобы стал человек
Человечней,
Люди, делайте людям добро.

Екатерина БЕЛОВА.

Фото Владимира ПЧЕЛКИНА

СИМФ

ЭСТОНСКАЯ
БАЛЕРИНА
КАЙЕ КЫРБ—
КЛЕОПАТРА
ПОРЖАЛА
РЕДКОЙ
ПЛАСТИЧНОСТЬЮ,
ЧЕТКОСТЬЮ РИСУНКА...

Наверное, долго еще не улягутся волнения и споры, сопровождавшие каждое выступление участников V Международного конкурса артистов балета. Золотые медали были присуждены Нине Ананиашвили, Марине Леонькиной, Александру Ветрову, Вадиму Писареву, аргентинцу Хулио Бокка.

Интереснейшее состязание, открывшее новые имена молодых мастеров, выявило не только завоевания, но и упущения мирового балетного театра как в освоении классического наследия, так и в развитии современной хореографии.

ПРОБЛЕМЫ ПОСЛЕ ПРАЗДНИКА

Проблема сохранения классического наследия в балете стоит чрезвычайно остро. К сожалению, нередки факты небрежного отношения к хореографическому «первоисточнику», когда в классическую лексику старинного па-де-де или вариации танцовщики самовольно вносят совершенно чужеродные движения и прыжки, безжалостно разрушающие гармонию целого. Порой спортивность балетных спектаклей приводит к тому, что нарочитая демонстрация техники заслоняет художественную целостность произведения. «Страсть к рекордам» завладевает и балетными танцовщиками.

Вот и на Пятом конкурсе многие участники больше заботились о высоте

прыжка и скорости пируэтов, нежели о музыкальности и изяществе исполнения мелких па. Иногда из-за демонстрации сверхсложных элементов мы с трудом понимали, фрагмент из какого балета танцуют.

Конечно, исполнительский уровень участников растет, но гораздо меньше появляются самобытных личностей. А ведь, скажем, на I Международном конкурсе артистов балета выступали не только яркие индивидуальности, но и демонстрировался высокий уровень современной хореографии. Тогда, в 1969 году мы познакомились с новыми для нас хореографическими фрагментами М. Бехара, Р. Пети, Д. Робинса, Т. Шиллинга, со специально сочиненными для участников конкурса миниатюрами выдающихся советских балетмейстеров К. Голейзовского и Л. Якобсона, увидели интересные работы молодых балетмейстеров. Ныне же современные

ПРАЗДНИК
БАЛЕТА
В МОСКВЕ—
НОВЫЕ ИМЕНА,
НОВАЯ
ХОРЕОГРАФИЯ
И ВЕЧНАЯ
МОЛОДОСТЬ
ТАНЦА...

ОНИЯ ТАНЦА

номера удивляли блекостью и удручающим однообразием. К тому же по фрагментам из балетов, поставленных несколько лет назад, трудно судить о положении дел современной хореографии. И возникало порой ощущение, что ничего интересного и принципиально нового в хореографии за последние годы не появилось, хотя это, конечно, не так. Как важно было бы, чтобы конкурсные номера ставили и наши талантливые балетмейстеры, смело экспериментирующие в развитии хореографической лексики,—Д. Брянцев, Л. Лебедев, Б. Эйфман, тем более что у каждого из них уже есть готовые программы из оригинальных миниатюр.

Главный балетмейстер Московского музыкального академического театра имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, заслуженный деятель искусств РСФСР Дмитрий Брянцев считает:

— Сочинить хореографическую миниатюру — это все равно что написать стихотворение. Поставить такую миниатюру подчас гораздо труднее, чем целый балет. Кстати, балетных спектаклей у нас довольно много, а вот интересных хореографических номеров — считанные единицы! В этом смысле конкурс снова подтвердил: нет плохих исполнителей, есть плохие балетмейстеры. Если с миниатюрами у нас и дальше будет так напряженно, это неминуемо скажется на больших формах современной хореографии. Хватит в очередной раз перекраивать «Спящую красавицу», выдавая ее за современное произведение! Надо создавать принципиально новые вещи. Современный балетмейстер не тот, кто умел перекомпоновывает старое, а тот, кто создает свой хореографический язык, соответствующий его индивидуальности, созвучный времени, в котором мы живем, и тем проблемам, которые нас волнуют. Школа классического танца открывает широчайшие возможности для поисков, надо только смелее использовать ее неисчерпаемые богатства.

ОТКРЫТИЯ

Московский Международный конкурс всегда открывает новые имена, которые становятся известными не только у себя на родине, но и во всем мире. Людмила Семеняка из Ленинграда, Надежда Павлова из Перми, Нина Семизорова из Киева стали ведущими солистками Большого театра после I, II и III Международных конкурсов. Танцовщик ансамбля «Московский классический балет» Ирек Мухамедов, удостоенный на IV Международном конкурсе Гран При, а теперь — солист Большого театра, за прошедшие четыре года выступил почти во всех главных партиях классических и современных балетов.

Расширяется и география конкурса. Впервые в нем принимали участие молодые представители хореографического искусства Китая, Турции, Колумбии. Значительно помолодел не только состав участников, но и зрительного зала, на «галерке» которого было много молодежи, бурно переживающей за своих любимиц.

С интересом мы ждали выступлений китайских танцовщиков, так как не имели сведений о состоянии современного балета в Китае, но знали, что основы классического балета в 50-х годах там заложили советские педагоги. Отточенная техника в выполнении сложнейших хореографических пассажей, изысканность поз, строгость танцевального ри-

сунка, чувство стиля, мягкость и упрогость прыжков в па-де-де из «Спящей красавицы», исполненные Тао Минь и Чжан Вэйцян, пленили публику.

— У нас две балетные труппы — в Шанхае и Пекине, — рассказывал Чжу Лижень, преподаватель истории балета и эстетики танца Пекинского хореографического института, — планируем создать еще две. В нашем репертуаре классические балеты «Лебединое озеро», «Жизель», «Корсар» в редакциях старейшины советской хореографии П. Гусева, а также «Красавица рыбка», балет, который он поставил для нас. Идут спектакли, созданные отечественными балетмейстерами. Их основу составляют китайские народные предания. У истоков китайского балета стояли советские мастера танца. Сегодня интерес к классическому балету в Китае необычайно высок. Попасть на балетный спектакль удается далеко не всем желающим. Мы издаем специальный журнал «Танец» («Удао»), а недавно провели всекитайский конкурс артистов балета.

— Московский конкурс, — добавил руководитель делегации КНР, балетмейстер Цзя Цзухэй, — очень ответственный для наших артистов. Мы встретились с понимающим, взыскательным зрителем, увидели прекрасные спектакли Большого театра. Такие конкурсы дают возможность лучше узнать друг друга, познакомиться с образами современной хореографии, получить представление о современной технике классического танца. Это отличная школа для всех — музыкантов, танцовщиков, хореографов, педагогов. Московский конкурс способствует укреплению мира на планете, взаимопониманию народов.

Было и еще много открытий, одно из них — знакомство с удивительной балетной парой, состоящей из представителей двух стран: США и Франции. Это Мария Тереса дель Реал и Пабло Савой, солисты Питтобургского балета. Они показали стаинное па-де-де из «Сильфиды» и на какое-то время заставили нас забыть, что мы присутствуем на конкурсе, погрузив нас в атмосферу романтической легенды. Они появились на сцене, и в нашем воображении возникла лесная поляна, окруженная густыми деревьями, мы услышали журчание ручья, щебет птиц, почувствовали дурманящие запахи цветов, полностью поверили в реальность существования легокрылой, легкомысленно игривой Сильфиды, очаровавшей юного Джеймса.

С нетерпением ождалось выступление 19-летней француженки Мириель Маффр, получившей в прошлом году на Международном балетном конкурсе в Париже Гран При. На вопрос о том, почему после получения Гран При она решила приехать на Московский конкурс, Мириель ответила: «Дело в том, что для конкурса в Париже достаточно подготовить только три вариации, тогда как для участия в Московском конкурсе — шесть. Я старалась посмотреть как можно больше выступлений. Понимаю, что могу приобрести здесь бесценный опыт».

КТО В КОНКУРСЕ НЕ УЧАСТВОВАЛ

«Партнер в конкурсе не участвует» — эту фразу нередко приходилось слышать при объявлении очередной пары. Особенно трудно пришло солисту

Большого театра Николаю Федорову, который был партнером сразу двух японских балерин. Еще на III Международном конкурсе он успешно выступил в дуэте с юной японской танцовщицей Кумико Мазда, удостоенной тогда бронзовой медали. С тех пор Николай Федоров стал очень популярен у японских любителей балета, его неоднократно приглашали в Японию танцевать в спектаклях, концертах, участвовать в конкурсах.

— Во время одной из моих поездок в Японию, осенью прошлого года, — рассказывает Николай, — ко мне за кулисами подошла хрупкая, маленькая японка, еще совсем девочка, и неожиданно спросила: «Вы будете моим Ромео?». Я решил, что она шутит, но ответил: «Конечно, буду». Вернувшись в Москву, естественно, забыл об этом разговоре. Но вот мне сообщают, что на предстоящем концерте в Японии, посвященном десятилетию советско-японской ассоциации любителей балета, я буду танцевать фрагмент из «Ромео и Джульетты» с 17-летней японской балериной Юкари Сайто, поскольку уже дал ей свое согласие. Сначала я очень удивился, но потом понял, что это та самая девочка. Мы танцевали с ней фрагмент из «Ромео и Джульетты» в постановке современного эстонского хореографа Май Мурдма на музыку С. Прокофьева. После этого Юкари Сайто и Рика Иси, также обратившаяся ко мне с просьбой быть ее партнером на Московском конкурсе, несколько раз приезжали в Москву, repetировали конкурсную программу, впервые соприкасаясь с такими шедеврами хореографии, как «Жизель», «Сильфида», «Шопениана», «Спящая красавица». К сожалению, в Японии балетная профессия очень популярна только среди девочек, мужчин-танцовщиков — единицы, потому вопрос о партнере для японских балерин всегда стоит очень остро.

Во время сольного выступления японских балерин Николай Федоров неизменно стоял в кулисе, каждый раз волнуясь то за Рику, то за Юкари.

— Юкари Сайто приехала в Москву со своей матерью, балетным педагогом Кимикой Кимура, которая была ассистентом у Алексея Варламова, одного из первых советских педагогов классического танца в Японии, — говорит Федоров. — Когда маленькая Юкари только начала заниматься балетом, Варламов подарил ей пунты, с которыми она теперь не расстается, возит, как талисман. В Японии к советскому балету относятся с величайшим благоговением, восторженно встречают гастроли советских балетных трупп, стараясь выучить именно ту редакцию спектакля, которая исполняется у нас. Пусть юные японские балерины пока не стали лауреатами, зато они увезли из Москвы великолепный «багаж»: каждая выучила и успешно танцевала три сложнейших классических па-де-де и современный номер — это целая концертная программа, с которой они смогут выступать в Японии.

ДВЕ ИСТОРИИ О ЛЮБВИ

Трогательную историю любви рассказали нам темпераментные кубинские танцовщики Дагмар Морадильо и Альберто Террero в номере «Куклы» известного балетмейстера А. Мендеса, поставленном на музыку композитора Р. Эгус. Перед нами оживали сказочные образы кукол, заставляя вспомнить и гофмановского «Щелкунчика», и

сказки Андерсена, которые читали мы в детстве.

...В круге яркого света неподвижно лежит распластанная, сломанная кукла. Но этот круг света оказывается живительным и спасительным оазисом для игрушечных существ, и кукла встает, расправляет свои смешно торчащие косички, забавно прихорашивается, с любопытством разгуливает по сцене и никак не может понять, почему застывший, симпатичный солдатик на нее не реагирует. Кукла с трудом перетаскивает солдатика в круг света, и он оживает, начинает двигаться, видит симпатичную куклу и сразу же влюбляется в нее. Во время их кукольного любовного адажио возникает световая дорога, ведущая в иной, не игрушечный, более счастливый мир. Они радостно устремляются по этой дороге, но, почти достигнув цели, кукла вдруг ломается, неподвижно падает. Солдатик бережно, на руках несет ее в живительный круг света, но тогда помается он сам. Упрямо пытаясь помочь и спасти друг друга, уже не в силах жить порознь, куклы кидаются в объятия друг к другу и застывают, обессиленные и беспомощные, оказавшиеся неразлучными в своей игрушечной гибели и не игрушечной любви. Природная пластичность и артизм кубинских танцовщиков щедро раскрылись в этом мудром, драматичном и бесконечно трогательном номере — одном из ярких примеров многозначности современной хореографии.

Еще одна история уже трагической любви возникла в дуэте с Антонием и монологе Клеопатры из балета И. Чернышева на музыку Э. Лазарева «Антоний и Клеопатра», исполненным талантливой эстонской балериной Кайе Кирб и ее партнером Виктором Федорченко. Она танцевала не просто фрагмент из спектакля, а явила целый спектакль в одном фрагменте, раскрыв за несколько минут пребывания на сцене сложнейший характер, сотворив легенду, обнаружив судьбу. Потрясли масштаб личности ее Клеопатры, неистовство страсти и... трагедия одиночества. Затянутое в черное трико с золотым поясом тело Кирб — Клеопатры поражало феноменальной гибкостью, редкой выразительностью и красотой. В ней мучительно боролись земная, любящая женщина и властная, жестокая царица, привыкшая приказывать и повелевать. Этот внутренний разлад казался неразрешимым. В дуэте с Антонием на первый план выходили безудержный темперамент молодой балерины, ее отчаянная дерзость, внешняя эффективность. В монологе появлялась внутренняя выстраданность каждого движения. Строгая, замкнутая, погруженная в себя, она превратила танец в горестную исповедь о мучительном и долгом ожидании любимого, наполнив монолог едва сдерживаемым женским плачем об Антонии. С каждым мгновением одиночество делалось все невыносимее, сгибало пополам, словно переламывало тело, безжизненно распластавая его на земле... И виделась огромная, раскаленная солнцем пустыня, и на ней — графически четкий силуэт золотисто-черной змеи — Клеопатры, пригвожденной к месту несостоявшегося свидания...

Конкурс балета стал подлинным праздником классического танца. Именно классический репертуар позволил молодым танцовщикам из разных стран продемонстрировать свой артизм, технику, профессионализм, опыт, талант. Советская школа классического балета еще раз доказала свое торжество, и не только присужденными призовыми местами молодым советским танцовщикам (одиннадцать из которых стали лауреатами!), но и выступлениями танцовщиков из Китая, Японии, Египта, Монголии — тех стран, где изучаются основы преподавания нашей классической школы. Это был праздник ожиданий и открытий, узнаваний и свершений, празднико виртуозности, красоты и вечной молодости танца.

МАЛЬЧИК И ГОРОД

Выставка работ молодого художника Антона Куманькова переместилась из залов Дома Всероссийского театрального общества в помещение журнала «Смена».

Куманьков с отличием окончил Институт имени В. И. Сурикова и работает в жанре портретной графики.

Мастерское владение графической техникой позволяет ему по-своему раскрывать законы художественного образа, законы освоения действительности. Он изображает мир, в центре которого наш современник. Ему одинаково хорошо удается передать возрастные особенности персонажей — и детскую неосредственность, и умудренную опытом старость. Он высвечивает доброту человека и его влюбленность в реальную жизнь.

Перед нами лишь малая часть фотопрородукций с выставки, но и они дают возможность посмотреть и поразмышлять о самобытном графическом языке художника.

НАТАША И ПИФ

Кажется, Наташа недовольна собой. Она пригорюнилась, не зная, куда девать руки. Рядом с ней верный друг — собака по кличке «Пиф», неизвестной породы ушастик на кривых лапах.

В этой сюжетной композиции угадывается драматургия момента: Наташе скучно, скучает и старый лес, а перед ними парк или сквер, где царствует веселье.

Она разрешила четвероногому другу прислониться к локти, лицо чистое, взгляд ясный, глаз бескорыстный. Нет, что и говорить, она умная, добрая, а значит, и красивая душой. Пусть посмотрит на себя в такой трактовке художника, и уныние уйдет от нее.

Иди, иди, Наташа, к людям. Они не отвернут тебя. Ты обаятельная девушка, несешь в себе доброту и светлый разум.

Художник решил свою задачу по большому счету — мудро.

Мальчик переживает душевное смятение. Это написано на его лице. Опрятная прическа, прямой разлет бровей, чуть повернута влево голова, глаза смотрят прямо, падони с тонкими пальцами мягко легли на подоконник — облик мальчика лиричен. И все же нельзя смотреть на юношу без сочувствия. Почему?

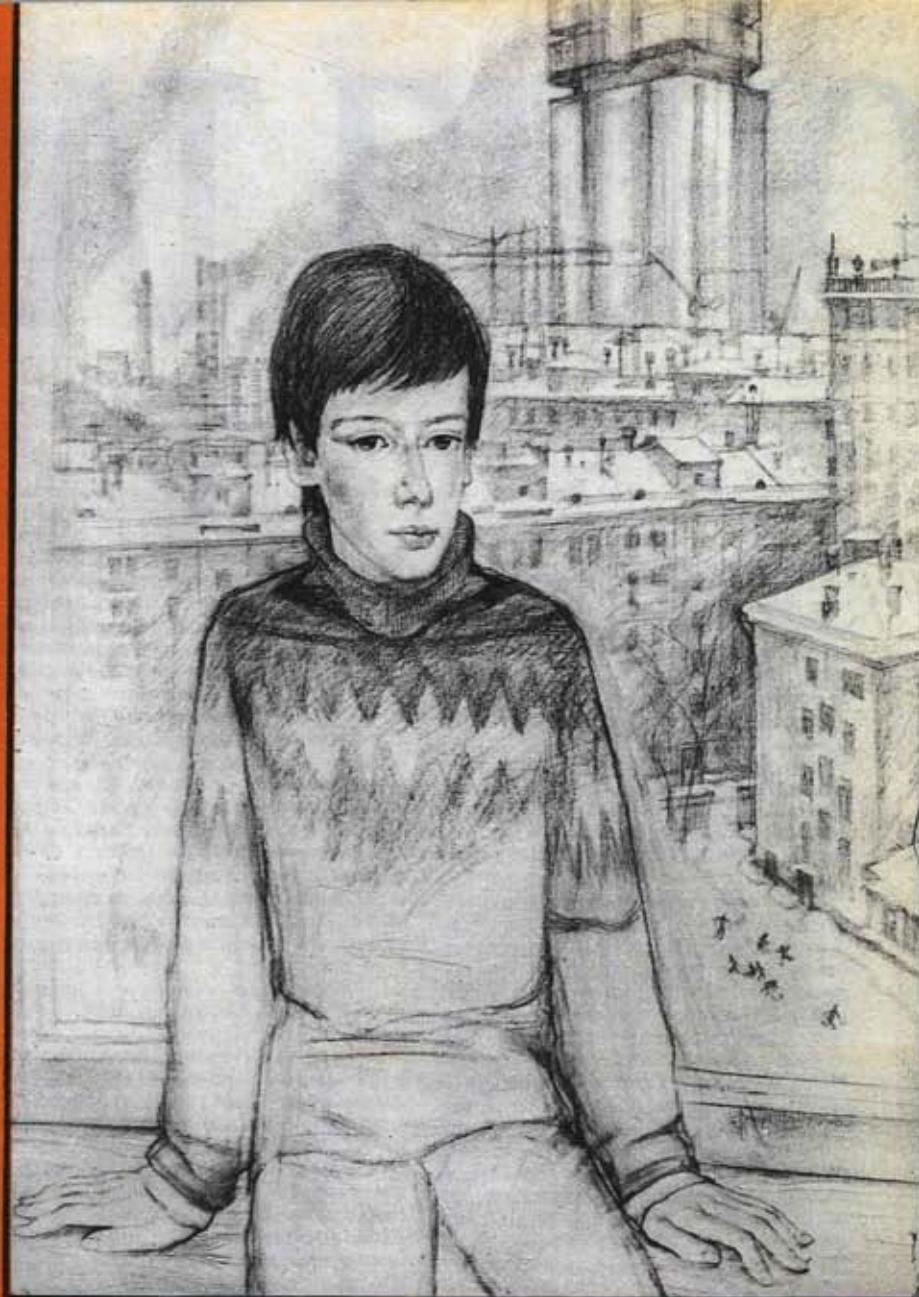
За спиной — город. Башни, краны, вдали заводские трубы. Там идет жизнь, а он отвернулся от нее. Случилось что-то непоправимое. Юноша потерял интерес к окружающему миру и не может найти ответ, почему это произошло.

— Что же?

— Отец школьного друга ушел из дома.

Вот он, болевой шрам на душе юного современника. У верных друзей радость и горе делятся пополам. Для них чужой беды не бывает.

Так выражает художник одну из жгучих тем нашего времени.

Творческая мастерская

...ШИР
НА

МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ

Так назвал художник мальчика, прямой взгляд которого излучает через стекла очков задумчивость и удивление. Принято говорить: «Глаза — зеркало души». Но в этом взгляде таится нечто более значительное. Не по годам пришла к нему серьезная озабоченность: губы скаты, слух улавливает какие-то, похоже, тревожные сигналы, потому ему не до улыбок.

«Принц» от латинского «первый», «главный» — титул наследника, на рисунке трактуется в ином смысле: мальчик осмысливает свое право быть верным наследником традиций умных, трудолюбивых и стойких борцов за светлые идеалы в жизни.

В трактовке характера и образа мальчика Антон Куманьков лаконичным языком, экономными и весьма точными штрихами, без малейшего отступления от реальности, без увлечения замысловатыми нагромождениями деталей, точно и убедительно поведал о мире чувств и дум растущего поколения.

Смотришь на этого «маленького принца», а думы о нем возникают большие, масштабные.

ОЛЯ И КОТЕНОК

Ослепляет трепетной наивностью и красотой портрет девочки с котенком. В этом портрете Антон Куманьков создал образ нежности и чистоты. В облике девочки бескорыстие и ожидание. Чего же? Вероятно, своего счастья.

Судя по всему, оно—счастье—уже приближается к ней. Котенок, которого она нежно держит возле сердца, уже видит что-то.

Художник поведал нам о девочке, ее чувствах так выразительно, что хочется пожелать этой девочке только счастья.

ГРАФИЧЕСКАЯ НОВЕЛЛА ХУДОЖНИКА

Портрет этого парня написан буйными штрихами. На лице печать усталости. Значит, минувший день у него был нелегким, потому он и после работы задумчив, готовит себя к завтрашнему не менее напряженному дню.

Хочется поговорить с ним. Умный, трудолюбивый парень, снять бы с его глаз усталую задумчивость. Он внутренне собран и целеустремлен. Буйные штрихи художника говорят об этом. Кто он—грузчик, слесарь?

— Пианист,—ответил художник.

Да, такой музыкант—явление нетипичное, и подумать тут есть о чем. Новеллы пишутся не только литераторами, но и художниками.

ДОБРОТА ДУШИ

Мгновения... Они, как вспышки молнии, озаряют порой мало заметные грани в характере людей. Вот портрет Юрия Соломина в роли царя Федора. Актёр предельно устал, но доброта в его душе не истощилась.

Есть у художника еще один портрет

этого актера с интересной деталью: собака породы чау-чау положила ему на колени свою голову доверительно и дружелюбно.

Актёр любит животных, а значит, и жизнь. Красивый и умный человек.

ИННОКЕНТИЙ СМОКТУНОВСКИЙ

Кто не знает этого великолепного чародея перевоплощения! Мы видели его на сцене МХАТа, на экранах кино и телевидения.

Но вот художник показывает нам его лицо, его необыкновенные, задумчивые глаза после спектакля. Артист еще не успел выйти из роли, весь его облик говорит о том, что он возвращается к осмысливанию реальной, несценической жизни. Но вновь его одолевают мечты, быть может, раздумья над новой ролью...

За встречу с таким Смоктуновским молодому художнику Антону Куманькову спасибо!

РЫШЕСТИ ПОДОЛГО

НАРОДНАЯ АРТИСТКА СССР ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА ГОГОЛЕВА

Издавна утверждалось: «Гоголева на сцене—в театре праздник». Много лет она радует зрителей своим дарованием, создавая образы сильных, волевых, энергичных женщин. Ныне у нее много забот по воспитанию театральной молодежи.

Вглядитесь в брошь на воротнике ее платья—чей профиль обозначил тут художник? И станет ясно, что Елена Николаевна—верный хранитель традиций незабвенной Ермоловой.

Воспитатель, методист, председатель Центральной военно-шахфской комиссии, частый гость на встречах с рабочими и воинами в ЦДРИ и ЦДСА, в клубах москвичей. И все же нашла время задержаться перед художником, как видно, не на час. Внимательный, излучающий доброту взгляд ее глаз покоряет.

Мне известно, что Антон Куманьков собирается побывать на Всесоюзной ударной комсомольской стройке—на КАТЭКе.

Верю, там он встретит много интересных людей, молодых строителей, и его ждут новые удачи, творческие радости.

МОЖЕТЕ НА МЕНЯ ПОДСИДИТЬСА

21

В отделе иллюстраций сидела одна Лика и, высунув от старания кончик тонкого языка, кивнула какой-то заголовок.

Вошел Феликс с пачкой фотографий и кинул их на стол.

— Можете полюбоваться на наших друзей. Фоторепортаж о дружеских встречах у Центрального телеграфа.

Я внимательно просмотрел все карточки, надеясь хоть где-нибудь на заднем плане увидеть человека, похожего на Марата. Но тщетно. Я сам не мог понять, зачем мне это нужно, ведь Сухов все равно запретил его разыскивать. Может быть, я просто хотел убедиться в его существовании, проверить, наконец, не наврал ли мне офицант. Но, пожалуй, надо признать, что я скорее всего貰айне ждала повстречаться с ним вот так, случайно, не нарушая данного Сухову слова. Сухов прав: я действительно не знал бы в этом случае, как поступить. Но я надеялся действовать по обстоятельствам. И вдруг на заднем плане одной из карточек мелькнуло что-то знакомое. Я пригляделась: некто высокий в клетчатой кепке стоит себе, разглядывает витрины. Мне стало стыдно.

— Какие у нас планы? — спросил меня Феликс. — Домой поедешь?

Я отрицательно покачал головой, и это движение, вероятно, породило одну идею.

— Слушай, Феликс, — сказал я, стараясь выглядеть озабоченно, — давно хочу посоветоваться с тобой по одному теоретическому вопросу. Как ты думаешь, можно приглашать в ресторан женщину, если она находится от тебя в служебной зависимости?

Громов посмотрел на меня подозрительно.

— В каком это смысле?

— Ну, если я ее начальник, а она, стало быть, моя подчиненная.

Феликс наступил, чувствуя подвох. Но я глядел на него безмятежными глазами.

— Это кому ты начальник? — наконец спросил он. — У тебя же никаких подчиненных нет.

— Ты не понял, Феликс! Это теоретический вопрос!

— Ах, теоретический! — восхлипнул он, включаясь в игру. — Тогда так: зависит от дальнейших намерений — одно дело, если... Тогда — ни-ни! А когда просто... Это пожалуйста!

— Значит, с целью, например, поговорить в спокойной обстановке о производственных проблемах...

— Бога ради! — подхватил Феликс.

— Ну, вот и отлично, — сказал я. — Мы сегодня с одной дамой ужинаем в ДЖ. А ты пригласишь Лику и составишь нам компанию.

Феликс выпаршил глаза, не зная, как реагировать.

— Странно, что никто не интересуется, удобно ли подчиненным женщинам принимать такие приглашения, — надув губу, сказала Лика. Но тут же добавила: — Хотя бы теоретически!

Я увидел, однако, что оба не слишком возражают.

Лика потребовала, чтобы ее непременно свозили на секунду домой переодеться; но когда через сорок минут она спустилась к нам с невинным видом, Феликс не удержался от явительного замечания: что-то насчет того, что его бабушка в Ликином возрасте вышла замуж за его дедушку, абсолютно не прибегая к помощи макияжа, и всю жизнь потом прекрасно себя чувствовала. На это Лика, презрительно вздернув напудренный носик, холодно ответила, что не собирается пока выходить замуж, но, когда собирается, обязательно пригласит Феликса в качестве консультанта.

Я проклял все и гнал как сумасшедший, но опоздал-таки на несколько минут. Светлана уже ждала нас на тротуаре у своего подъезда. На этот раз она была в строгом изящном темно-синем платье, с расчесанными на прямой пробор волосами.

— Вот это директор! — ахнул Феликс, вышел из машины и

Продолжение. Начало в №№ 17—19.

Мне не хотелось развивать эту тему, и я решил перевести разговор.

— Это и есть твое счастье? — спросил я про красавца. — На вид ничего. Тоже журналист?

— Нет, слава богу! — ответила она довольно бестактно. — Он все понемногу, но связан с искусством. Между прочим, он сейчас увязывает вопрос с моим устройством в один оркестр, — добавила она значительно.

Связано, увязано, повязано. Я взглянул исподтишка на красавца: он курил, пуская дым в потолок.

— Очень за тебя рад, — сказал я как можно суше, чтобы завершить разговор. — А теперь прости, меня ждут...

Но она вцепилась в мою руку мертвый хваткой и жарко зашептала, округлив глаза:

— Ты что? Я хочу вас познакомить! Обязательно надо... Неприлично! Что он подумает?..

Мне было в высочайшей степени наплевать, что подумает этот тип, но не мог же я вырываться из ее рук на глазах у всего зала!

Красавец оторвал себя от стула. По его лицу я видел, что он тоже совершенно не горит от восторга. Но Нина, стоя между нами, прямо лучилась умилением:

— Познакомьтесь. Игорь...

Красавец склонил голову в знак того, что воспринял информацию.

— А это Марат...

Было мгновенное озарение.

Без всякого последовательного раскручивания логической цепочки, одним махом, как Моцарт свою симфонию, как Мендельсон Периодическую систему, я увидел всю картину. Он, наверное, представлялся ей диким ревнителем, рассказывающим обо мне в мельчайших подробностях: как я работаю, где сейчас живу, чего от меня можно ждать. Я буквально увидел, как они смеются надо мной, все эти кожаные и седые, и едва смог удержать дрожь в руках. Мне показалось, что Марат внимательно наблюдает за моим лицом, и я выдавил на нем улыбку. Интересно, понял он, что я догадался? Пожалуй. Представляю, как он сейчас клянет свою пассию!

Мы еще раз обменялись вежливыми улыбками и, не найдя больше тем для разговора, откланялись.

Черт возьми, думал я, возвращаясь обратно, бывают же в жизни совпадения! Ну, лучше поздно, чем никогда. Теперь ты, милый друг, никуда от нас не денешься! Вот мы и встретились — случайно, как я хотел, но никаких действий от меня не требуется. В понедельник тобой, я надеюсь, займется Сухов, благо ты теперь всегда под рукой: Ниночка поможет.

— Что с тобой? — спросил Феликс, когда я сел за стол. — Ты же весь дрожишь! Нинка предложила тебе сойтись обратно?

Я помотал головой, не зная, как бы позже выложить им новость.

— У тебя очень красивая жена, — серьезно сказала Светлана.

— А главное — умная, — подхватил я. И стал рассказывать.

В общем, как сказал потом Феликс, вечер можно считать удачшимся: посидели, потрапались и дело сделали. Помоему, удалился он главным образом потому, что я сидел к Нине спиной, а Светлана сразу внесла очень разумное предложение — прекратить все разговоры, касающиеся Марата и компании, вообще этой истории. Поэтому надеюсь, что мы выглядели естественно.

Около половины одиннадцатого, когда уже принесли мороженое, Светлана сказала тихо:

— Кажется, они собираются уходить.

— Что поделаешь — философски отреагировал Феликс. — Прокурор сплит и ордер на арест нам выдать не может.

— Боюсь, этот Марат не такой дурак, вроде меня, чтобы ездить в ресторан на машине, — сказал я. — А то мы бы сейчас проверили и насчет номера с тремя семерками.

— Он тоже весь вечер пил минеральную, — сказала Светлана.

Что за женщина! А мне казалось, что она не кинула в ту сторону ни одного взгляда.

Я посмотрел на Феликса.

— Что-то душно тут, — сказал он, поднимаясь. — Пойдем, Лика, подышим свежим воздухом.

Нина ушла, со мной не попрощавшись. То ли решила сделать вид, что обиделась, то ли кавалер вкрутил ей шарики. А минут через пять вернулись наши.

— Осечка, — сказал Феликс. — У него новенькая, с иголочки «пятерка» с номером 43-57.

— Новенькая, с иголочки? — спросила Светлана. — Официант из бара говорил ведь, что не видел его больше месяца. Он мог за это время сменить машину.

— Да, у них это просто... — протянул я задумчиво.

Мы вышли на улицу. Перенасыщенный запахами липы и теплого асфальта воздух сопротивлялся нашим движениям, как вода. Я вспомнил протасовский совет: эх, прогуляться бы сейчас со Светланой бульваром! Вдвоем, просто так, болтая о всякой ерунде. Но шедшие впереди Лика с Феликсом уже остановились возле машины.

— Сейчас откроем все окна и поедем с ветерком, — деловито сказала Лика. — А то духота страшная.

Я вздохнул и полез за руль.

Сначала решили отвезти Лику — она жила у Сокола. С Суворовского бульвара я свернул налево у Никитских ворот, по улице Герцена доехал до площади Восстания, пересек ее и через Пресню двинулся в сторону Беговой.

— Игорек, поглядывай назад, — сказал Феликс. — Этот парень раза два выходил куда-то. Мог и вызвать своих приятелей.

— И прибавь газку,— жалобно попросила Лика.— Может, посвежее будет.

— Не могу,— ответил я ей.— В такое время чаще всего ловят за скорость.

Большое сердечное спасибо профилактической работе ГАИ. Быть может, именно она нас спасла. На мосту перед Беговой улицей, обогнув ночной поливальщик, окруженного тучей воды и пыли, снизу вверх летела черная «Волга». Разделительная полоса в этом месте собирается делать довольно крутой поворот вправо, и я, повинувшись ей, тронул руль в ту же сторону. В следующее мгновение все и произошло.

Да, произошло все в одно мгновение, хотя на его описание у меня уйдет, наверное, дозально много времени. Мне показалось, что машина подпрыгнула, будто наскочив на крупный камень или доску посередине дороги, а потом со страшным ударом ухнула левым боком в какую-то яму. Сердце мое ухнуло вместе с машиной, потому что шоферский инстинкт крикнул ему: «Опасность!» — гораздо раньше, чем мозг сумел понять, что случилось. Этот же инстинкт, вероятно, скомандовал моим пальцам, до того небрежно лежавшим на руле, вцепиться в него что было силы. И вовремя. Руль рванулся в сторону, как бешеный зверь, чуть не вывихнув мне плечо, его с нечеловеческой силой закрутило влево. Я отчаянно сопротивлялся, сам не понимая почему, стараясь хотя бы не дать барабане высокочить из рук и до отказа вдавливая тормоз. С диким визгом и скрежетом машину стало заносить задом, разворачивая правым боком вперед, одновременно выбрасывая на встречную полосу, прямо в лоб «Волге» с безумно горящими фарами.

Не могу понять, как это случилось, но через мгновение «Волга» оказалась уже не слева, а справа от нас. Там, наверное, сидел водитель высочайшего класса, с великолепной реакцией, он обошел меня, высокочив на мою сторону улицы. Наша машина влетела в водяную тучу, дико вибрируя, пропахала еще десятка два метров и остановилась.

Поразительно, но все мы несколько секунд сидели, не проронив ни звука, пока через заляпанное грязью и мокрой пылью ветровое стекло не заглянуло чье-то испуганное лицо. Потом выяснилось, что это был шофер-поливальщик.

— Приехали,— сказал Феликс.— А вот и торжественная встреча.

Действительно, со всех сторон к машине бежали люди. Мне было не до шуток. Ватными руками отстегнув ремень, я, как соннамбула, вылез наружу.

— Пьяные, что ли? — спросил кто-то.

— При чем тут пьяные, не видишь — колесо отлетело, — возразил другой.

— Живы? — спросили сразу несколько человек.

— Вроде... — ответил я, с трудом ворочая языком.

Машина стояла, косо уткнувшись в парапет. Левого переднего колеса не было, ступица стесана, как яблоко, которым прошлись по крупной терке. Через весь мост тянулась глубокая борозда в асфальте.

— Я видел, я видел! — говорил в толпе кто-то возбужденный.— Ка-ак завизжит, ка-ак пролетит надо мной чтой-то черное! Мамочки, думаю, конец света! А это, значит, колесо ихнее...

— Домкрат у тебя есть? — спросил шофер поливальной машины.

Я кивнул.

— Давай, пока народ есть, поднимем, а ты подставь его. Чего стоишь? — прикрикнул он на Феликса.— Иди вниз, под мост, туда баллон ваш ускакал. А ты не переживай, — снова повернулся он ко мне.— Всякое бывает. Живы все — и слава богу!

С помощью прохожих мы подняли машину и поставили на домкрат. Пришел Феликс с двумя добровольцами: они нашли колесо довольно быстро.

— Сними по одному болту с других колес и поставь сюда, — продолжал давать советы поливальщик.— В другой раз умнее будешь. Небось, менял на запаску, а закрутил плохо.

У меня не было сил ни возражать, ни соглашаться. С помощью Феликса я стал прилагивать колесо на место. И тут увидел это. Все четыре болта торчали из своих гнезд в ступице, лишенные головок.

Я осторожно выкрутил пальцами один из них. Сомнений быть не могло: его подлипли ножковкой на девять десятых диаметра, а дальше он уже обломался сам. То же самое было с остальными.

Толпа, убедившись, что все самое интересное позади, быстро рассасывалась. Уехал доброжелательный поливальщик. Но я тронулся в путь не раньше, чем проверил болты на всех остальных колесах.

— Вот, значит, зачем эта сволочь ходила звонить, — сказал Феликс, когда мы, наконец, поехали дальше.

— Но не могли же они пилить нам болты на глазах у всего Калининского проспекта? — испуганно спросила Лика.

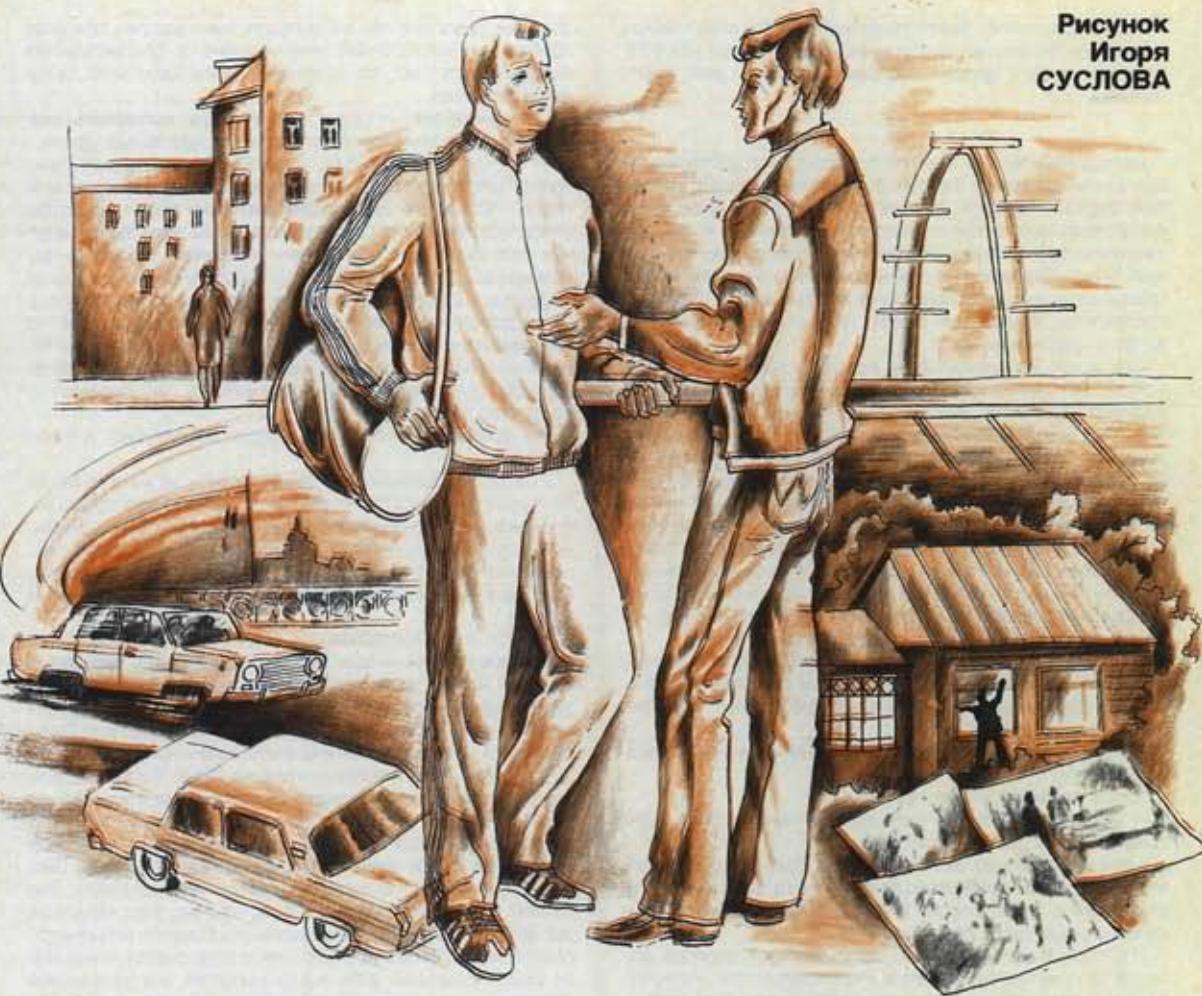
Ответил Феликс, опередив меня на секунду:

— У них эти болты были готовы заранее. А одни выкрутить, другие вкрутить — минутное дело.

Да, думал я, пожалуй, так и было. Утром болты стояли нормальные, иначе они той гонки не выдержали бы. Днем перед редакцией эти типы крутились возле моей машины не рискуя бы: там всегда полно водителей и прочего народа. Остается только вечер возле Дома журналистов.

Мы отвезли Лику и поехали к дому Светланы. Я вышел, чтобы ее проводить.

— Ты был великолепен, — сказала она, глядя на меня с

улыбкой, когда мы ждали лифта. Я взял ее за плечи, притянул к себе и поцеловал. Несколько секунд мы стояли обнявшись. Потом она с коротким смешком отстранилась.

— Бабушка уехала? — спросил я.

— Пока нет, — ответила она.— Но есть надежда.

По пути домой Феликс спросил:

— Ну, и что ты думаешь по этому поводу?

— Все идет по плану, — бодро ответил я.— Похоже, эти ребята решили взяться за меня всерьез.

Но на самом деле никакой бодрости я не испытывал.

22

На воскресенье у меня никаких дел, кроме встречи с Латынином-палой, не намечалось. Поэтому, проснувшись, я лежал на раскладушке, сладко потягиваясь, бездумно плясая в потолок и каждой хромосомой ощущая, что никуда не надо спешить, не надо вскакивать, бежать сломя голову, кого-то разыскивать, что-то выяснять, короче, не надо работать. Единственное, о чем стоило поразмыслить, не соснуть ли еще часок-другой.

И тут зазвонил телефон.

— Тебя, — сказал Феликс, передавая мне трубку.

— Здравствуйте, — прошелестело в ней.

Я сразу узнал Дину и спросил:

— Что случилось?

В этот ранний воскресный час мне очень не хотелось, чтобы что-то случилось.

— Ничего, — ответила она.— Ничего особенного... Просто я вспомнила... У Саши есть еще один приятель. Не школьный, а так, сын каких-то знакомых его отца.

— Вспомнила и тут же решила мне позвонить? — Я вложил в свой вопрос максимум сарказма, с облегчением откладывая на подушку.

— Нет, еще вчера, — ответила она потухшим голосом, что, вероятно, означало крайнюю степень смущения.— Но только у вас допоздна никто не отвечал.

Что было делать? Объяснить ей, что именно поэтому и не стоит звонить на следующее утро в такую рань? Я вздохнул.

— Давай рассказывай.

Приятеля звали Никита Долгополов. Его телефона у Дины тоже не имелось, зато она довольно толково смогла описать мне его дом на Большой Бронной, подъезд, вспомнила этаж и даже куда поворачивать, выйдя из лифта.

— А почему ты думаешь, что он может чем-то помочь? — спросил я.

— Не знаю, — ответила она растерянно.— Но вы меня в прошлый раз расспрашивали про его знакомых...

— Спасибо, Дина, — сказал я.— Звони еще, если что.

Поговорившись с Феликсом, я решил, что, хотя встреча с этим Никитой скорее всего не сулит ничего, надо подъехать просто для очистки совести. Тем более мне все равно в центр.

Но едва только долговязый очкастый парень открыл мне дверь, я понял: эта встреча, кажется, безрезультатной не будет. Потому что в прихожей на вешалке висел генеральный мундир.

Узнав, кто я и что мне нужно, Никита пригласил меня

пройти в его комнату. Она удивительно напоминала латынинскую — не хватало только репродукции Шишкина.

Конечно же, помочь он ничем не мог. Последний раз Саша был у него примерно месяц назад, а с тех пор они даже не перезванивались: Никита относил это на счет занятости перед выпускными экзаменами. Как говорится, не до музыки.

Да, познакомились они несколько лет назад на почве увлечения музыкой. Вернее, их познакомили родители. То есть, если точнее, Сашин отец и Никитин дед, потому что родители у Никиты работают за границей и он живет с дедом. А с Виктором Васильевичем дед знаком, наверное, тыщу лет: у них какие-то коллекционерские дела.

— Постой, постой, — сказал я, делая вид, что вспоминаю.— Мне тут недавно рассказывали, что ограбили квартиру какого-то генерала, еще пистолет при этом забрали. Это не он ли?

— Он! — воскликнул Никита, и я увидел, как загорелись его глаза за стеклами очков.— Представляете, я в школе был, дед в Комитете ветеранов, дома только одна Паша, домработница. А они позвонили в дверь, говорят: срочно откройте, протекает на нижнюю квартиру. Ну, Паша сдуру и открыла...

— А ты бы не открыл? — не удержался я.

— Открыл бы, наверное, — легко согласился Никита.— Так вот, вошли они, значит, с чулками на голове, двое или трое, Паша от страха не помнит, стали ее вязать. Она визжать, тогда один ее членом по голове огрыз.

По всему было заметно, что ему не впервые рассказывать эту историю. Но и сейчас он делал это со смаком.

— Дедушка антиквариат собирает? — спросил я.

— Собирал, — поправил меня Никита.— Сейчас он на пенсии, финансы не позволяют. Да и то он большую часть своей коллекции еще до войны собрал, когда на Дальнем Востоке служил. Она ведь у него особая — Китай, Япония. А потом уже здесь кое-что отыскивал, в комиссионке или у любителей. У него и библиотека по этим странам классная была.

— Неужели и библиотеку забрали? — спросил я.

— Да нет, — рассмеялся Никита.— Библиотеку дедуля сам отдал в музей. Он и коллекцию туда же завещал, но только после смерти. Сейчас, говорит, не могу: очень голо в кабинете станет.

— А тебе-то самому не жалко? — спросил я.

— Да ну, — бесшабашно махнул он рукой.— Дед правильно говорит: молодой, еще наживу. А теперь и жалеть-то не о чём.

— Всю коллекцию украли?

— Не всю, но самое ценное взяли, гады. Дедуля говорит, кто-то из них, видать, разбирается. Особенно он за какую-то курительницу переживал и за жезл счастья «жуи». Этому жезлу две тысячи лет, он периода Шан, совсем исконный. Ну, а из-за пистолета у него чуть инфаркт не случился. Так что говорят? Найдут? А то деда жалко.

— Ищут, — ответил я неопределенно, напомнив сам себе Сухова.— А как насчет Саши? Он тогда, месяц назад, чего приходил?

— Да как обычно, — пожал плечами Никита.— Диск новый принес переписать. Потом чаю попили с дедом, поговорили о том о сем и разошлись...

Я стал прощаться. Ничего существенного для моих поисков мне здесь узнать не удалось. Но зато теперь, кажется, понятнее стало другое: насколько глубоко увяз Саша Латынин.

23

Виктор Васильевич казался солидным и представительным мужчиной даже в спортивном костюме. Впрочем, костюм был фирмы «Адидас». Мне не составило большого труда представить его на сцене в черном смокинге или в чем там чтецы выходят на сцену. Рядом я представил себе прекрасную Елену Сергеевну в длинном платье, метущем пол, с обворожительной улыбкой. Великолепная пара! Смокинги, бриллианты, обнаженные плечи... И сыночек, который связался с преступниками.

Это я так настраивал себя перед беседой. Откровенно говоря, Латынин-старший априори не вызывал у меня ни малейшей симпатии. Я понимал, что личный контакт может повлиять на предварительное мнение, но этого-то мне и не хотелось. Вопреки распространенному представлению, работа журналиста, пишущего на судебные и моральные темы, гораздо ближе к работе, например, следователя, чем чистого литератора. Конечно, ее результат выглядит эмоциональнее протокола допроса, но главным остаются факты, только факты. Ну и, разумеется, их оценка. Вот почему, встречаясь с людьми, я предпочитаю иметь более или менее готовую концепцию случившегося, если хотите — версию. Такую, которую могут изменить лишь новые факты.

Виктор Васильевич Латынин ждал моего приближения, небрежно опершись бедром о калиткой новой кремовой «Волги».

Мы поздоровались и двинулись к набережной. Я решил захватить инициативу:

— Вчера вы сказали, что сами собирались меня разыскать. Зачем?

Но он оказался не так прост.

— Хотел спросить, почему вы заинтересовались моим сыном и что у вас за цель?

Теперь уже он смотрел на меня вопросительно. Я решил, что по-своему он совершенно прав, и нечего мне с ним играть в Штирлица с Мюллером. В конце концов прямота тоже своеобразный ход в беседе.

Я рассказал ему о письме Кригера, повторив, впрочем, все то же, что уже говорил его жене. Рассказал и о том, что узнал от Дины, про джинсы, чемоданчик и официантку. В подробности я не слишком вдавался — меня главным образом интересовала его реакция. Про Марата, а заодно и про всю остальную компанию, я промолчал, памятую слово, данное Сухову.

После того, как я закончил, мы еще какое-то время шли рядом, не говоря ни слова. Лично я ждал теперь от него каких-нибудь сообщений. Но не дождался.

— Ну что ж, — сказал он, тяжко, как мне показалось, вздохнув, — я благодарен вам за участие в судьбе моего сына. Спасибо, конечно, и за заботу о моем имуществе. — Тут мне послышалась в его словах некоторая ирония. — Но насколько я понял из ваших слов, Саша с этой нехорошой компанией порвал, иначе меня давно уже обворовали бы. А без Саши им этого сделать и не удастся: квартира находится на охране. Вы знаете, что это такое?

Я знал. Окна и двери в квартире, поставленной на охрану в специальной милиционской службе, снабжаются особыми устройствами, которые дают сигнал на пульт дежурного о том, что кто-то проник в дом. Если это хозяин, он должен в течение короткого времени позвонить этому дежурному и дать отбой. В противном случае бригада сотрудников милиции немедленно выезжает на место.

— Так что никаких оснований для паники нет, — заключил он. — Но вы не ответили, какая у вас конечная цель?

Он по-прежнему желал, чтобы рассказывал я, и пока это ему удавалось. Тогда я напрямик сказал ему, что конечная цель журналистской работы есть, разумеется, написание материала. И, предупреждая дальнейшие вопросы, объяснил, что история его сына представляется мне заслуживающей внимания.

— С конкретными фамилиями? — спросил он.

Некоторое время мы снова шли молча. Наконец он сказал неожиданно мягко:

— Мне бы этого не хотелось...

Я покал плечами.

— И не только из-за того, что таким образом вы оставите меня и мою семью, — продолжал он все так же мягко. — Вы уж простите, молодой человек, за откровенность, но я понимаю, что это вас только подхлестывает: у меня есть определенное положение, и материал будет особенно «жареным»...

Я попытался возразить, но он остановил меня движением рук.

— Повторяю: не только в этом дело. Главное в моем сыне. Вы говорите, что желаете помочь. А я бояюсь, как бы в погоне за остреньkim материалом вы ему не навредили. Видите ли, Саша только внешне такой благополучный и независимый. На самом деле он ребенок с очень трудной судьбой. Да, я не боюсь этого слова — именно судьбы! А отсюда — с трудным характером и не слишком крепкой нервной системой. Вот так-то...

Я молчал, тем самым предлагая ему продолжать.

— Уж не знаю, что вам наговорила эта болтушка Жильцова, — произнес он наконец, — но я очень любил Сашину мать.

Латынин остановился возле парапета и облокотился на него, глядя на реку. Теперь ко мне был повернут роскошный, аристократический профиль.

— Странное дело, — сказал Виктор Васильевич задумчи-

во. — Вы, вероятно, лет на двадцать меня моложе, при этом совершенно посторонний мне человек, а обстоятельства складываются так, что я должен перед вами чуть ли не исповедоваться.

Он усмехнулся, и сбоку эта ухмылка показалась мне иронической, хотя в голосе его слышна была только грусть.

— Ну, да ладно, делать ничего. — Латынин решительно провел рукой по своему седому бобрику и повернулся ко мне лицом. — Слушайте: Надя я действительно любил. Да, потом появилась Лена, моя теперешняя жена, но если вы думаете, что это было, вот так легко — развелся, женился! — вы ошибаетесь. Я ведь понимал, что не просто меня одну жену на другую, я Сашку оставляю! Мне тогда казалось, что сердце не выдержит и разорвется... Да, я знаю, что вы думаете: не разорвалось и благополучно оставил. Так ведь это жизнь! Но даже если я и виноват, Надя наказала меня самым страшным образом. Врагу не пожелаю пережить то, что пережил я, когда она умерла.

Виктор Васильевич помолчал, вроде задумавшись, а потом сказал:

— Знаю, не должен бы я этого говорить, но как она могла не подумать о сыне?! Конечно, я ее судить не имею права, но, по-моему, все, что сейчас с Сашей происходит, тоже отдаленный результат ее... — Тут он запнулся на секунду и закончил, подыскивая слово: — Ее поступка. — А потом, спохватившись, прибавил: — Хоть с себя, я, разумеется, ни грамма вины не слагаю.

Да, так вот, — продолжал он, устремив взгляд куда-то поверх моей головы. — Надя умерла... Саша жил у бабушки, у Надиной матери. Моя бывшая теща... Это, знаете ли, такой тип женщины — добрая, любвеобильная, но абсолютно без царя в голове. Когда мы, наконец, получили квартиру, Саше было десять лет, и это был уже очень капризный и избалованный ребенок. Нет, я бабушку тоже не виню! Я понимаю, что это со стороны легко осудить, а когда Саша стал жить со мной, я сам ни на минуту не мог забыть... ну, того, что случилось. Кое-кто из знакомых ахал: дескать, ребенок делает что хочет, растет совершенно безнаказанным. Знаете, я бы тут другое слово употребил: ненаказуемым. Это точнее. Ну, что мама умерла, Саша, конечно, знал. Но до сих пор не могу понять, зачем понадобилось говорить ребенку про самоубийство! Бабушке, видите ли, кто-то сказал, что иначе он может узнать об этом, когда вырастет, и в переходном возрасте получит душевную травму, а то и психическую. Объяснение, само собой, бабушка нашла такое туманно-розовое: «Мама не захотела больше жить». Как будто нельзя было предположить, что парень вырастет и начнет спрашивать, почему. Ему, конечно, объяснили. Нашились сердобольные вроде Жильцовых, — добавил он вдруг зло.

Латынин замолчал, провожая отсутствующим взглядом плывущую мимо нас баржу. У меня появилось твердое ощущение, что он говорит сейчас совершенно искренне, что это действительно нечто вроде исповеди. А исповеди лучше не перебивать.

— Понимаете, — сказал Виктор Васильевич, и мне показалось, что он медлит, подбирая нужные слова, — сын всегда был и остается для меня самым дорогим человеком на свете. Поэтому-то мне особенно больно, что наши с ним отношения сложились так... неудачно. Вот вы хотите написать статью в газету. Вы побывали у Жильцовых, потом поговорите с кем-то из Сашиных товарищей, встретитесь с ним самим. Я пытаюсь поставить себя на ваше место: к каким выводам вы придете? Скажем, о тех самых наших взаимоотношениях? Я бы, пожалуй, пришел к таким: всю жизнь отец пытался «купить» собственного сына — игрушками, подарками, деньгами, и вот результат... А ведь это не так. Никогда я Сашу «купить» не хотел, во всяком случае, сознательно. Просто... Как бы это вам объяснить? У меня в сердце были к нему любовь и жалость. Понимаете? Жалость и любовь. Я просто не в состоянии был ему в чем-то отказать. Все знаю, это не самый лучший способ воспитания, но иначе я не мог. А дальше — больше. У Саши с детства характер очень неровный. То вдруг дуется абсолютно беспричинно, то лезет ласкаться. Как думаете, что я почувствовал, когда однажды понял, что чаще всего он стал ласкаться, если ему что-нибудь от меня нужно? Это где-то с седьмого класса началось. Он стал грубить не только мне, но и Елене. Хотя прямо скажу: такую мачеху, как она, поискать, она всегда относилась к нему, как к родному сыну. Я уж и к врачам обращался, и к педагогам. Все разводят руками: переходный возраст! Увлеките, говорят, ребенка совместным делом. Вон иные домашние спектакли разыгрывают, в турпоходы ходят. Создают ситуации, когда можно у собственных детей заслужить авторитет и уважение. Ну, какие там турпоходы! Не так я устроен, да и времени, и сил не хватало. Концерты, репетиции, половины времени на гастролях... Короче, что называется, сына я упустил.

В последних словах звучала такая горечь, что я не удирался, заметил:

— Саше только семнадцать, стоит ли так отчаяваться? Он покал плечами.

— Я надеюсь, конечно. Но сегодня, скажите, так ли уж я виноват, чтобы вытащивать меня на свет божий со всем грязным белем? Я понимаю, будь у Саши отец пьяница или алкоголик — тогда да! Бейте в колокола! А сам мальчик, виноват ли он в том, что так сложилась его жизнь? И вот подумайте теперь, поможет ему ваша статья при его-то ранимом характере! Или наоборот? Может ли она что-нибудь исправить? Ну, хотя бы кого-то другого уберечь от подобной беды?

Ох, не прост артист Латынин! И не глуп. Произошло то, чего

я опасался: новых фактов особенно не прибавилось, зато изменилась их интерпретация, и вот я уже в сомнениях.

Что же, однако, я имею в активе? Еще одного отца, не нашедшего общего языка с сыном? Такое случается в семьях министров, дворников и артистов с коллекцией антиквариата. На поверхности лишь вывод о том, что материальное благосостояние не играет решающей роли.

Сашу Латынина все равно, конечно, надо искать. У меня на этот счет есть обязательства перед Кригером, которые не выполнить я не могу. Но из работы это грозит превратиться, если не явятся новые факты, так сказать, в общественное порчение, на которое я, получается, угрожал пять последних дней. Завражный меня по головке не погладит.

Латынин как будто читал мои мысли.

— Я понимаю, это ваша работа, — говорил он без нахмона, как бы советуюсь, — но, быть может, вы дадите возможность нам самим решить сейчас наши семейные проблемы? Ведь если вы правы и Саша действительно связался с преступниками, а потом порвал с ними, эта история могла оказаться на него немалое влияние. Вдруг он изменился, повзрослев? Мне почему-то кажется, что сейчас может возникнуть ситуация, когда я смогу найти его доверие, помочь ему как-то...

Латынин говорил почти просительно, и я чувствовал, что по крайней мере в данный момент у меня не хватает убедительных аргументов для возражения. Что за досада, черт возьми! Оно, конечно, не хлебом единим, но ведь и хлебом тоже!.. А пока я зарабатываю его тем, что пишу в газету.

— Только бога ради не сочтите за обиду, — продолжал он, понизив голос, чуть ли не вкрадчиво, — но я же понимаю... Вы потратили немало усилий... — Тут он остановился, взглянул меня на руку повыше локтя и заглянул в глаза. — Я готов компенсировать, с ликвой даже...

А вот этого ему говорить не следовало. Видно, что-то отрезилось на моем лице, потому что он сразу вскричал:

— Нет, нет, вы не поняли! Это ни в коем случае не... не... — Он никак не мог выплыть из себя слово. — Не взята, нет же! Только разумная компенсация за потраченные силы, за время!

Я разозлился. Ну, не так, чтоб очень, в конце концов это был не первый подобный случай в моей практике, и я не институтка, чтобы падать в обморок от безнравственного предложения. Я в своем деле профессионал и потому всегда готов к любому повороту. Латынин допустил ошибку, он перестраховался и сам дал мне в руки аргумент, которого недоставало. Пусть даже аргумент этот был из области эмоций, а не логики.

Одни хотят меня убить, другой хочет меня купить, накручивал я себя, и у каждого есть веские причины, чтобы я перестал искать мальчишку! Так нет же, найду, теперь обязательно найду, всем назло, а там посмотрим! Кончилось тем, что я разозлился у меня скжались зубы и напряглись желваки на скулах. Латынин наблюдал за мной с нескрываемой тревогой.

Несколько секунд я молчал, как бы пытаясь справиться с собой. Впрочем, мне почти не приходилось играть.

— Будем считать, Виктор Васильевич, что вы мне этого предложения не делали, — сказал я наконец сухо. — И давайте договоримся: пока я не получу возможности поговорить с Сашей, решать, будет материал или нет, рано. Вы меня поняли?

Он кивнул.

— Вы ведь знаете, где его искать?.. — добавил я не то вопросительно, не то утвердительно и сам замер в ожидании ответа.

Собственно, ради этого вопроса я, наверное, и лицедействовал. В расчете, что если раньше Латынину могло быть невыгодно сообщать мне о возвращении своего блудного сына, то теперь он должен расценить это как шанс. Но все оказалось напрасным.

— Нет, к сожалению, — покачал он головой.

Я внимательно следил за его лицом, стараясь уловить признаки фальши. Но на нем действительно не было написано ничего, кроме сожаления.

— Ну что ж, тогда до свидания. — Я вырвал листок из блокнота и записал на нем свои телефоны, рабочий и к Феликсу. — Если Саша вдруг объявит — звоните.

— Вы тоже, — ответил он.

Шагая по направлению к машине, оставленной возле входа в бассейн, я размышлял о том, что ко всем прочим вопросам, на которые мне неизвестны были ответы, прибавился еще один, хоть и не такой значительный. К чему больше относилось сожаление Виктора Васильевича Латынина: к пропаже сына или к моей несторожливости?

24

— Хватит! — Сухов с силой прихлопнул ладонью громовые фотографии. — Всему есть предел!

В голосе его было не просто недовольство, в нем было возмущение. А я-тошел к нему, тайно гордясь своими необыкновенными достижениями, рассчитывал как минимум на скромную похвалу профессионала, которая, как известно, дороже неумных восторгов дилетанта. И вот дождался. Восторги при мне, а профессионал костерит меня на чем свет стоит...

— А что я сделал не так? — предпринял я слабую попытку сопротивления.

— Все! — отрезал Сухов.

Я сидел на стуле в его кабинете, а он бегал передо мной, заложив руки в карманы.

— Все! — повторил он. — Ведь я предупреждал тебя, про-

сил тебя: никакой самодеятельности! Уж ты-то, я думал, пишешь про милицию, должен понимать, что мы тут не в бирюльки играем. Эх!

Он с досадой махнул рукой, остановился напротив меня и произнес чуть не по слогам:

— Здесь у-го-ловный розыск. Здесь работают специально обученные люди. А ты кто такой?

Теперь уже я обиделся.

— Интересно знать, а ты бы что делал на моем месте? Между прочим, это не я начал следить за ними, а они за мной! И еще, между прочим, я первым делом попытался дозвониться тебе, но не смог.

Это был мой козырь.

— Не смог...—устало повторил за мной Сухов, вдруг успокоился, сел за стол и принял перекладывать туда-сюда бумаги. Потом сказал, угрюмо передразнивая меня: — Между прочим, это означает, что я занимался своим делом. А на своем месте я бы записал номер машины и спокойненько поехал в редакцию—заниматься своим делом...

Я не уловил в его интонации чрезмерной убежденности и перешел в наступление:

— Между прочим, когда я нашел Марата, я так и поступил.

Сухов посмотрел на меня почему-то иронически.

— Марата он нашел... Нат Пинкертон! В общем, так,—продолжал он уже серьезно,—про это дело ты забыл. Я тебе звоню, когда мы передаем его в суд. Ясно? Иначе придется мне позвонить твоему главному редактору и сказать, что ты мешаешь розыску.

Тут настал мой черед вскочить со стула.

— Я мешаю?

— Ну, можешь помешать,—как ни в чем не бывало ответил Сухов.

— Звони,—сказал я решительно.—Редактор у нас мужик с головой, я ему кое-что объясню, он поймет. А пока вы будете перезваниваться, я...

— Не понимаешь,—прервал меня Сухов задумчиво и, как мне показалось, с сожалением.— Ни черта ты не понимаешь! Ну ладно, сядь за стол.

Я сел, все еще негодяя, а Сухов, гремя ключами, подошел к огромному сейфу, достал оттуда папочку и бросил передо мной.

— Читай!

Я осторожно развязал тесемки.

— Не бойся, не секретное,—насмешливо сказал он.—Секретное тебе не положено. Дело пятнадцатилетней давности... На титульном листе было написано:

«ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по уголовному делу №...

по обвинению:

Галая Марата Владимира в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 146 ч. 2 п.п. «а», «б», «д» и 218 ч. 2 УК РСФСР...

— «Нападение с целью завладения личным имуществом гражданина, соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, или с угрозой применения такого насилия»—продекламировал Сухов,—«а»—по предварительномуговору группы лиц, «б»—с применением оружия или других предметов, используемых в качестве оружия, «д»—лицом, ранее совершившим разбой... Статья 218, часть 2—ношение, изготовление или сбыт кинжалов, финских ножей или иного холодного оружия... Ты читай, читай, может, хоть так чего-нибудь поймешь.

И он вышел, оставил меня наедине с папкой.

«...Шилова Андрея Витальевича...

Филонова Никиты Геннадьевича...

Гагидзе Шалвы Давидовича...»

Я перевернулся страницу.

«В ночь с 11 на 12 сентября Галай, Шилов, Филонов и Гагидзе по предварительномуговору и совместно с целью завладения личным имуществом семьи Бочаровых проникли в помещение дачи Бочарова И. И. ...»

Ночь с 11 на 12 сентября была холодной. Об этом, конечно, ничего не говорилось в обвинительном заключении, с подробностями я познакомился позже. Но даже тогда, в кабинете Сухова, за строчками, писанными как будто нарочно в административном речении исковерканым языком, виднелись на фоне темного осеннего неба декорации и участники этого жестокого спектакля, сыгравшего здесь на исходе данного сезона.

Марат Галай остался у забора, чтобы смотреть за улицей, освещенной тусклой лампочкой на верхушке столба. Остальные, проравившись через мокрые кусты (весь день до темноты лил дождь), выбрались на песчаную дорожку и подошли к дому. Шилов поднялся на крыльцо и потрогал дверь: заперто. Подал знак, и Гагидзе с Филоновым двинулись вокруг дома, каждый в свою сторону, осторожно пробуя окна.

Улица была пустынна. Лампочка раскачивалась на ветру, вырывая из темноты разные подробности мокрого, унылого пейзажа. «Ночь, улица, фонарь, аптека,—твёрдил про себя Марат, прислонившись к забору,—бессмыслицей и тусклый свет. Живи еще хоть четверть века—все будет так. Исхода нет». Стихи очень подходили к его настроению. «Ну вот, я здесь,—размышил он спокойно,—и сейчас вместе с этими подонками совершу, наконец, то, что задумал много лет назад. Какая же я все-таки сволочь!»

А ведь еще сегодня утром он чувствовал себя великолепно. Удача не оставляла их ни вчера, ни позавчера. И вот через несколько часов, даст бог, закончится разработанная им молниеносная серия из трех тщательно подготовленных дел, реализуется план, рождавшийся долгими мучительными но-

чами, когда единственным способом заснуть было думать о том, как он все это сделает, сладостно представляя мельчайшие подробности, постепенно успокаиваясь и забываясь.

Старик Калган давно уже не впускал в квартиру никого, чей голос был ему незнаком. Об этом Марат знал от калгановского племянника, с которым вместе учился на искусствоведческом факультете. Этот племянник Борька, дурак, пускал сплохи, рассказывал Марату про изумительную дядюшкину коллекцию монет, которую тот собирали чуть ли не с дореволюционных времен. Он намекал на то, что дядя—бездетный вдовец и когда-нибудь коллекция может перекочевать в его, племянников, руки. Борька говорил об этом легко, как о само собой разумеющейся деле, а Марат, слушая его, тяжело страдал. Почему таким вот разгульдяям всегда все само плывет в руки? Почему Борька, розовый обалдуй и троекач, которого даже учиться и то, кажется, пристроили по блату, станет вдруг в один прекрасный день богатым, не приложив к этому ни малейшего усилия, а он, Марат, в лучшем случае будет после окончания института три года корпеть над книгами в аспирантуре за жалкие сто, но, даже защитившись, обречен еще очень долго пробиваться. И зачем? Чтобы к старости даже не обрести того, что иным, более счастливым, падает на голову в молодости—именно тогда, когда единствено нужно!

Впрочем, ему не суждено было и это. В конце четвертого курса его арестовали за спекуляцию: он отирался возле антикварной комиссии, где наметанным глазом определял уникальные вещи. Реже—на проплывке, чаще—в руках у людей, пришедших сдать их в магазин. Он предлагал наличные, к тому же объяснял, что не надо стоять в очереди, ждать, пока продастант, терять семь процентов, и старушки (почему-то чаще всего это были именно старушки) обычно легко доверялись этому милому, обходительному молодому человеку, интересующемуся стариной. У него были два-три знакомых барыги, которым он перепродавал товар с доставкой на дом, но кое-что, самое ценное, оседало, и постепенно в его комнате в коммуналке на Чистых прудах скопился небольшой собственный музейчик—основа будущей счастливой и обеспеченной жизни.

Все рухнуло в одночасье из-за его собственной глупости и жадности, что Марат видел с жестокой ясностью. Он здесь же, у магазина, перепродал только что купленный предмет двум холеным иностранцам и получил за это два года, разумеется, с конфискацией. Вот тогда-то, ворочаясь на жестких нарах и в бесильной злобе кляня свою несчастливую судьбу, он вдруг отчетливо понял, что возврата к прежним планам нет. Он, как некий Faust нашего времени, взвешивал перехитрить всех, соединив молодость, деньги и большую науку. Но вышло так, что Faust перехитрил себя. Наука отпала начисто, осталась молодость, но к ней нужны были деньги—теперь уже во что бы то ни стало.

Позавчера они позвонили старому Калгану из автомата напротив. Марат представился приезжим коллекционером из другого города, объяснил, что телефон ему дали в нумизматическом обществе. Он знал, на чем подловить старика: сказал, что у него в обменном фонде имеется уникальная русская монета—свадебный рубль, а ему требуются кое-какие другие. Нельзя ли встретиться с Давидом Моисеевичем, чтобы все это обсудить? Осторожный Калган предложил увидеться в обществе, приезжий с легкостью согласился. Договорились через час. Когда старик открыл дверь, чтобы выйти из квартиры, они с Шиловым втолкнули его обратно, связали и положили на кровать. И все время, пока укладывали кляссеры с монетами в чемодан, Марат с мстительной радостью видел перед собой лицо Борьки—розового обалдуна. Вечером он сам позвонил в милицию и сообщил об ограблении: в них планы не входило, чтобы старик отдал Богу душу.

На следующий день они пошли к старухе, вдове известного художника. Когда-то ее муж читал лекции на факультете, и студенты теперь иногда помогали вдове: выполняли небольшие поручения в городе, перевозили летом на дачу. Она откладывала им вкусным липким чаем и потрясающими воспоминаниями—с ней водили дружбу Бенуа, Фальк, Лентилов, Бакст, Коровин, кажется, даже Кандинский. К восемидесяти годам старушка ослабела телом, но дух все еще сохраняла светлым и ясным.

Когда обсуждали план, Шилов предложил так и сказать—студентами. Но Марат был категорически против: студенты—это конкретная привязка, оглянуться не успеешь, как выйдешь на него. Нужен ход простой, доступный в принципе каждому, а значит, максимально беззлобный. И вот несколько дней назад вдове позвонили из департамента, поинтересовались, как работают краны, не гудят ли трубы. Дом был старый, давно без капремонта, и трубы, разумеется, гудели, и краны, конечно, текли. Пообещали на днях прислать слесаря, и вчера наконец слесарь явился.

Домработница открыла сразу, так, кажется, ничего и не поняла до тех пор, пока ее не заперли в ванной. Марат выдернул на всякий случай шнур телефона, стоящего в коридоре на тумбочке, и вошел в спальню к вдове.

В комнате было полутемно из-за спущенных штор, стоял застарелый запах лекарств. Хозяйка лежала на широкой кровати и даже не пошевелилась, когда вошли посторонние. Марат сразу бросился к стенке с картины, заранее твердо решив не отвечать ни на какие вопросы или мольбы. Но, к его удивлению, старуха не проронила ни слова во все то короткое, впрочем, время, что понадобилось ему для отбора лучших полотен и рисунков. Фальк, Кустодиев, Бенуа и Юон лежали в один мешок. Шилов стоял в дверях. Под конец

Марат даже хотел, чтобы она сказала хоть что-нибудь. И дождался.

— Мерзавец,—произнесла вдова только одно слово неожиданно чистым, каким-то молодым голосом. А больше ничего.

И вот сегодня третий, последний раунд, и он, Марат Галай, стоит у забора дачи профессора Бочарова, думая о том, что старуха права: он мерзавец. А еще он с тоской думает, что перестать быть мерзавцем ему уже не дано: назад дороги нет.

Тонкий условный свист пробился к нему сквозь кусты. Похоже, дело сделано!

Не найдя ни одного открытого окна на первом этаже, они принесли из сарай за домом длинную садовую лестницу, о которой говорил Марат, и приставили ее к чердачу. Шалико, дрожа вместе с лестницей на осеннем ветру, влез наверх и выдавил чердачное окошко. Через несколько томительных минут входная дверь была открыта.

Марат поднялся на крыльцо уже в специальному сшитом для этого случая капюшоне с прорезями для глаз. Сегодня у него имелись основания не открывать своего лица: когда-то он был одним из любимых учеников профессора Бочарова. Таким любимым, что не раз бывал у него дома и на даче.

«Допрошенный в качестве потерпевшего Бочаров И. И. показал, что 11 сентября он и его жена Бочарова А. Г. находились у себя на даче. Примерно в 22 часа они легли спать. Ночью на даче он услышал шум. Почти одновременно в его комнату вошли двое мужчин с фонариком. Один из них, угрожая ножом, отвел его в комнату, где находилась его жена. Ему связали руки. В комнате постоянно находились двое преступников (Шилов и Гагидзе). Кроме того, часто заходил третий преступник (Филонов), который проявлял наибольшую активность, требуя выдачи денег, золота, драгоценностей, а также ключей от московской квартиры...»

Увидев в руках у Филонова нож, Илья Ильич сказал жене негромко и спокойно:

— Леля, отдай им все, что они просят. Не стоит оно того...

По плану в город должны были ехать Марат с Шиловым, а Филонов с Шалико оставались сторожить Бочаровых и ждать звонка. Но так и не дождались. Городская квартира Бочаровых оказалась на охране, и Галая с Шиловым взяли с полицейским на месте преступления. Остальных задержали на вокзале, когда они с первой утренней электричкой прибыли в столицу. Похищенные монеты и картины вскоре изъяли у Одинцовской Елены Сергеевны, сестры Шилова, уловленное дело в отношении которой было прекращено за недоказанностью: она утверждала, что ничего не знала о происхождении оставленных у нее на хранение чемоданов, а фактов, говорящих об обратном, в распоряжении следствия не имелось.

На этом дело и кончилось.

Я перевернулся последнюю страницу. Вошел Сухов.

— Ну как, понял что к чему?—спросил он, отбирая у меня папочку и пряча в сейф.

Я кивнул. Я действительно понял, кажется, главное, что хотел мне внушить Сухов. Мы имеем дело с опытными рецидивистами, которые вышли на свободу отнюдь не с чистой совестью, взялись опять за свое и, судя по всему, готовы честно знать на что.

— Значит, так,—сказал я.—В городе совершили несколько ограблений квартир с антиквариатом, причем преступники до сих пор не найдены.

Сухов посмотрел на меня с удивлением.

— Я тебе этого не говорил...

— А недавно,—продолжал я уже уверенней,—ограбили квартиру генерала Долгополова, причем забрали его именной пистолет. Никита Долгополов—приятель Саши Латынина. А пистолет обнаружился у Кригера. Следовательно, найдя Сашу, можно выйти на тех, кто ограбил Долгополова, а может быть, и убил Кригера.

— Молодец,—сказал Сухов с уважением.—Тебе бы у нас работать.

Вот она, похвала профессионала! Дождался наконец. Теперь надо было развить достигнутый успех.

— И в этом свете, хоть ты меня и ругаешь, а я кое-что сделал. Положим, Старкова вы бы и так нашли по номеру машины. А вот Марат...

— Да, насчет Марата,—перебил меня Сухов.—Забыл тебе сразу сказать. Я тут проверил, пока ты читал, это не тот Марат.

— А какой?—спросил я довольно бессмыслицей. От разговорности я, видимо, утратил способность нормально формулировать.

Но Сухов понял меня. Правда, по-своему.

— Интересно, да?—спросил он с хитрой улыбкой.—Ладно, узнаю для тебя лично.

Вот тебе и мгновенное озарение! Еще одно грустное подтверждение, что я не Моцарт и не Мендельсон.

— Ничего,—утешал меня Сухов, подписывая пропуск на выход,—это бывает. Особенно когда очень уж хочешь, чтобы так было. Видишь одни «за», а «против» будто нету. Между прочим, в нашем деле—вреднейшая штука.

Я понял, что войду в это здание дилетантом, дилетантом из него и выхожу.

— Короче, договорились,—сказал Сухов, пожимая мне на прощание руку.—Больше ты с ними не вяжешься.

Полчаса назад я бы ответил ему что-нибудь вроде: «Хорошо бы ты их тоже об этом предупредил». Но теперь промолчал.

У меня было над чем поразмыслить, шагая по длинным коридорам здания московской милиции. Опять стало неясно, откуда они узнали, что я живу у Феликса. А сейчас к этому

прибавился вопрос, как меня обнаружили в Доме журналистов. Я чего-то не учтываю? Или тут нагромождение случайностей? А может, то и другое?

Когда я вышел на улицу, меня очередной раз озарило без всякой связи с предыдущим. Но теперь я уже был научен скептически относиться к такого рода проявлениям своего организма. Осторожно, словно полное до краев блюдо, я донес свое открытие до ближайшего телефона-автомата и набрал номер Сухова.

— Забыл, что ли, чего? — поинтересовался он.

— Наоборот, вспомнил, — ответил я. — Этую сводную сестру Шилова звали Елена Сергеевна и жену Латынина — тоже Елена Сергеевна. Может, стоит проверить, а?

Сухов молчал.

— Але! — крикнул я в трубку.

— Не кричи, слышу, — сказал он, как мне показалось, с досадой. — Проверили уже.

— Ну и..

— Опять ты сушь нос не в свои дела?

— Понял! — ответил я радостно.

— Учи, я тебе ничего не говорил, — сказал Сухов и положил трубку.

А почему я, собственно, радуюсь, пришла мне в голову мысль? Разве это открытие, которое к тому же сделано до меня, что-нибудь проясняет? Нет, надо признать. Скорее уж наоборот: еще больше усложняет.

25

В кабинете было накурено до потолка. Протасов сидел за своим столом перед пепельницей, полной окурков, и читал какой-то журнал.

— Ну, как тебе понравилось? — спросил он меня вместо приветствия.

— Что именно? — не понял я.

— Как «что»? Ты собственную газету читаешь когда-нибудь?

Тут только я вспомнил, что у Протасова в воскресенье должен был быть материал. Притом, что ему, кажется, все на свете давным-давно надоело, он к каждой своей публикации относится трепетно, будто она первая. На следующий день приходит в редакцию с самого утра и бродит по коридорам, нарываясь на похвалы. Я сам люблю, когда меня хвалят, отмечают и все такое: газетная статья живет недолго, и, если не заслужила сиюминутного признания, на вечность рассчитывать уже не приходится. Но в последнее время мне стали что-то все меньше нравиться пропастские очерки, начали казаться, что он повторяется.. Скрывать это с каждым разом было все труднее, он и так посматривал на меня волком, и я приоронился отекивать: не читал, не было времени. Сегодня у меня было к тому законное основание.

— Ты же знаешь, Валя, я дома-то не живу.

— Громов тоже газету выписывает, — проворчал Протасов.

— Прочту, сегодня же обязательно прочту, — пообещал я. — Мне звонил кто-нибудь?

— Завражный тебе звонил. Раз десять.

Я отправился в кабинет ответственного секретаря.

— Наконец-то! — закричал Глеб, увидев меня. — Там, в приемной, тебя с утра девушка дожидается, говорит, хочет беседовать только с тобой. Оч-ченя милая, оч-ченя симпатичная! Если там материал — умоляю, сделай к пятнице!

У Завражного все девушки очень милые и симпатичные.

— Глеб, — сказал я, — у меня удостоверение пропало.

— Получиши выговор.

— Глеб, — сказал я торжественно, — у меня его похитили при исполнении служебных обязанностей!

Мне неохота было получать выговор.

— А милиция в курсе?

— Да, — ответил я честно, имея в виду Сухова.

— Ладно, разберемся. Пойди к заведакции, пусть выпишет тебе другое. Но чтоб к пятнице был материал.

Девушка и впрямь оказалась довольно милая. Одета во все простенькое, отечественного пошиба, на лице ни следа косметики, никаких украшений, звать Ира Уткина. Мы с ней пошли ко мне в кабинет, я прогнал оттуда Протасова, растроил окно и сел слушать.

Два года назад она вышла замуж. Познакомились они в Крыму, на отдыхе, и, частное слово, ничего между ними даже не было. Он из Курска. Обменились адресами, просто так. А осенью приходит от него письмо: то дасе, как живешь, я живу ничего, костюм себе купил и так далее. Она ответила, он в следующем письме карточку свою приспал — на фоне призов и грамот, спортсмен, мастер спорта по боксу. И вдруг ни с того ни с сего телеграмма: «Встречай десятого. Сергей».

Ира переполошилась. Как встречай, куда встречай?! Живет-то не одна, с матерью, старой женщиной. А что ей объяснить, когда сама не знаешь, зачем он едет? Но Сергей прямо с вокзала заявил к нам и все сомнения в три минуты (я так понял даже, что не сняв пальто) рассеял. Сказал: «Выходи за меня замуж». Она и вышла. По-моему, в основном потому, что никто ей до сих пор никогда такого предложения не делал.

Понапалу все шло неплохо. Как зарегистрировались, Сергей сразу прописался к нам, переехал в Москву, устроился на работу. Случалось, выпивал, и крепко. Но по-настоящему наикось жизнь пошла через полгода после свадьбы, когда Ирина забеременела. Тогда Сергей первый раз избил ее, досталось и теще, которая попыталась вмешаться. Суть его претензий сводилась к тому, что никакие дети им сейчас не нужны, а сопровождалась эта декларация матом, побоями и мутными намеками, что если она хочет с него всю жизнь алименты лупить, так вот ей хрен!

С тех пор уже полтора года живет Ирина как между небом и землей: не мужня жена, не вдова, не разведенка. Муж живет тут же, рядом, но вроде как не муж. Денег домой неносит, пьет, водит каких-то приятелей, орет чуть что: «Я прописан, чего хочу, то и ворочу!» Она хотела было с ним развестись, подала даже заявление в суд, но он пригрозил, что всех убьет, ее и мать, и теперь она боится. Дело в том, что у них в районе Крылатского частный деревянный дом, их скоро ломать собираются, а жителям будут давать новые квартиры. Вот он, значит, и опасается, что ему, как недавно прописанному да разведенному, указают вообще из Москвы.

Я пошел к Завражному и сообщил ему, что материал вроде есть. Конечно, не бог весть какая сенсация, но, во-первых, можно людям помочь, а скотину эту призвать к порядку и, во-вторых, написать столь любезный сердцу ответоска моральный кусок.

— Действуй! — сказал Глеб.

С Ириной мы договорились встретиться завтра, она специально пораньше отпросится с работы (медсестра в поликлинике), иначе сам я не найду их дом. Сергей сейчас как будто в отпуске, целями днями сидит на квартре и пьет, так что сами сможете убедиться во всем. Жалко, мама уехала к родственникам в деревню, а то бы и она подтвердила.

Проводив девушку до выхода, я заглянул к Феликсу.

— Какие новости?

— Новости такие, что твоя директриса тебе обзвонилась. Говорят, у тебя все время занято. Материал, что ли, брат?

Я кивнул. Во время важных бесед я всегда у себя в кабинете снимаю трубку — чтоб не отвлекали.

— Она не говорила, что-нибудь срочное?

Феликс пожал плечами.

— Я же говорю, десять раз звонила.

— Ну уж и десять, — усомнился я, набирая номер.

— Три по крайней мере, — уступил Феликс.

— Что случилось? — спросил я Светлану.

— Час назад мне звонил Саша Латынин, — ответила она. Я прислушался.

— Зачем?

— Сказать, что больше учиться у нас не будет. Просит отдать документы.

— Так, — сказал я, собираясь с мыслями. — Хорошо. Сам придется или пришлет кого?

— Ни то ни другое. Хочет, чтобы через некоторое время мы выслали их ему до востребования.

— Куда, конечно, не говорит...

— Да, обещает сообщить потом. Но я тут же придумала, что рано не позволят мне высывать документы неизвестно куда, если мы ничего не будем знать о судьбе своего ученика. В общем, я из него вытянула, что он собирается в геологическую партию куда-то на Дальний Восток, что ему там будто обещают работу. Но ведь мог и наврать, а?

— Света, ты гений! — заорал я. — Он не врет! Считай, что мы его нашли, или.. или я полный идиот!

— Ты уверен? — с сомнением спросила она.

— Да! Мы с тобой сегодня вечером увидимся, и я тебе все объясню!

— Сегодня не могу, — сказала Светлана. — У бабушки именины, придут гости.

— О господи, — простонал я, — когда бабушка уже наконец уедет?

— Скоро! — ответила она.

Телефона Елины у меня, разумеется, не было. Я позвонил Марине Костиной.

— Ты не заболел? — спросила она в ответ на мою просьбу. Ей было известно о наших с Елиным взаимоотношениях. Но номер дала.

— Только имей в виду, это — домашний, к родителям, — предупредила Марина. — А он, по-моему, большую часть времени проводит у себя в «кабинете». — Она выделила голосом последнее слово.

— Это что такое?

— Снимает квартиру где-то в Перове, и ни адрес, ни телефон никому не дает, даже родителям, представляешь? Чтоб не мешали работать!

— А служебный телефон у него есть?

— Есть, да только на работе он редко бывает. Творческая личность, сам понимаешь.

На всякий случай я записал и служебный.

Я теперь не сомневался, что Елин знает о местонахождении Саши Латынина, если вообще сам не прячет его. Достаточно мне было сопоставить его речь на похоронах Кригера и наш смутный разговор по дороге с кладбища со словами «Дальний Восток» и «геологическая партия», чтобы все стало ясно. А если вспомнить также пресловутое идиотское отношение Елина к органам охраны порядка, можно понять, почему он, вместо того чтобы взять мальчишку за руку и отвести в милицию, собирается помочь ему убежать из города. Ах, Елин, снова мы с тобой на беговой дорожке!..

Пожалуй, Кригер мог решить привлечь к этому делу не только меня, но и его. Быть может, даже он хотел предпринять еще одну попытку свести нас, объединить общим делом. Наверное, я фантазирую. Но так или иначе, а Елин и на этот раз опередил меня. Если у меня есть перед ним преимущество, то разве только в том, что я теперь гораздо лучше вижу опасность. Поэтому я должен найти его как можно скорее.

Ни дома, ни на работе Елин не оказался. Я всюду оставил свои телефоны и попросил передать ему, чтобы связался со мной в любое время, немедленно.

Положив трубку, я сидел, весьма довольный таким развитием событий, прикидывая уже, какие вопросы задам Саше Латынину, когда в голову пришла неприятная мысль, что я

совсем недавно уже оскандалился с чересчур поспешными выводами. Больше оскандаливаться не хотелось. Никаких дел на сегодня не осталось, до вечера далеко, и я решил не лениться, съездить кое-что проверить.

Все те же старушки все так же сидели на лавочке у кригеровского подъезда, который теперь, впрочем, уже не приходилось называть кригеровским. Проходя мимо них, я вежливо поздоровался, авось они мне сегодня еще пригодятся. Второй лифт починили, и я без колебаний выбрал его. В благодарность он без задержек возвесил меня на шестнадцатый этаж. Я подошел к двери в тамбур, нажал на кнопку с номером «128» и услышал далекий музикальный перезвон.

На этот раз полоска света выпала далеко не сразу, шаги в коридоре протопали грузные и неторопливые, замок щелкнул без предварительных переговоров.

Увидев меня, толстяк заулыбался.

— Проходите, проходите. Ну как, нашли супостатов?

Он явно причислял меня к одному с Суховым ведомству. Я решил пока его не разубеждать.

— Ищут, — ответил я коротко и неопределенно.

Мы зашли в квартиру. На толстяке поверх майки был кухонный фартук, руки мокрые.

— Я тут по хозяйству, — со смущенной улыбкой пояснил он. — Ушел в отставку, на пенсию, времени теперь много. Одну минуточку.

Он исчез в комнате и вскоре вернулся зачем-то в кителе. Так ему, наверно, казалось более удобным беседовать с представителем власти.

— Вы не курите? — спросил он и, не дожидаясь ответа, предложил:

— Пойдемте на лестницу покурим, а то жинка моя не любит, когда тут смолят.

Кругляк открыл узенькую дверь рядом с лифтом, и мы по лестнице спустились на площадку между этажами. Возле люка мусоропровода стояла аккуратненькая скамеечка, над ней прибита полочка с консервной банкой, полной окурков. Кругляк выключатель, зажегся свет.

— Это я тут все так оборудовал, — сказал Кругляк не без гордости. — Тепло, уютно. Можно и газетку почитать.

Мы закурили.

— Дмитрий Михайлович, — сказал я, — у меня, собственно, к вам один вопрос. В тот день, когда убили Кригера, никто к нему не приходил с утра?

— Да я уж докладывал: приходил! Но раненько, часиков в девять, я как раз за молоком собирался и аккурат дверь ему открыл. А как возвращалась обратно, минут через тридцать это было, и он выходит. Сосед, значит, сам за ним и закрыл. Мы потом с ним постояли еще маленько в коридоре, поглядывали о том о сем, да и разошлись. Кто ж знал, что через два часа всего такое приключится!..

— А как он выглядел? — спросил я нетерпеливо.

— Да как? Обыкновенно! Высокий такой, вроде черный. Да ведь кабы знать, я б опять запомнил... Это Анюта у меня запоминает мастерика, а ее-то как на грех и не случилось.

Елин высок и темноволос. Вроде подтверждается.

— А не заметили вы, Дмитрий Михайлович, когда выходили, не стояла у подъезда какая-нибудь машина?

— Нет, — ответил он сокрушенно, — чего не заметил, того не заметил. Не помню.

Легкая тень проскользнула по стеклянной двери над нами, и Кругляк всполошился. Вскочил, загасил окурок.

— Моя пришла, — сообщил он, — а у меня картошка недочищена. Пойдемте, с ней побеседуете.

— Спасибо, — сказал я. — Мне пора.

Лифт опустил меня вниз, на этот раз, правда, с задержкой. На четвертом этаже вошла женщина, которую я сразу узнал: та самая, которой я так галантно придержал тогда дверь. Она меня тоже узнала и грустно улыбнулась. Ах, если бы не эта галантность! Выходя из подъезда, я снова пропустил ее вперед...

— Бабушки, — спросил я, подсаживаясь на лавочку, — а к Эрнсту Теодоровичу, которого убили, не ездил ли такой — высокий, черный?

Старушки помолчали, раздумывая.

— Это который на «Волге», — сказала наконец одна, обращаясь почему-то не ко мне, а к товаркам.

— Ездил, — сообщила мне результат совещания вторая, интеллигентного вида, в очках.

— А в тот день?.. С утра?..

— Элеонора Максимовна, — строго сказала та, что в очках, соседке. — Утром как будто вы сидели.

Элеонора Максимовна покачала головой.

— Часов в одиннадцать я вышла, но раньше.

— Приехал, — неожиданно подала голос четвертая.

— Под окна мне машину свою поставил. Но уехал скоро.

Все. Больше у меня не было сомнений, что Кригер и Елина тоже привлек к этой истории.

Уже под вечер я заехал в редакцию и узнал, что мне никто не звонил. Значит, ни на работе, ни дома он так и не появился. Мне оставалось одно — ждать. Больше я пока ничего не мог.

Звонок поднял меня среди ночи. С вечера я предусмотрительно поставил аппарат в изголовье раскладушки, но в темноте и спросонья никак не мог сразу нашарить трубку, а он все звенел и звенел. Наконец я поднял ее. Голос сначала показался мне незнакомым, каким-то лающим. Потом я узнал Марину Костину и понял, что она рыдает.

— Труп... за городом... в канаве какой-то...

— Кого? — крикнул я, холода.

— Андрю-ушу Е-линина...

Конкурс юмористических рисунков

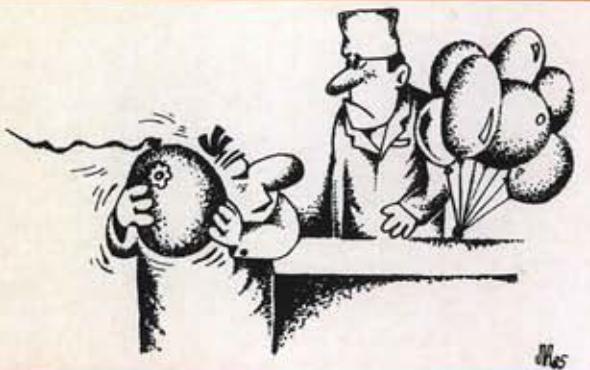
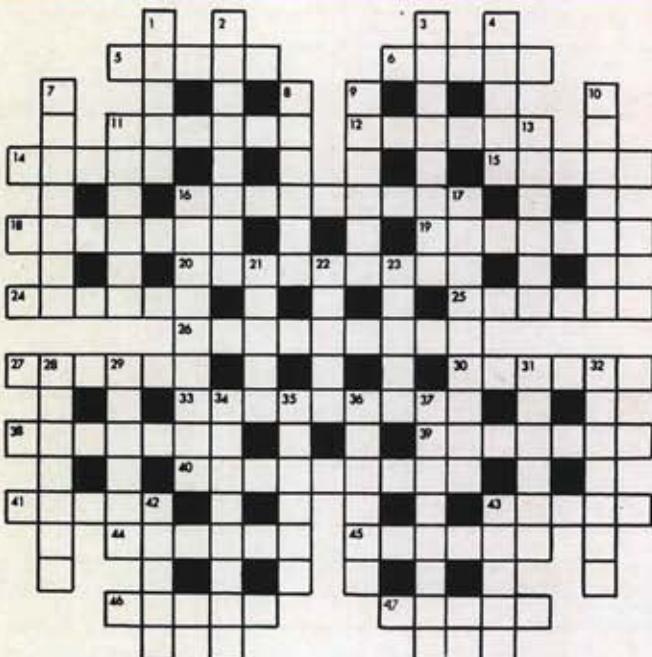
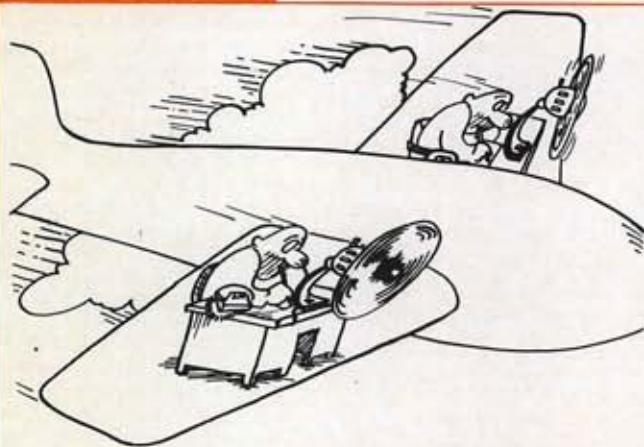

Рисунок
Александра
ЛЕВИТИНА.
Куйбышев

Рисунок
Людмилы
БУХАЧЕВОЙ.
Балтийск

Рисунок
Василия
ПАНЫЧА.
Днепропетровск

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД.

По горизонтали:

- Замочка. 4. Жиробус. 8. Цицеро. 9. Ксенон. 12. Пирамида. 14. Игольник. 16. Ветар. 18. Хлорофилл. 21. Гаер. 22. Беас. 23. ...нейтрон ... 24. Лутц. 26. «Если...» 29. Шоколадка. 34. Имаго. 36. Илиней. 37. Автобаза. 38. Синька. 39. Хартли. 40. Рокайл. 41. Яхтсмен.

ОПУБЛИКОВАННЫЙ В №19

По вертикали:

- Зашепка. 2. ...Моцарт... 3. ...чремуха... 5. Расалила. 6. Бонанг. 7. Сенокос. 10. Ваэр. 11. Пиаф. 13. Дворецкий. 15. Грибоедов. 17. Тортила. 19. Ленто. 20. Ленск. 25. Ушинский. 27. Лаборант. 28. Эмискар. 30. Омск. 31. Агат. 32. Стадион. 33. Клиник. 35. Фантом.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописных страницы) редакцией не рассматриваются.

ШАХМАТЫ

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

ВЕДУЩИЙ КОНСТРУКТОР

Один из сильнейших современных шахматных композиторов, Валентин Руденко, — конструктор по профессии. Но во всем мире он известен как конструктор замечательных шахматных позиций. Высокое техническое мастерство позволяет ему покорять, казалось бы, неприступные творческие вершины. Рекордные идеи — характерная черта творчества днепропетровского гроссмейстера. Руденко принадлежат и некоторые уникальные спортивные рекорды. Так, в «Альбоме ФИДЕ. 1974—1976» судьи включили сразу 56 его произведений!

И еще один яркий факт спортивной (и творческой) биографии Руденко. В XII чемпионате СССР он стал победителем по всем трем заданным разделам.

1956 г.

Мат в 4 хода

Один из первых международных успехов композитора. Три правильных матта, два из них — с дальним блокированием, осуществлены с подкупающей простотой и изяществом. Задача давно признана классической!

1. Ca7! с угрозой 2. Fc8+ Krb5 3. Fc4+ Krb5 4. Fa4x, 1... Kc3 2.

Kd7+ Kpd5 3. Fb7+ Kpc4 4. Ke5x, 1... Lf4 2. Ko4+ Kpd5 3. Fb5+ Kpe4 4. Kd2x.

1963 г.

Мат в 3 хода

Задача стратегического направления. От комбинации Новотного черные защищаются антикритическими ходами ладьи и слона, что приводит к их последующему перекрытию черным королем, а в двух других вариантах — к блокированию полей у черного короля этими же фигурами. 1. Fg4! с угрозой 2. Kf3+! L:f3 3. Fe4x или 2... Cf3 3. Ff5x, 1... Lf8! 2. Cd6+ Krf6 3. Ff5x, 1... Sa8! 2. Kc4+ Kpd5 3. Fe4x, 1... Lf6! 2. Ff6+! de 3. Cd6x, 1... Cd5! 2. Ff5+! L:f5 3. Kg4x.

Двухходкову предлагаем читателям решить самостоятельно.

Мат в 2 хода

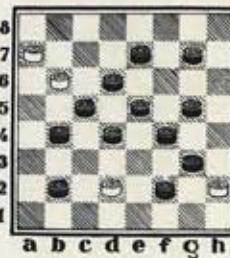
ШАШКИ

Под редакцией
заслуженного
тренера БССР
Виктора КРАМАРЕНКО

КОМБИНАЦИИ

В киевском издательстве «Здоровье» вышла книга мастера спорта СССР А. Злобинского «Комбинации в русских шашках». Автор приспал в премиальный фонд редакции для победителей третьей шашечной олимпиады десять экземпляров своей книги.

Каждая шашечная партия тесно связана с комбинационными идеями. В книге показан процесс рождения комбинации, сделана попытка классифицировать, сгруппировать комбинационные идеи.

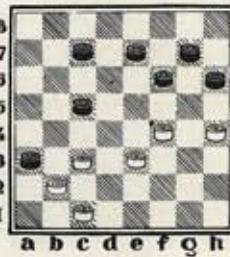
В этой фантастической позиции ход белых. Четыре белых против двенадцати (!) черных, но белые проводят комбинацию.

Эту комбинацию под девизом «рекорд» составил талантливый бакинский мастер и проблемист Ф. Бахтизин.

1. ab! c:a7 2. bc! d:b8 3. de3 f:d2 4. h:f4 d:b6 :f8 :h6 :f4 :c1 :a3 :c5 :e3 :g1x.

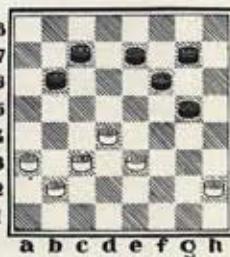
Так что и один в поле воин!

Комбинационная идея
Б. Федорова

У белых шашкой меньше, но они все же добиваются ничьей.

1. cd2! a:c1 2. fe5! Неожиданное вступление: черным представляется возможность взятия в двух направлениях. 2... f:f2. Если 2... f:b7?, то 3. ef4 c:g5 4. h:a1x. 3. cd4!! Первооткрывателем этого эффективного, эластичного удара является Б. Федоров. 3... c1:e3. К немедленной катастрофе ведет 3... c5:e3? 4. d:f4 c:g5 5. h:g1x. Нельзя взять 3... c14 ввиду 4. c:g1x. 4. d:h8 или 4. d:c1 с ничьей.

Предлагаем читателям решить композицию днепропетровского мастера И. Кобцева. Белые начинают и выигрывают. Назовите автора комбинационной идеи, которая здесь использована.

КРОССВОРД

Составил В. ПОПОВ,
Целиноград

По горизонтали:

- Материал для изготовления чемоданов. 6. Приспособление, резко повышающее скорость пловца. 11. Обязательный инструмент в западном джазе. 12. Спортивное общество. 14. Специальность многих прибрежных жителей Исландии. 15. Крупный дальнеевосточный хищник. 16. Должность Мессалы в романе Р. Джованни «Спартак». 18. Сыре для осветительных свечей. 19. Историческая область и провинция на севере Испании. 20. Минеральный нарост на дне пещеры. 24. Постоянный морской ветер в тропической зоне. 25. Время, когда почти каждый пишет стихи. 26. Заслонка в киноаппарате. 27. Высшая степень восторга, воодушевления. 30. Нох для рубки тростника, которым на Кубе владеют все. 33. Живопись, кино, музыка, театр (общее название). 38. Порт на острове Кюсю в Японии. 39. Круглая шапочка. 40. Полная противоположность эгоиста. 41. Вступительная часть русских былин. 43. Созвездие северного неба. 44. Французский механик и математик, усовершенствовавший пресс. 45. Настыль на стропилах здания. 46. Камень, на котором никем не оставили царапины. 47. Разрывной снаряд.

По вертикали:

- Английский физик, один из создателей квантовой механики. 2. Мера роста или убывания физической величины при перемещении на единицу длины. 3. Итальянский писатель-романтик. 4. Тонкая линия, черта. 7. Левый приток Вильи. 8. Часть крупных машин, механизмов в виде буквы «п». 9. Молочный продукт. 10. Лечебное учреждение. 11. Маятниковое колесо в часовом механизме. 13. Полупут с «лицевыми» диском. 16. Бурая морская трава. 17. Преимущественный жанр в живописи И. Хруцкого. 21. Всесоюзный пионерский лагерь. 22. Внешние очертания предмета. 23. Музыкальный жанр, высшие образцы в котором показал И. С. Бах. 28. Город в Черновицкой области. 29..., уанстеп, фокстрот произошли от реттайма. 31. Советская оперная певица. 32. Первоначальное название любого произведения для клавишного инструмента. 34. Тип почвы. 35. Американский биохимик, расшифровавший с Ф. Криком структуру ДНК. 36. Гипсовый мрамор. 37. Ординарец в Красной Армии. 42. «Свадебная» ткань. 43. Герой гражданской войны.

Сдано в набор 04.09.85. Подписано к печати 17.09.85. А 04634. Формат 70×108^{1/8}. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5.60. Усл. кр.-отт. 17.50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 2436. Заказ № 1528

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Занимайтесь
это здоровье, счастье!
С. Маркет

Спортивный автограф

О выдающемся советском гребце Владимире Парфеновиче редакцию просят рассказать многие читатели. «Долгие годы Владимир радовал своих болельщиков прекрасными результатами, удивлял неповторимой манерой гонки», — пишет Дмитрий Ковалев из Ленинграда, — расскажите о «боевом» пути этого замечательного спортсмена». Об этом же просят Ирина Левитина (Ржев), Ринат Чебулаев (Казань), Виктор Пестиков (Воронеж), Александр Швыряев (Москва), Мария Золотова (Чита) и другие. Выполняем просьбу наших читателей.

Подростком он, как сотни других минских мальчишек, «играл» в Александра Медведя. Пленила не слава выдающиеся атлета, истинный смысл ее вряд ли осознается в школьном возрасте, бредил силой, молодецкой удачей. Медведя, виделся тот Володе Минкулью Селяниновичем, а то и самим Ильей Муромцем.

А вот не состоялся Владимир Парфенович как борец. Ходил в секцию, выучил два-три приема и с этим багажом покинул школу. Ушел с ковра, так и не познав пьянящей радости победы, но ушел к воде, на голубое раздолье озера Комсомольского.

Видится, а с годами особенно ощущима огромная схожесть характеров этих двух бойцов-рыцарей. Дело даже не в том, что и Медведь, и Парфенович одержали по три олимпийских победы. Роднит сынов Белоруссии внутренняя собранность и открытость характеров одновременно, уверенность в своих силах и убеждениях, полюс стойкости к славе. Их объединяет и самое ценное качество в спорте — стремление всегда быть первым!

Александр Медведь ушел непобежденным с олимпийского ковра в 1972 году. С той поры не прерывалась и

беспрогрызная серия замечательного мастера байдарочного велса, последняя из побед была им одержана на самой представительной регате прошедшего сезона «Дружба-84» на канале Грюнау.

Три раза подряд Парфеновича включают в десятку лучших спортсменов страны. Причем в 1982 году он занимает вторую строку вслед за пловцом Владимиром Сальниковым. Случай сам по себе уникальный, тем более для представителя гребли, вида спорта, прямо скажем, не столь престижного, если сравнивать с хоккеем, футболом, тяжелой атлетикой. Каких же выдающихся достижений нужно добиться, чтобы завоевать такое признание и популярность!

Вспомним Московскую Олимпиаду-80. Гребцы венчали программу Игр. Стремительно, мощно Владимир Парфенович берет старт в финальной гонке на 500 метров. На первой половине дистанции нашему лидеру пытаются оказать сопротивление олимпийский чемпион Монреаля румын Василе Дыба. Умный, настойчивый гонщик. Но он так и не смог уступить за Парфеновичем, у которого был огромный запас сил. Первая красивая победа! Их будет на канале в Крылатском еще две. Убедительных и столь же красивых. Со своим другом и напарником Сергеем Чухраем Владимир выиграет оба заезда байдарок-двоек: на 500 и на 1000. Ноттингем-81, чемпионат мира.

В победе капитана сборной команды СССР Владимира Парфеновича в гонке одиночек на «пятисотке» сомнений нет. Быстро идут австралиец Джон Сумеджи, веселый Эйнар Рассмусен из Норвегии, но и они не могут оспаривать первое место.

В заездах байдарок-двоек авторитет Владимира не столь убедителен, здесь ситуация не разрешится до окончания решающих заездов. А вдруг Парфенович дрогнет, у него теперь за спиной сидит не трехкратный олимпийский чемпион Чухрай, а юный Сергей Суперат.

Плынет над древним Ноттингемом, где жил когда-то храбрый Робин Гуд, гений великой державы. Затем он повторяется еще раз. И еще. В честь трехкратного победителя мирового чемпионата.

Белград-82, Савское озеро. В 1978 году Владимир здесь уже выступал, впервые мог стать чемпионом мира. Лидировал почти всю дистанцию, но Дыба вырвался перед финишным створом. Вот тогда-то Парфенович скажет как отрубит: «Все, хватит проигрывать...

Теперь знаю, как стать первым». Ему было тогда неполных двадцать лет. Много

повидало быстрых гребцов всемирно известное озеро-канал. Но среди прошлых и настоящих чемпионов Владимир Парфенович выделялся неповторимым почерком, филигранной техникой: перед любителями гребли представил

Мастер. Люди стоя аплодировали советскому гребцу. Трижды — как в Москве и в Ноттингеме — Владимир

поднимался на высшую ступеньку пьедестала.

Век спортсмена, даже очень талантливого, недолг. По крупицам накапливается усталость, резкая болью нет-нет и напоминает о себе когда-то полученная травма, обретают силу дерзкие, полные честолюбия вчерашние юниоры. Лодка Владимира Парфеновича в прошедшем, венчавшем четырехлетие сезоне шла трудно. Когда подошла пора называть участника индивидуальной гонки на 500 метров на «Дружбу-84», единого мнения в сборной не было.

На заключительном сборе в Сынтуле, живописной базе среди есенинских берез на Рязанщине, тренерский совет решает провести контрольный заезд между Парфеновичем и чемпионом страны Александром Водоватовым. «В гонке участвовать не буду,— отрезал минчанин.— Кто выиграет в Сынтуле, проиграет в ГДР». Еще добавил, что, если ему доверят выступать на «Дружбе», он будет первым.

Главный тренер сборной, сам в прошлом выдающийся одиночник Игорь Писарев, вопреки мнению многих других специалистов решает спор в пользу капитана. Регата в Грюнау вылилась в яркую дузль между флотилиями хозяев соревнований и советскими экипажами. Шесть лет великолепные гонщики ГДР жаждали победы на «пятисотке». И каждый раз их опережал Владимир Парфенович.

Грядет вторая в жизни Владимира Парфеновича Спартакиада народов СССР. Как много событий произошло в период первой: выпускные экзамены в Белорусском институте физкультуры, блистательные гонки на спартакиадной регате в Крылатском, вручение золотых наград. И, наконец, самое волнительное, самое трогательное — свадьба. Татьяна Трофимович, чемпионка VII Спартакиады по художественной гимнастике, становится женой Владимира. Время неудержимо...

Не так давно замечательный гонщик Владимир Парфенович простился с гребной дорожкой.

Он ушел непобежденным, как уходят истинные бойцы. Но он по-прежнему в спорте. Правда, теперь уже в иной роли. Вполне вероятно, что в самое ближайшее время мы увидим Владимира Парфеновича в тренерской катере его родного минского «Динамо».

Вячеслав ВОЛКОВ.

Фото Юрия СОКОЛОВА

ВЛАДИМИР ПАРФЕНОВИЧ

